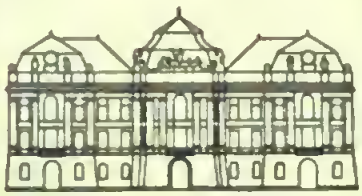
.W.C.U.

MENTEM ALIT ET EXCOLIT



K.K. HOFBIBLIOTHEK
ÖSTERR. NATIONALBIBLIOTHEK

*48.Q.24

N.° 111.

* XLVIII. Q. 24.

ОПИСАНІЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ

сочиненное

СТЕПАНОМЪ КРАШЕНИННИКОВЫМЪ,

Академіи Наукъ Профессоромъ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при императорской академіи наукъ

1755. году

KAISERLICHE KOENIGLICHE
WIEN
HOFBIBLIOTHEK

Digitized by Google

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

о Камчатскихъ народахъ.

ГЛАВА I.

о Камчатскихъ народахъ вообще.

Камчатка сколь дикое мѣсто по своему состоянію, столь и дикими народами обитаемо. Иные изъ нихъ живутъ какъ Лопари, переходя съ мѣста на мѣсто съ олсньими табунами своими; другіе по рѣкамъ въ Восточное и Пенжинское море текущимъ, не перемѣняя жилищъ своихъ, и имѣя отъ ловли рыбной или морскихъ звѣрей пропитаніе, а иные по островамъ лежащимъ около Курильской лопатки, питаясь морскимижъ звѣрьми, рыбою и всякими извергаемыми изъ моря и растущими около береговъ вещами, какъ на примѣръ рѣпою морскою, капустою, раками

и прочая. Перьвые живутъ въ юртахъ изъ оленьихъ кожъ, а протчіе въ землянкахъ. Всѣ вообще языкомъ гнусны, нравами грубы, язычники не знающіе бога и не имѣющіе никакихъ писмянъ.

Природныхъ тамошнихъ жителей считается три народа, Камчадалы, Коряки и Курилы. Камчадалы живутъ въ южной части Камчатскаго мыса, отъ устья рѣки Уки до Курильской лопатки, и на перьвомъ Курильскомъ острову называемомъ Шóумшчу. Коряки въ сѣверныхъ мѣстахъ, и въ кругъ Пенжинскаго мóря до рѣки Нукчана, а въ кругъ Восточнаго Окіяна почти до Анадыря; а Курилы на второмъ Курильскомъ острову и на другихъ до Японскаго владѣнія. И такъ Камчадалы съ южной стороны имѣютъ въ сосѣдствѣ Куриловъ, а съ сѣверной Коряковъ. Коряки смежны съ Чукчами, Юкагирями и Ламутками, а Курилы съ Камчадалами и Японцами.

Камчадаловъ по разности языка можно раздѣлить на два народа, на сѣверной и южной. Сѣверной народъ, которой имѣетъ свои жилища по рѣкѣ Камчаткѣ съ вершины до устья, и по бéрегу Восточнаго Окіяна отъ устья Уки рѣки на югъ до устья Налачевой, за столповой по справедливости почестья можетъ: ибо оной и поступками въ разсужденіи другихъ лучше, и нравами не столь суровъ, и въ языкѣ ни гдѣ почти никакой не имѣетъ отмѣны. Напротивъ того у протчихъ въ каждомъ остróгѣ особливое нарѣчіе примѣчается. Южной народъ по Восточному мéрю отъ Налачевой до Курильской лопатки, а по Пенжинскому отъ лопатки на сѣверъ до рѣки Харіузовой имѣетъ свои жилища. Коря-

Коряки раздѣляются просто на два же народа на Оленныхъ и сидячихъ. Оленные съ табунами своими съ мѣста на мѣсто кочуютъ, а сидячіе живутъ при рѣкахъ, какъ Камчадалы. Въ языкѣ имѣютъ такую разность, что Оленные сидячихъ едва разумѣть могутъ, а особливо шѣхъ, кои смежны съ Камчадалами, и многія слова ихъ въ своемъ языкѣ употребляютъ.

Такимъ же образомъ раздѣляютъ нѣкоторые и Курильцовъ на дальнихъ и ближнихъ. Подъ именемъ дальнихъ разумѣются Курильцы на дальнихъ и на второмъ Курильскомъ острову живущіе, потому что они выѣжжіе съ другихъ острововъ; а подъ именемъ ближнихъ жители перьваго Курильскаго острова и Курильской лопатки. Но сіе раздѣленіе не справедливо. Ибо хотя объявленные перьваго острова и Курильской лопатки жители въ языкѣ своемъ, въ обрядахъ и въ тѣлесномъ видѣ нѣсколько отъ Камчадаловъ и разнствуютъ, однако заподлинно извѣстно, что они происходятъ отъ Камчадаловъ, которыхъ я называю южными: а помянутая разность происходитъ отъ сосѣдства, обхожденія и взаимнаго супружества съ прямыми Курилами.

Камчадалы какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ителъмень*, житель, а въ женскомъ родѣ *Ителъма*, которое названіе произходитъ отъ глагола *Ителахса* живу, какъ пишетъ господинъ Спеллеръ. *Кима ителахса* значитъ я живу, а *Мень* человѣка, *ма ителахсань*, гдѣ онъ живетъ? Корни сихъ словъ, по егожъ объявленію, остались въ языкѣ Камчадаловъ,

которые живутъ между рѣками Немпикомъ и Морошечной. Всемилостивѣйшую Государыню называютъ они *Коачь Деремь*, то есть Государь сіяющій какъ солнце, безъ различія полу: ибо солнце на ихъ языкѣ *Коачь*, а Государь *Деремь*. Россіанъ вообще именуютъ *Брыхтатынь* огненные люди, по причинѣ огненнаго оружія, котораго они не видая прежде, и не имѣя о сперьвъ изъ него понятія, думали, что огонь не изъ ружья выходитъ, но что россіяне огненное имѣютъ дыханіе. Коряки на ихъ языкѣ *Таулюганъ*, Курильцы *Кушинъ* и *Кужинъ*.

Камчадалы между прочимъ имѣютъ такое смѣшное обыкновеніе, что всякую вещь своимъ языкомъ назвать стараются, смотря на сходство ея имени, на дѣйствія и на другія обстоятельства: буде же понятіе какой вещи имъ трудно, и сходства имени скоро не сыщутъ, то и чужеспранное имя принимаютъ, но такъ его испортя, что почти не будетъ имѣть съ сущимъ именемъ и подобія. Такимъ образомъ священникъ у нихъ называется *Богбогъ*, безъ сумнѣнія для того, что часто бога упоминаетъ; Докторъ *Духтонасъ*, Студентъ *Сохейнахчь*, студеной, хлѣбъ *Брыхтатынь аучъ*, Россійская сарана, дячокъ *Ки кангычь*, морской воспрохвостъ утка, которая по ихъ мнѣнію также какъ дячекъ поетъ; Колоколъ *Кухъ*, желѣзо *Оачу*, Кузнецъ *Оазахиса*, Матрозъ *Учапешинитахъ*, на верьхъ лазящій, Конопатчикъ *Калуласанъ*, чай *Сохосохъ*, чайка, Подполковникъ, которой будучи при слѣдствіи многихъ вѣшалъ, *Итахзашахъ* вѣшатель,

Олен-

Оленные Коряки сами себя называютъ *Тумугу́ту*, Россіанъ *Мельгытангы*, какъ уже выше объявлено, Камчадаловъ *Хончала*, а о Курильцахъ не знаютъ. Сидячіе себя называютъ *Чаучу*, Россіанъ также какъ Оленные *Мельгытангы*, Камчадаловъ *Нымылага*, а Курильцовъ *Куинала*.

Курильцы себя называютъ *Уйпутъ-Ехе*, Курильцовъ неясашныхъ, кои на дальнихъ островахъ живутъ, *Янгкуръ*, Россіанъ *Сисанъ*, Камчадаловъ *Арутарункуръ*, а про Корякъ не вѣдаютъ.

Что значатъ названія, о которыхъ знаменованіи не упомянуто, того по притчинѣ грубости народовъ и неисскуства толмачей неможно было провѣдать. Впрочемъ довольно видѣть можно всякому, что мы ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ сосѣдей, которые прежде отъ Россіи завоеваны были, придавъ имени ихъ свое окончаніе и нѣсколько испортя. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы покоряцки, ибо Камчадалъ отъ Коряцкаго Хончала происходитъ; Курильцовъ покамчадски, ибо Курилецъ отъ кунй имѣетъ свое начало.

О происхожденіи Коряцкаго имени хотя неизвѣстно заподлинно, однако Спелберово о томъ примѣчаніе, что слово Коряка происходитъ отъ Хора, Оленя, весьма вѣроятно: ибо Казаки по приходѣ къ сему народу, можетъ быть, часто слыша слово Хора, или и видя что благополучіе помянутыхъ иновѣрцовъ состоитъ въ оленныхъ табунахъ, прозвали ихъ Коряками, то есть Оленнымъ народомъ. Чукчи живущей въ Чукоцкомъ носу не-

мирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ *Чаучу*, которое общее есть всѣмъ сидячимъ Корякамъ. Одно неизвѣстно происхожденіе имени Юкагирь, съ которымъ народомъ Оленные Коряки пограничны въ сѣверѣ. Коряцкое имя Е́дель, то есть Волкъ, которымъ они называютъ Юкагирей по притчинѣ пропитанія ихъ звѣриною ловлею, которую уподобляютъ Волчьему хищенію, за нача́ло Юкагирскаго наименованія поче́сть сумнительно, хотя между обоими именами и есть нѣкоторое сходство; особливо же что не знаемъ мы, какъ Юкагири сами себя называютъ, и какъ сосѣди ихъ, которые живутъ къ Якуцку ближе.

Что касается до языка Камчатскихъ народовъ, то ихъ по числу народовъ три считается: Камчатской, Коряцкой и Курильской: впрочемъ каждой языкъ по разности нарѣчія на особливые языки раздѣляется. Въ Камчатскомъ языкѣ три главныя нарѣчія, одно употребляется у сѣверныхъ, а другое у южныхъ Камчадаловъ. Сіи два нарѣчія такъ между собою различны, что можно бы ихъ поче́сть и за два разные языка; однако Камчадалы другъ друга безъ толмача разумѣютъ, хотя слова́ ихъ нарѣчій не имѣютъ почти никакого сходства, чему господинъ Стеллеръ не безъ притчины удивляется. Третьимъ нарѣчіемъ можно поче́сть языкъ, которымъ говорятъ жители Пенжинскаго мо́ря отъ Воровской рѣки до Тигиля, и которой состоитъ изъ обѣихъ вышеписанныхъ нарѣчій и изъ нѣкотораго числа́ Коряцкихъ словъ. Въ Коряцкомъ языкѣ *дваже нарѣчія, одно Оленныхъ Коря-

*Стеллеръ третьимъ нарѣчіемъ почитаетъ Чукоцкой.

Корякъ, а другое сидячихъ. О Коряцкомъ языкѣ хотя и неизвѣстно заподлинно, сколько въ немъ нарѣчій: ибо подданные россійскіе говорятъ однимъ языкомъ, а о другихъ и сами не знаютъ, однако сумнѣваться почти неможно, чтобъ у нихъ по разнымъ островамъ не было въ языкѣ по крайней мѣрѣ такой же опимѣны, какови у Камчадаловъ южныхъ и у сидячихъ Коряковъ по разнымъ острожкамъ примѣчается.

Камчатской языкъ выговаривается половиною въ горлѣ, и половиною во ртѣ. Произношеніе ихъ языка тихо, трудно, съ протяженіемъ и удивительнымъ пѣлодвиженіемъ, а сіе показываетъ людей боязливыхъ, раболѣпныхъ, коварныхъ и хитрыхъ, каковы они и въ самомъ дѣлѣ.

Коряки говорятъ изъ всего горла съ великимъ крикомъ и замѣшательствомъ: слова въ языкѣ ихъ долги, но слоги коротки: начинаются по большей части съ двухъ гласныхъ и на гласныя же кончатся, какъ напримѣръ *Уемхай*, важенка или нѣжалой олень. Нравы сего народа согласны съ языкомъ ихъ, какъ въ описаніи его объявлено будетъ.

Курилы говорятъ тихо, плавно, свободно и пріятно. Слова въ языкѣ ихъ посредственны, гласныхъ и согласныхъ въ нихъ умѣренно; но и самой народъ всѣхъ дикихъ народовъ добронравнѣе, осторожнѣе, правдивѣе, постояннѣе, обходительнѣе и честолюбивѣе.

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

О произхожденіи званія Камчадалъ и Камчатскаго народа по однимъ токмо догадкамъ.

Хотя и выше сего объявлено, что званіе Камчадалъ произходитъ отъ Коряцкаго имени *Хончало*, однако причины не показано, съ чего Коряки Камчадаловъ такъ называютъ, и для того должно сообщить здѣсь изъясненіе.

Нѣкоторые пишутъ, аки бы помянутой народъ Камчадалами отъ россіанъ прозванъ по рѣкѣ Камчаткѣ, которая до ихъ еще приходу называлась Камчаткою, по имени славнаго воина Кончапа, и аки бы россіане отъ тамошнихъ язычниковъ чрезъ знаки примѣтя, что великая оная рѣка *Коншатка* по ихъ именуется, всѣхъ тамошнихъ жителей прозвали Камчадалами. Но сіе есть искусной вымыселъ и предразсужденіе: 1) для того, что россіанамъ съ Камчадалами чрезъ знаки говорить не было нужды: ибо при нихъ довольно было толмачей изъ сидячихъ Корякъ, которые Камчатской языкъ совершенно знаютъ. 2) что имя Хончатъ Камчадаламъ не вѣдомо. 3) а хотя бы того имени и былъ у нихъ человѣкъ, то рѣка не могла прозваться его именемъ: ибо Камчадалы ни рѣкъ, ни озеръ, ни горъ, ни острововъ именемъ людей не называютъ; но даютъ имъ имена по нѣкоимъ свойственнымъ имъ качествамъ, или по сходству съ другими вещами. 4) что Камчатка рѣка не Коншапкою, но Уйкуалъ, то есть большею рѣкою называется, какъ уже выше объявлено. А съ чего Коряки Камчадаловъ зовутъ *Хончало*, о томъ

хотя

хотя заподлинно объявить и нельзя; для того что Коряки и сами притчины тому не вѣдаютъ: однако не безъ основанія думать можно, что *Хончало* есть испорченное слово изъ *Коочь-ай*, что значитъ жителя по рѣкѣ Еловкѣ, которая течетъ въ Камчатку, и Коочь называется, какъ въ перьвой части сего описанія показано.

Камчадалы кромѣ общаго имени Ительмень, различаютъ себя отъ большей части званіемъ рѣкъ или другихъ урочищъ, гдѣ они жилища свои имѣютъ: такъ напримѣръ, Кыкша-ай, житель при большей рѣкѣ, Суачу-ай, житель при Авачѣ, Коочь-ай Еловскій житель и прочая: ибо ай приложенное къ званію рѣки или другаго какого урочища значитъ жителя того мѣста, къ которому прилагается, такъ какъ Ительмень вообще Камчатскаго жителя.

Которые Кончата славнымъ воиномъ тамошнихъ мѣстъ называютъ, тѣ въ одномъ томъ ошиблись, что храбрость оную одному человѣку приписали, которую надлежало приписать всѣмъ Еловскимъ жителямъ, изъ которыхъ каждой *Коочь ай* или по ихъ *Кончатъ* называется. Ибо сіе самая правда, что Еловскіе жители издревле почитались храбрыми, и славны были передъ прочими; чего ради и Корякамъ, какъ по сосѣдству, такъ и по той знати подъ именемъ своимъ *Коочь-ай*, которымъ они и отъ другихъ Камчадаловъ называются, были вѣдомы.

О перемѣнѣ Коочь-ай на Хончала, и Хончала на Камчадала, въ разсужденіи нарочитаго сходства именъ, немногіе, чаю, сумнѣваться имѣютъ, особливо которымъ извѣстно, коимъ образомъ и въ самыхъ Европейскихъ

пейскихъ языкахъ чужестранныя слова портятся, а по тамошнимъ мѣстамъ тысячи оному примѣровъ показать можно, какъ нешокмо язычники, но и самые россіяне чужія званія портятъ. Такъ напримѣръ изъ Усъ-кыгъ, то есть Усъ рѣчка, здѣланы у нихъ ушки, изъ Кру-кыгъ крюки, изъ Уутку утка, изъ Кали кыгъ Халилики, изъ Кужи Курилъ или Курилецъ и прочая. Что жъ касается до происхожденія Камчатскаго народа, до прежняго мѣста жилищъ ихъ, до преселенія въ сіи мѣста и до времени преселенія, того хотя съ такою исправностію, какова требуется по исторической достовѣрности, показать и не возможно; ибо дикой оной народъ, у котораго всѣ доказательства древности состоятъ въ словесныхъ преданіяхъ, и самъ ничего о томъ не вѣдаетъ, но напаче утверждаетъ, что они на семъ мѣстѣ сотворены, и ни въ какія другія мѣста никогда не преселялись, а творцомъ своимъ и прародителемъ почитаютъ Кутху, которой прежде живалъ на небѣ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ пространнѣе; однако по склонности, по внѣшнему виду, по обычаямъ, по имени, по языку, платью, и по другимъ обстоятельствамъ думать можно, что Камчадалы въ древніе годы преселились туда изъ Мунгаліи, которой древности Спеллеръ приводитъ слѣдующее въ доказательство:

1) Что Камчадалы не знаютъ, откуда они происходятъ, потерявъ о томъ всѣ преданія: чего ради вѣрить начали, что Кутху на томъ мѣстѣ ихъ создалъ, какъ выше показано.

2) Что они до приходу россійскихъ людей ни о какихъ другихъ народахъ ни мало не знали, выключая

чая сосѣдей своихъ Корякъ и Чукочь, а о Японцахъ и Курильцахъ увѣдали они не весьма давно, или по притчинѣ бывшаго торгу съ ними, или потому что иногда выкидывало на берега ихъ Японскія бусы.

3) Что сіи народы весьма умножились, не взирая на то, что ежегодно много ихъ погибало отъ катящагося съ горъ снѣгу, отъ бурь, отъ звѣрей, отъ потопленія, отъ самоубивства и отъ войны между собою.

4) Что они великое имѣютъ знаніе въ тамошнихъ натуралныхъ вещахъ, какую онѣ имѣютъ силу, и къ чему угодны, чего въ краткое время опытами извѣдать не можно, тѣмъ наипаче, что для такого изслѣдованія болше четырехъ мѣсяцовъ въ году не остается: ибо зима тамъ долгая, а лѣто короткое, но и то время надлежитъ имъ употреблять на рыбную ловлю, какъ на главное пропитаніе.

5) Что инструменты и всякая домовая посуда разнятся отъ посуды всѣхъ другихъ народовъ, и что по обстоятельству ихъ житія и нужды такъ хитро здѣланы, что не видавъ образца и разумному трудно выдумать: такого состоянія ихъ санная ѣзда на собакахъ.

6) Что нравы ихъ грубы, и склонность не разнствуетъ отъ безсловесныхъ животныхъ: ибо они пекутся о удовольствіи токмо плоти, которое почитаютъ за вящшее благополучіе, а о душѣ не имѣютъ и понятія.

Чтожъ они произошли изъ Мунгаліи, а не отъ другихъ народовъ, то есть ни отъ Татаръ по сю

сіпорону Амура живущихъ, ни отъ Курильцовъ, ни отъ Японцовъ, о томъ думать побуждаютъ нижеписанныя обстоятельства. Отъ поколѣнія татаръ немолно, кажется имъ быть для того, что въ противномъ случаѣ при своемъ преселеніи конечно заняли бы они мѣста по Ленѣ, которыми нынѣ владѣютъ Якуты съ Тунгусами: ибо они и по довольству къ содержанію удобнѣе Камчатскихъ, и никѣмъ не были обипаемы. будеже думать, что они въ тѣхъ мѣстахъ живали, но послѣ выгнаны Якутами по приходѣ ихъ въ тѣ мѣста, какъ Тунгусы, которые нынѣ живутъ въ срединѣ между братскими и Якутами, то бы Якуты и объ нихъ, такъ какъ о Тунгусахъ имѣли хотя малое извѣстіе, чего однакожъ непримѣчено. Что они не отъ роду Курильскаго, оное доказывается нравами и совершеннымъ несходствомъ въ тѣлесномъ видѣ; а что не отъ Японцовъ, то вѣроятною древностію ихъ преселенія въ тѣ мѣста, которое, кажется, случилось, прежде нежели Японцы отъ Китайцовъ отпали и поселились на нынѣшнемъ мѣстѣ. Причина тому, что Камчадалы о употребленіи желѣза и о желѣзной рудѣ, также и о другихъ металлахъ не вѣдаютъ, хотя Мунгалы назадъ тому болѣе двухъ тысячь лѣтъ и ружейной снарядъ и домовые инструменты изъ желѣза дѣлать начали, такъ какъ Татары изъ мѣди ножи и кинжалы. По чему вѣроятно, что Камчадальскіе народы въ началѣ самодержавнаго владѣнія Князей въ Восточныхъ странахъ Азіи, удалились къ морю такъ какъ Лопари, остяки и самоядь, убѣгая отъ нашествія другихъ народовъ въ Европѣ, и по берегу Пенжинскаго

скаго мѣря дошли до Камчатки. Ежели же бы Камчадалы не спарѣ Тунгусовъ были преселеніемъ, то бы Тунгусы при случаѣ своего бѣгства не преминули дойти до Камчатки, какъ до мѣста безопаснѣйшаго по отдаленію. Чтожъ тѣ мѣста заняты были толь многочисленнымъ народомъ, что Тунгусы не взирая на храбрость свою не могли противъ ихъ отважиться, то непосредственно слѣдуетъ, что они задолго до приходу Тунгусовъ поселились и умножились.

Что касается до прежнихъ жилищъ Камчатскаго народа, то они, кажется, жили за Амуромъ въ Мунгаліи, и прежде съ Мунгалами были одинъ народъ, а оное доказывается слѣдующими доводами. 1) Что* въ Камчатскомъ языкѣ много словъ, которыя имѣютъ Мунгальское или Китайское свойство по окончаніямъ на онгъ, ингъ, олгъ, чинъ, ча, чингъ, кси, ксунгъ; однако много бы того было, естьли бы кто многихъ и цѣлыхъ словъ и согласныхъ реченій потребовалъ; ибо Камчатскій языкъ въ одномъ народѣ и въ одной землѣ діалектами разнится; но довольно для свойства языка и того, по чему Европеецъ не учась языкамъ знаетъ изъ одного произношенія, кто говоритъ по Нѣмецки, кто по Французски, по Италіянски, и прочая; напаче разность словъ сама доказательствомъ, что преселеніе Камчатскаго народа въ самыя древнія времена было, и что понынѣ осталась одна тень сходства между языками, а не самое сходство, такъ какъ

*Камчатской и Коряцкой народъ должно разумѣть за одинъ народъ, какъ изъ слѣдующаго явствуетъ, а обѣявленныя окончанія токмо въ Коряцкомъ языкѣ примѣчаются.

Digitized by Google

въ Еврейскомъ и Татарскомъ. Въ утвержденіе сего можетъ служить, что Камчатской языкъ съ Мунгальскимъ не токмо въ словахъ имѣетъ сходство, но въ склоненіи и произвожденіи: ибо въ Мунгальскомъ языкѣ сіе особливое, что много перьвообразныхъ. 2) Что Камчадалы такъ какъ Мунгалы ростомъ ниски, тѣломъ смуглы, немохнаты, черноволы, малобороды, лицемъ калмыковаты съ покляпыми носами, косолапы. Глаза у нихъ впали, брови малы и рѣдки, брюха отвислы, ноги и руки малы и тонки, походка тихая. Сверьхъ того робость, хвастовство, раболѣпность къ строгимъ, упрямство и презрѣніе къ ласковымъ обоимъ народамъ свойственны.

ГЛАВА 3.

О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа.

До покоренія Россійскому владѣнію дикой оной народъ жилъ въ совершенной вольности; не имѣлъ никакихъ надъ собою начальниковъ, не подверженъ былъ никакимъ законамъ, и дани никому не плачивалъ. Старые и удалые люди имѣли въ каждомъ острожкѣ преимущество, которое однакожъ только въ томъ состояло, что ихъ совѣты предпочитались; впрочемъ было между ими равенство, никто никѣмъ повелѣвать не могъ, и никто самъ собою не смѣлъ другаго наказывать.

По внѣшнему виду сей народъ и сходенъ съ другими Сибирскими народами, и нѣкоторую имѣетъ отмѣну, почему оной легко распознать можно, какъ

уже

уже выше показано. Сходство состоитъ особливо втомъ, что они пѣломъ смуглы и черноволосы, что глаза у нихъ малы и лица плоски; а несходство, что лица у Камчадаловъ не столь продолговаты и скуласты, какъ у другихъ народовъ, что щеки у нихъ одутловаты, губы толсты и ротъ превеликой, возрасту всѣ по большей части средняго, плечисты и присадисты, особливо, кои живутъ при морѣ, и морскими звѣрями питаются. Великановъ по всей Камчаткѣ не примѣчено.

Въ жилъѣ гнусны, никакой чистоты не наблюдаютъ, лица и рукъ не умываютъ, ногтей не обрѣзываютъ, ѣдятъ изъ одной посуды съ собаками, и никогда ея не моютъ, всѣ вообще пахнутъ рыбою, какъ гагары: волосовъ на головѣ не чешутъ, но расплетаютъ на двѣ косы какъ мущины такъ и женщины. У которыхъ бабъ долгія косы, пѣ для красы расплетаютъ ихъ на многія мѣлкія косы, а потомъ въ двѣ большія соединяютъ, и закинувъ на спину связываютъ на концѣ веревочкой. Когда волосы изъ косъ выбиваются, то пришиваютъ ихъ нитками, чтобъ были гладки, и потому онѣ столь вшивы, что рукою, какъ гребнемъ, поднявъ косы ихъ чешутъ, и смятая въ кучу пожираютъ, какъ выше показано. А у которыхъ волосы малы, пѣ парики объявленнымъ образомъ здѣланные носятъ, которые вѣсомъ бываютъ до десяти фунтовъ, и голову сѣнною копною представляютъ: впрочемъ женской полъ красивѣе, и кажется умняе, чего ради изъ бабъ и изъ Коекучей ихъ больше шамановъ, нежели изъ мужеска полу.

Платье

Платье носятъ изъ звѣриныхъ кожъ ; питаются кореньемъ, рыбою и морскими звѣрями. Живутъ зимою въ земляныхъ юртахъ, а лѣтомъ въ балаганахъ: въ зимнее время ѣздятъ на собакахъ, а лѣтомъ, гдѣ судовой ходъ, баштами, а гдѣ нѣтъ, пѣшіе ходятъ. Тяжести мущины на плечахъ, а женщины лбомъ носятъ.

О богѣ, порокахъ и добродѣтеляхъ имѣютъ развращенное понятіе. За вящшее благополучіе почитаютъ обѣденіе, праздность и плотское совокупленіе : похоть возбуждаютъ пѣніемъ, пляскою и разсказываніемъ любовныхъ басенъ по своему обыкновенію. Главной у нихъ грѣхъ скука и неспокойство, которато убѣгаютъ всѣми мѣрами, не щадя иногда и своей жизни. Ибо по ихъ мнѣнію лучше умереть, нежели не жить, какъ имъ угодно. Чего ради прежде сего самоубивство было у нихъ послѣдней способъ удовольствія, которое до самаго ихъ покоренія продолжалось, а по покореніи такъ было умножилось, что изъ Москвы нарочные были указы, чтобъ россіянамъ не допускать Камчадаловъ до самовольной смерти.

Впрочемъ живутъ они безъ заботно, трудятся по своей волѣ, думаютъ о нужномъ и настоящемъ, будущее со всѣмъ оставя. Богатства, славы и чести не вѣдаютъ, чего ради нѣтъ между ими сребролюбія, любочестія и гордости, но токмо роскошь и похоть съ своими плодами, а притомъ ярость, ненависть и мщеніе : чего ради и войны какъ между собою, такъ и съ сосѣдьними народами имѣли они не для распространенія земли, ни для пріобрѣтенія власти, но по

причинѣ

причинѣ какой нибудь обиды, или для [illegible]ія свѣстныхъ припасовъ, а наиболыше для дѣвокъ, которыхъ они могли въ жёны брать съ мёньшимъ трудомъ, нежели какъ добровольно: ибо имъ жёны весьма доставались дорого, какъ о томъ въ своемъ мѣстѣ объявлено будетъ.

По тойже причинѣ и торги у нихъ не для богатства были, но для полученія нужнаго къ содержанію. Корякамъ давали они соболи, лисицы, рослыя бѣлыя сабачьи кожи, сушеной мухоморъ и другія мѣлочи, а отъ нихъ получали шипое оленье платье и кожи. Между собою мѣнялись пѣмъ, въ чемъ одинъ противъ другаго имѣлъ изобиліе и недостатокъ, въ томъ числѣ почитались сабаки, лодки, чаши, корыта, сѣпи, кропива мятая и свѣстные припасы; а мѣна оная отправлялась подъ видомъ сведенія дружбы: ибо когда кому что у другова нравилось, или въ чемъ случалась нужда, то долженъ онъ былъ къ другому пріѣхать въ гости, и сказать о томъ безъ зазору, что онъ въ гости къ нему пріѣхалъ, хотя бы прежде и не имѣлъ съ нимъ обхожденія. Тогда хозяину надлежало потчивать его по обычаю, обрать все, что понравится, и отпустить домой почти нагова; а потомъ самому къ нему пріѣхать, и быть принятту равнымъ образомъ: при которыхъ случаяхъ оба получали то, въ чемъ имѣли нужду, но о семъ въ особливой главѣ писано будетъ пространнѣе.

Поступки ихъ безмѣрно грубы. Учтивства въ словахъ и поздравленія нѣтъ въ обычаѣ. Шапокъ не скидаютъ, и не кланяются другъ другу. Въ разго-

 рахъ

рахъ столь глупы, что кажется, будтобы они токмо языкомъ разнились отъ безсловесныхъ животныхъ: однако любопытны, и всякой вещи начало и произхожденіе объявить стараются, которое однакожъ не превосходитъ мѣры ихъ понятія.

Всѣ почти мѣста въ свѣтѣ, небо, воздухъ, воды, землю, горы и лѣса населили они различными духами: которыхъ опасаются, и больше бога почитаютъ. Жертвы даютъ при всякомъ случаѣ, а иныхъ и болваны при себѣ носятъ, или имѣютъ въ своихъ жилищахъ. А бога напропивъ того нетокмо не боятся, но и злословятъ при трудныхъ или нещастливыхъ случаяхъ.

Лѣтъ отъ рожденія себѣ не знаютъ. Счетъ, хотя у нихъ и до ста есть, однако такъ имъ труденъ, что безъ пальцовъ трехъ перечесть не могутъ. Всего смѣшнѣе, когда имъ надобно считать больше десяти, тогда они пересчитавъ пальцы у рукъ, и сжавши обѣ руки вмѣстѣ, что значитъ десять, остальное дочитаютъ ножными перстами. Будеже число превзойдетъ двацать, то пересчитавъ пальцы у рукъ и у ногъ въ нѣкоторое приходятъ изумленіе, и говорятъ *Мáча*? то есть, гдѣ взять.

Въ году считаютъ десять мѣсяцовъ, изъ которыхъ иные долѣ, а иные короче; для того что они не по лунному теченію ихъ раздѣляютъ, но потому, что когда дѣлаютъ, какъ видно изъ слѣдующихъ ихъ названіевъ.

1. Чýжлингачь-кулéчь. Грѣховъ очиститель, ибо въ семъ мѣсяцѣ бываетъ у нихъ

нихъ праздникъ и грѣховъ очищеніе.

2. Кукамлилиначь-кулечь. Отъ великихъ морозовъ топорища ломаются.
3. балатулъ —— Тепла начáло.
4. Кыдышкуннычь —— Долгой день становится.
5. Кáхтанъ —— Наставой мѣсяцъ.
6. Кýйше —— Мѣсяцъ красной рыбы.
7. Áжаба —— —— бѣлой рыбки.
8. Кайко —— —— Кайка рыбы.
9. Кы́жу —— —— бѣлой рыбы.
10. Кихтеру —— —— листопадной.

Сей послѣдней мѣсяцъ до самаго Ноября или до ихъ грѣховъ очистителя продолжается: чего ради содержитъ въ себѣ около трехъ мѣсяцовъ. Но сіи имена мѣсяцамъ не у всѣхъ Камчадаловъ употребительны, да токмо у пѣхъ, кои живутъ по рѣкѣ Камчаткѣ; а у находящихся отъ Камчатки въ сѣверѣ, нѣкоторымъ мѣсяцамъ имена особливыя, и въ счисленіи ихъ слѣдующей порядокъ:

1. Кéлуооль - кулечь. рѣкоставъ мѣсяцъ.
2. Кыжатпъ - —— Звѣрей слѣдить удобной.
3. Чужлингечь- —— Грѣховъ очиститель.
4. Кýкамлилингчь —— Отъ мороза топорища ломаются.
5. Кы́дышконнечь —— Дни долгіе становятся.
6. Шижо - —— Лахтаки щенятся.
7. Кууль - —— Тюлени щенятся.
8. Кóжа - —— Дѣжалые олени телятся.
9. Каю - —— Дикіе олени телятся.

10. Куйлькожалидечь кулечь. Рыбу промышлять начинаютъ.

Годъ раздѣляется, на четыре части и лѣто называютъ они *Адамаль*, зиму *Квелелю*, осень *Кытчеиль*, весну *Угаль*, а когда которое время начинается или кончится, отомъ сказано мнѣ, что они того не вѣдаютъ; но господинъ Стеллеръ о раздѣленіи времени слѣдующее пишетъ: Камчадалы довольно знаютъ, что свѣтъ сотворенъ не отъ вѣка, но что оной воспріялъ начало со временемъ. Время отъ жителей Пенжинскаго моря *Итхуохъ* или *Азхедъ*, а отъ жителей рѣки Камчатки *Летхуль* или *Ельчичь* безъ всякаго въ произведеніи основанія именуется. Отъ незнанія движеній главныхъ планетъ раздѣляютъ они время удивительно, и дѣйствія движенія на землѣ принимая въ основаніе опредѣляютъ оное. Вообще солнечной годъ раздѣляютъ на двое, считая по шести мѣсяцовъ въ каждой половинѣ. Такимъ образомъ зима составляетъ у нихъ годъ, а лѣто другой.

Величина каждаго года опредѣляется теченіемъ луны, и время отъ одного новомѣсячія до другова за число дней въ мѣсяцъ принимается. Лѣтней годъ начинается у нихъ съ Маія мѣсяца, а зимней съ Ноября. Южные Камчадалы Май называютъ тава-коачь, то есть травничковъ мѣсяцъ, ибо тава на ихъ языкѣ травникъ, а *хоачь* луна и солнце. Причина названія мѣсяца, что тогда травники прилетаютъ, и вездѣ появляются. Іюнь *хуа-хоачь* кокушкинъ мѣсяцъ, что кокушка тогда кокуетъ: Іюль *Етемета-хоачь* лѣтней мѣсяцъ: Августъ *Кихзуя-хоачь* отъ промыслу рыбы

при

при лунномъ сіяніи; Сентябрь *Коазуатка хоачь* блеклой и листопадной мѣсяцъ отъ того, что въ то время листъ на деревьѣ блекнетъ и опадаетъ. Октябрь *Пикиѣ-хоачь* пигалицей мѣсяцъ, для того что малая сія птица, которой во все лѣто на деревахъ сѣрымъ листьемъ не можно видѣть, тогда оказывается. Сіи шесть мѣсяцовъ составляютъ лѣто и первой годъ. Въ зимнемъ году первой числится Ноябрь по ихъ званію *Каза хоачь* отъ дѣланія крапивы, ибо крапива по ихъ казаанъ называется, которую они тогда рвутъ, мочатъ, деруть и сушатъ. Декабрь *Нохоасиль*, нѣсколько озябъ, показывая, что тогда обыкновенно стужа начинается. Генварь *Зиза-хоачь* не трогай меня, отъ того что почитается тогда за великой грѣхъ прикадкою изъ рѣкъ пить воду, но надлежитъ въ то время имѣть при себѣ ковшъ или бараней рогъ, которой вмѣсто ковша употребляется. Причина тому, что они пьючи прикадкою опмараживаютъ губы. Февраль *Кика-хоачь*, отъ лѣсницъ, по которымъ они на балаганы лазятъ, и по которымъ тогда усматриваютъ, что дерево отъ стужи бываетъ крѣпко, Мартъ *Агду-хоачь* отъ отверстія юрты, для того что въ то время проталины около онаго обыкновенно случаются. Апрѣль *Магаль-хоачь* Трясогускинъ мѣсяцъ, для того что трясогуски тогда прилѣтаютъ, и показываютъ своимъ прибытіемъ, что зима и годъ окончились.

Въ семъ извѣстіи господина Стеллера двѣ вещи не недостойны примѣчанія, 1) что попались ему, какъ видно, умные люди, съ которыми онъ разговаривалъ. 2) что

не у всѣхъ Камчадаловъ одно число и имена мѣсяцамъ.

Дней они не различаютъ особливымъ званіемъ, не раздѣляютъ ихъ на недѣли или другіе періоды, и числа дней въ году и мѣсяцъ не знаютъ.

Время опредѣляютъ по знатнымъ нѣкоторымъ приключеніямъ, какъ на примѣръ по приходу Россіянъ, по великому Камчатскому бунту, по первой Камчатской Экспедиціи. Письма никакого не знаютъ, ни гіероглифическихъ фигуръ для памяти не употребляютъ, но однихъ повѣстей и преданій держатся, которыя часъ отъ часу въ такой недостатокъ приходятъ, что отъ сущихъ дѣйствій, какъ бы одна пѣнь остается.

Причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній не знаютъ. Однако въ случаѣ ихъ выносятъ на юрту огонь, и приказываютъ свѣтиламъ, чтобъ они свѣтили по прежнему. Затмѣнія солнца и луны называются по ихъ *Кулечьгужичь*.

Изъ звѣздъ знаютъ имена токмо тремъ созвѣздіямъ, большему медвѣдю, плеядамъ и тремъ звѣздамъ въ Оріонѣ. Медвѣдя называютъ *Кранхль*, плеады *Дежичь* или *Ижичь* а Оріона *Ухалтежидъ*.

Громъ и молнію иные врагамъ, а иные людямъ живущимъ въ горѣлой сопкѣ приписываютъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ.

Вѣтрамъ имена у нихъ есть только знатнѣйшимъ, однако не одинакія. Живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ восточной вѣтеръ называютъ *Шангышъ*, съ низу вѣющей, западной *Быкымыгъ*, сѣверной *Бетежемъ*, сѣверовосточной *Коаслюль* жировой, потому что онымъ

вѣт-

вѣтромъ къ берегамъ ледъ нажимаетъ, въ которомъ случаѣ быютъ они много морскихъ звѣрей, и ѣдятъ жирно. Сѣверо-западной *Тагъ* Верьховой, южной *Челюхынгъ*. А живущіе отъ рѣки Камчатки на сѣверъ Восточной вѣтръ называютъ *Кунеушхтъ* съ моря дышущей, Западной *Еемшхтъ* съ земли вѣющей, сѣверной *Тынгылшхтъ* студеной, южной *Челюгынхъ*, южно-западной *Гынгы Еемшхтъ* женская погода, для того что во время онаго вѣтра небо по ихъ мнѣнію, какъ женщина, плачетъ.

Судъ и расправа у нихъ общая. Удовольствіе обидимому равное воздаяніе. Кто кого убилъ, тотъ самъ отъ сродниковъ убіеннаго былъ убиваемъ. Ворамъ, кои часто приличались, обжигали руки обвивъ ихъ бересгою; но тѣхъ, кои въ перьвой разъ бывали поиманы, покраденые били безъ всякаго отъ вора сопротивленія, послѣ чего принуждены были такіе люди жить на единѣ безъ всякой помощи и безъ всякаго съ другими обхожденія, какъ сущіе плуты и политическою смертію казненые.

Невѣдомыхъ воровъ наказывали они женіемъ становыхъ жилъ каменнаго барана при собраніи и при шаманствѣ, ибо по ихъ мнѣнію сводитъ послѣ того злодѣя вмѣсто, какъ жилы отъ огня сжимаются.

О имѣніи и юртахъ никогда они не ссорятся, ибо для всякаго земли, воды и произрастающихъ съ животными довольно, о границахъ и предѣлахъ не бываетъ споровъ, ибо всякъ со излишествомъ имѣетъ пропитаніе отъ той рѣки и луговъ, гдѣ его рожденіе.

Женъ

Жен҃ имѣютъ по одной, по двѣ и по три, сверхъ того нѣкоторые содержатъ и такъ называемыхъ по ихъ Коекучей, которые въ женскомъ платьѣ ходятъ, всю женскую работу отправляютъ, и съ мущинами не имѣютъ никакого обхожденія, будто бы гнушались дѣлами ихъ, или зазирались вступать не въ свое дѣло.

Мѣры верстамъ не знаютъ. Разстояніе считаютъ по ночамъ, сколько будучи въ дорогѣ ночевать должны.

Великое искусство имѣютъ пересмѣхать всякаго и точно представлять, кого похотятъ, по походкѣ, по голосу, по рѣчи и по всѣмъ пріемамъ: такимъ же образомъ представляютъ они и звѣрей и птицъ, и сіе у нихъ въ числѣ непослѣднихъ забавъ почитается.

Но сколь они въ житьѣ своемъ ни гнусны, и въ поступкахъ ни глупы, однако о всемъ такое мнѣніе имѣютъ, что нѣтъ лучше житья ихъ и удовольствія. Чего ради казачьему житью, въ чемъ съ ихъ несходно, не безъ презрѣнія удивляются. Токмо нынѣ во всемъ послѣдовала великая перемѣна. Старые, которые крѣпко держатся своихъ обычаевъ, переводятся, а молодые почти всѣ воспріяли Христіанскую вѣру, и стараются во всемъ Россійскимъ людямъ послѣдовать, насмѣхаясь житію предковъ своихъ, обрядамъ ихъ, грубости и суевѣрію. Во всякомъ остро́гѣ опредѣленъ начальникъ, который Тоіонъ называется, и которому по высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу поручены судъ и расправа надъ подчиненными кромѣ криминальныхъ дѣлъ. Во многихъ мѣ-

мѣст
дей
кнов
там
отда
кос
нищ

П

или
Пока
казат
того
оныс
сидя

капы
длин
ямѣ
толс
На с
попс
тверд
и вм
мяну
вна

Digitized by Google

мли утверждаются; и обрѣвшія ихъ жердями покрываютъ травою, и осыпаютъ землею, такъ что юрта съ наружи имѣетъ видъ небольшаго круглаго холмика; но внутри онъ четвероугольныя, однако почти всегда двѣ спѣны бываютъ долѣ, а двѣ короче. У одной продолговатой спѣны между стоячими столбами бываетъ обыкновенно очагъ, а отъ него выводъ, котораго внѣшнее отверстіе гораздо ниже помянутаго. дѣлаетсяъ сей выводъ для того, чтобъ входящимъ во оной воздухомъ выгоняло дымъ вонъ изъ юрты чрезъ верхнее отверстіе.

Внутри юрты подлѣ спѣнъ дѣлаютъ они полки, на которыхъ спятъ семья подлѣ семьи рядомъ. Токмо не бываетъ полковъ противъ очага: ибо тамъ обыкновенно стоитъ домовая посуда ихъ, чаши и корыта деревянные, въ которыхъ и себѣ и сабакамъ ѣсть варятъ. А въ которыхъ юртахъ полковъ нѣтъ, тамъ вкругъ мѣстъ, гдѣ спятъ, положены бревна, а самыя мѣста усланы рогожами.

Украшенія въ юртахъ никакого нѣтъ, кромѣ того, что у нѣкоторыхъ стѣны обвѣшены бываютъ плетеными изъ травы рогожами, а по ихъ званію чирелами.

У сѣверныхъ Камчадаловъ бываетъ въ юртахъ по два идола, изъ которыхъ одинъ называется Хантáй, а другой Ажушакъ. Хантáй дѣлается наподобіе сирены, то есть съ головы по груди человѣкомъ, а оттуду рыбою, и ставится обыкновенно подлѣ огница; а для чего и во образъ кого, другой причины не могъ вывѣдать кромѣ того, что есть духъ сего имени. Идолъ сего

го Ханпая ежегодно дѣлается новой во время грѣховъ очищенія, и ставится со старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юртѣ лѣтъ отъ построенія. Ажушакъ есть столбикъ съ обдѣланною верхушкою на подобіе головы человѣческой: ставится надъ домашнею посудою, и почитается за караульщика отгоняющаго отъ юрты лѣсные духи; за что и кормятъ его Камчадалы по всякой день, мажутъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Сего идола и южные Камчадалы имѣютъ, и называютъ Ажулуначь, но вмѣсто Ханпаевъ есть у нихъ по грядкамъ колье съ обтесаными головками, именуемое Урилыдачь.

Входятъ въ юрты по лѣсницамъ стремянкамъ, подъ которыми обыкновенно очагъ бываетъ, и для того во время топленія юрпы непривычному трудно входить и выходить изъ юрты: ибо и лѣсница такъ горяча бываетъ, что ухватиться нельзя; и проходя сквозь дымъ должно переводить духъ, чтобъ не задохнуться. Но Камчадаламъ то не препятствуетъ: ибо они по своимъ лѣсницамъ, на которыхъ ступеняхъ токмо носками становиться можно, такъ какъ бѣлки наверьхъ взбѣгаютъ; и бабы съ малыми ребятами за плечьми сквозь дымъ ходить не опасаются, не смотря на то, что онѣ и коекчучи имѣютъ позволеніе входить и выходить чрезъ другое отверстіе, которое просто жупаномъ называется. Впрочемъ есть ли мущина пойдетъ жупаномъ, тотъ часъ причину подастъ надъ собою смѣяпься: ибо сіе у нихъ столь странное дѣло, что

казаковъ, которые при первомъ случаѣ не обыкнувъ ходить сквозь дымъ, выходили жупаномъ, почитали они всѣхъ коскучами.

Головни изъ юртъ выметываютъ въ верхнее отверстіе ущемя въ двѣ нарочно для того здѣланныя палки, которыя называютъ Андронами, и тотъ за великаго щеголя и удальца почитается, которой большія головни изъ глубокой юрты выбрасываетъ мѣтко.

Въ сихъ юртахъ живутъ Камчадалы съ осени до весны, а потомъ выходятъ въ балаганы. Южные Камчадалы юрту называютъ *Тголихегсчичъ*, а сѣверные *Кузучъ* или *Тимусчичъ*. Верхнее отверстіе *Оночь*, нижнее *Линемъ*, закрышку его *Шолоначь*, отъ чего весь выходъ казаки называютъ жупаномъ. Стоячіе столбы въ юртѣ *Коходъ*, а толстыя бревна, которыя съ земли прислоняются къ перекладинамъ, *Кошледъ*.

При каждой юртѣ бываетъ по малой мѣрѣ столько балагановъ, сколько семей въ острожкѣ: ибо оные и вмѣсто кладовыхъ анбаровъ, и вмѣсто лѣтнихъ покоевъ служатъ, а дѣлаются слѣдующимъ образомъ: Сперва ставятъ девять столбовъ вышиною сажени по двѣ и больше, въ три ряда въ равномъ разстояніи. Столбы связываютъ перекладинами, на перекладинахъ мостятъ полъ кольемъ, и устилаютъ травою: поверхъ полу дѣлаютъ изъ кольяжъ высокой востроверхой шатеръ, которой обрѣшетя прутьями или тонкими кольями, покрываютъ травою. Траву прижимаютъ кольемъ, а для крѣпости, чтобъ не сносило вѣтромъ, концы верхняго колья съ концами нижняго связываютъ ремнями и веревками. Двери у нихъ дѣлаются съ двухъ сторонъ,

одни

однѣ противъ другихъ прямо. Ходятъ на балаганы по такимъ же лѣстницамъ, какъ въ зимнія юрты.

Такіе балаганы бываютъ у нихъ не токмо при зимнихъ юртахъ, но и на лѣтовьяхъ, гдѣ кормъ промышляютъ, и сіе строеніе по обстоятельству тамошнихъ мѣстъ весьма способно и нужно: ибо въ разсужденіи тамошнихъ мокрыхъ погодъ во время рыбной ловли принуждены они бываютъ досушивать рыбу подъ балаганами. Но есть и другая тамошнимъ жителямъ выгода отъ балагановъ; ибо когда они съ лѣтнихъ промысловъ въ домы возвращаются, то сушеную рыбу обыкновенно оставляютъ до зимы въ балаганахъ, по большой части безъ караулу, токмо отставя прочь лѣстницу. И такимъ образомъ кормъ ихъ хранится въ цѣлости отъ звѣрей, которые на балаганы по лѣстницѣ не легко могутъ; а ежели бы оное строеніе не столь высоко было, тобы звѣри ничего имъ не оставили: ибо есть примѣры, что медвѣди взлазятъ иногда и въ балаганы не смотря на всѣ трудности, особливо же въ осеннее время, когда въ рѣкахъ рыба и по полямъ ягоды перемѣжаются.

На лѣтнихъ промыслахъ при балаганахъ дѣлаются травяные шелыги, которые покамъ іапски бажабажъ, а поруски барабанами называются. Въ нихъ они по большой части ѣсть варятъ, и рыбу чистятъ въ ненастливую погоду, а казаки соль варятъ изъ морской воды.

Многолюдные остроги обставлены бываютъ вкругъ балаганами, и издали показываютъ презрядной видъ. Всякой такой острожекъ кажется городомъ по при-

чинѣ балагановъ, которые и сами мы не видавъ почитали башнями.

Камчадалы строятъ свои острожки обыкновенно по островамъ въ густыхъ палникахъ, или на такихъ мѣстахъ, которыя отъ напуры крѣпки, и безопасное имѣютъ положеніе, разстояніемъ отъ мо́ря неменьше 20 верстъ, а иногда и гораздо далѣ; а на устьяхъ рѣкъ бываютъ у нихъ лѣтовья. Однако сіе касается до однихъ южныхъ Камчадаловъ, кои живутъ по Пенжинскому мо́рю, а по Восточному мо́рю есть острожки и подлѣ самаго мо́ря.

Всякой острожекъ ту рѣку, при которой живетъ, почитаетъ за владѣніе своего рода, и съ той рѣки на другую никогда не преселяется. Есть ли по какой нибудь причинѣ одна или нѣсколько семей пожелаютъ жить особливыми юртами, то дѣлаютъ оныя выше или ни́же острожка по тойже рѣкѣ или по постороннеи, которая течетъ въ рѣку ихъ. Чего ради думать можно, что на всякой рѣкѣ живутъ сродники, которые происходятъ отъ одного прародителя. Сами Камчадалы по объявленію Спеллера, говорятъ, что Кутъ, котораго иногда богомъ, а иногда прародителемъ называютъ, на каждой изъ Камчатскихъ рѣкъ жилъ по два года, и дѣтей родивъ оставлялъ ихъ на природномъ ихъ мѣстѣ, отъ которыхъ каждая рѣка имѣетъ нынѣ своихъ жителей. Такимъ образомъ Кутъ ихъ дошелъ до Озерной рѣки, которая течетъ изъ Курильскаго о́зера; и яко бы совершивъ теченіе и труды свои приставилъ къ горѣ бапы свои и отбылъ съ Камчатки.

На

На промыслы звѣриные ходятъ Камчадалы по своимъ рѣкамъ, что, можетъ быть, прежъ сего наблюдалось строго, но нынѣ желающіе промышлять морскихъ звѣрей, ходятъ верстъ по двѣсти отъ своихъ жилищъ на Авачу и на Курильскую лопатку.

ГЛАВА 5.

О домовой посудѣ и о другихъ нужныхъ въ житіи потребностяхъ.

Вся Камчатская посуда и всѣ Экономическія ихъ принадлежности, состоятъ въ чашахъ, корытахъ, берестеныхъ кужняхъ а по тамошнему чуманахъ, да въ санкахъ и лодкахъ: въ чашахъ и корытахъ варили они ѣсть и себѣ и собакамъ, кужни употребляли вмѣсто стакановъ, санки къ ѣздѣ зимою, а лодки лѣтомъ. Чего ради и писать бы о томъ болѣе нѣчего, есть ли бы сей народъ такъ какъ другіе имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать, строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ могли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило вмѣсто металловъ, о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянуть здѣсь не непристойно, пѣмъ наипаче, что сіи средства не разумной или ученой народъ вымыслилъ, но дикой, грубой и прехъ перечесть неумѣющій. Столь сильна нужда умудрять къ изобрѣтенію потребнаго въ жизни!

Прежніе Камчатскіе металлы до прибытія почти россіянъ были кость и каменье. Изъ нихъ они дѣлали

ли топоры, ножи, ко́пья, стрѣлы, ланцеты и и́глы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ тесла. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большу́ю не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя потамошнему хомягами называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто здѣланное изъ дорогова металла, превысокою работою, и всякой острожекъ могъ тѣмъ хвалиться предъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто наваря въ одной посудѣ пи́щи не одного гостя могъ удовольствовать: ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ противъ двацети человѣкъ сѣдаетъ, какъ о томъ ни́же объявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ каменьемъ.

Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрусталя на подобіе ланцовъ востроконечные, и насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ тогожъ хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, ко́пья и ланцеты, которыми кровь и понынѣ пускаютъ. Швальныя и́глы дѣлали они изъ собольихъ косцей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухаго дерева, на которыхъ по краямъ наверчены дирочки, да кругленькія изъ сухагожъ дерева палочки, которыя

верпя

Пьющіе огонь изъ дерева . .

вертя въ ямочкахъ огонь доставали. Вмѣсто труду употребляли они мятую траву тонишь, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ верчѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности обертя берестою каждой Камчадалъ носилъ съ собою, и нынѣ носятъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать, какъ достаютъ своими огнивами. Но другіе желѣзные инструменты, топоры, ножи, иглы и прочее, и отъ нихъ такъ высоко почитаются, что съ начала ихъ покоренія и тотъ себя почиталъ за богатаго и щастливаго, у кого былъ какой нибудь желѣзной сломокъ. Не пропадетъ у нихъ и нынѣ даромъ ни иверешокъ изъ перегорѣлыхъ котловъ желѣзныхъ: могутъ они дѣлать изъ нихъ клепики, стрѣлы, или что нибудь полезное; причемъ то удивительно, что они не калятъ желѣза, но холодное положа на камень куютъ камнемъ же вмѣсто молота. Такимъ образомъ поступаютъ съ желѣзомъ нетокмо Камчадалы, но и Коряки и другіе дикіе народы, особливо же Чукчи, которые покупая у нашихъ желѣзные котлы дорогою цѣною перекавываютъ въ копья и стрѣлы: ибо имъ, какъ немирному народу, никакихъ желѣзныхъ инструментовъ продавать не велѣно, но о посудѣ никто прежде не думалъ, чтобъ они покупали на сей конецъ. Тожъ дѣлаютъ они и съ оружіемъ огненнымъ, которое отбивать имъ у нашихъ случается: ибо они стрѣлять изъ него не умѣютъ, по крайней мѣрѣ скоро его портятъ, не зная какъ замки разбирать и чистить, и какъ винтовки смазывать. Иглы, у которыхъ уши отломятся, умѣютъ они весма искусно починивать,

каковыбъ они малы ни были. Расклепываютъ кончикъ, гдѣ уши были, камнемъ, и другою иглою просверливаютъ новыя: и такъ дѣлаютъ, пока уже одно почти вострѐ только останется.

Желѣзную и мѣдную посу́ду еще во время моей бытности токмо тѣ употребляли, которые знали, что честь и чистота, и старались Россійскому житію послѣдовать; въ томъ числѣ были знатнѣйшіе новокрещеные Тоіоны, которые живутъ близъ Россійскихъ остро́говъ, и часто имѣютъ съ нашими обхожденіе: а прочіе деревянной своей посуды и понынѣ не оставляютъ.

Сказываютъ, будто желѣзные инструменты знали Камчадалы еще до покоренія Россійской державѣ, а получали ихъ отъ Японцовъ, которые пріѣзжали къ Курильскимъ островамъ, а однажды и на большу́ю рѣку моремъ; и будто Камчадалы Японцовъ Шипаманъ называютъ для того, что чрезъ нихъ узнали желѣзныя и́глы: ибо игла покамчатски Шишь называется. Что касается до Курильскихъ острововъ, то сумнѣнія нѣтъ, что прежде сего пріѣзжали туда Японцы на бусахъ, и торговали: ибо я и самъ досталъ съ Курильскихъ острововъ Японскую саблю, лаковой подносъ и серебреныя серги, которыя ни откуда получены, какъ только изъ Японіи; а бывала ли когда Японская буса на большей рѣкѣ, о томъ заподлинно утверждать нельзя, для того что кажется трудно повѣрить, чтобъ такіе мореходы, каковы Японцы, отважились итти для купечества въ незнаемыя страны и провѣдывать пристанищъ съ трудомъ и опасно-

опасностью : развѣ, можетъ быть, приносило когда такое ихъ судно погодою, какъ то не рѣдко случается.

Изъ всей работы сихъ дикихъ народовъ, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто дѣлаютъ, ничто мнѣ такъ не было удивительно, какъ цѣпь изъ моржовой кости, которая привезена на боту Гаврїилѣ изъ Чукоцкаго носу. Оная состояла изъ колецъ гладкостїю подобныхъ точенымъ, и изъ одного зуба была здѣлана; верхнїя кольца были у ней больше, нижнїя меньше, а длиною была она не много менъе полуаршина. Я могу смѣло сказать, что по чистотѣ работы и по искусству никтобъ не почелъ оную за труды дикаго Чукчи и за дѣланную каменнымъ инструментомъ, но за точеную подлинно. Въ разсужденїи недостатка въ инструментахъ Чукоцкой оной художникъ конечно не скучливъ былъ къ работѣ, и имѣлъ довольно свободнаго времени, которое могъ употребить на сїю бездѣлицу : ибо смотря по другимъ вещамъ, сколь продолжительно онѣ дѣлались отъ Камчадаловъ, сумнѣваться не можно, что онъ употребилъ на сїю работу не меньше года времени. А къ чему сїя цѣпь была употребляема, о томъ не извѣстно, ибо казаки нашли оную въ пустой Чукоцкой юртѣ.

Коряцкїе куяки, которые они изъ мѣлкихъ продолговатыхъ косточекъ сшиваютъ ремнями, и ихъ такъ называемыя костяныя тросогїя чекуши, которыя насаживаютъ они на долгїя рановища, и въ военное время употребляютъ, также не недостойны

примѣчанія : ибо кость такъ гладко обдѣлана, что лоснится.

Что касается до санковъ ихъ, какимъ образомъ ихъ дѣлаютъ, о томъ писано будетъ въ главѣ о собачьей ѣздѣ; а здѣсь сообщимъ мы извѣстіе о лодкахъ, гдѣ какія въ тѣхъ мѣстахъ употребляются, и изъ какого дерева обыкновенно бываютъ.

Камчатскія лодки, или по тамошнему баты, дѣлаются двоякимъ образомъ, и по разности образцовъ разными именами называются, одни Коя́хтахтымъ, а другія Тахтӯ. Коя́хтахтымъ отъ нашихъ рыбачьихъ лодокъ никакой не имѣютъ отмѣны: ибо и носъ у нихъ выше кормы, и бока разложисты; а у лодокъ Тахтӯ носъ и корма съ боками равны или и ниже, бока не разведены, но внутрь вогнуты, чего ради къ ѣздѣ весма неспособны, а особливо въ погоду: ибо вода въ нихъ тотчасъ заливается. Коя́хтахтымъ употребляются по одной рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до самаго устья, а въ другихъ мѣстахъ какъ по Восточному, такъ и по Пенжинскому мо́рю Тахтӯ.

Когда къ лодкамъ Тахтӯ пришиваются насои, что обыкновенно дѣлается у жипелей боброваго мо́ря, тогда онѣ байдарами называются, и жипели въ нихъ гоняются по мо́рю за морскими звѣрями. Дны у такихъ байдаръ колютъ они нарочно, и зашивъ китовыми усами конопатятъ мохомъ или мягкою кропивою: ибо примѣчено ими, что нерасколотыя байдары на морскихъ валахъ колются, и бываютъ промышленикамъ причиною погибели. Островные Курильцы и на Лопаткѣ живущіе, байдары строятъ съ килемъ, до́ски

до́ски пришиваютъ усамижъ , а конопатятъ мохомъ.

По всей Камчатской землѣ не дѣлаютъ лодокъ ни изъ какого де́рева кромѣ тополи , выключая Курильцовъ , которые того не наблюдаютъ : ибо они строятъ байдары свои изъ лѣса выбрасывающагося изъ мо́ря , которой приноситъ изъ Японіи , Америки и съ береговъ Китайскихъ , а у нихъ не ро́стетъ лѣсу къ строенію удобнаго. Сѣверные Камчатскіе народы , сидячіе Коряки и Чукчи дѣлаютъ свои байдары изъ кожъ лахташныхъ , какъ уже́ выше объявлено , а причина тому можетъ быть недостатокъ же въ удобномъ лѣсѣ , или что неимѣвшимъ желѣза коженыя дѣлать способнѣе было.

Въ батахъ и рыбу ловятъ , и кладь возятъ по два человѣка , изъ которыхъ одинъ на носу , а другой на кормѣ сидитъ. Въ верьхъ по рѣкамъ взводятъ баты на шестахъ съ превеликою трудностью : ибо на быстрыхъ мѣстахъ стоя́тъ иногда съ полчетьверти всѣ выпянувшись на шесты , которыми опираются , пока лодка на поларшина подастся. Однако не смотря на всѣ трудности удалые Камчадалы взводятъ такимъ образомъ баты и съ грузомъ верстъ по двацати вверхъ , а на легкѣ переходятъ верстъ по тридцати и до со́рока. Чрезъ рѣки перегребаютъ обыкновенно стоя , какъ Волховскіе рыбаки въ челнокахъ своихъ.

Кла́ди на большихъ батахъ можно возить пудъ по тридцати и по со́року. Когда кладь легка но озойна , какова́ напримѣръ сухая рыба , то перевозятъ оную на паромахъ сплотивъ два баша вмѣстѣ , и на-

мостя мостъ, однако вверхъ по быстрымъ рѣкамъ паромы проводить и трудно и продолжительно; чего ради употребляются онѣ токмо по рѣкѣ Камчаткѣ, которая по глубинѣ своей и умѣренной быстринѣ къ тому способна; а по другимъ рѣкамъ только внизъ по рѣкамъ на паромахъ ѣздятъ, а вверхъ рѣдко, и то по нуждѣ, когда по окончаніи рыбныхъ промысловъ у мо́ря надобно переѣжжать въ острогъ со всѣмъ домашнимъ приборомъ и съ малолѣтными, или когда кладь такова, что въ батъ умѣстить нельзя, какъ напримѣръ бочки и кадки съ рыбою, которыя насаливаютъ рыбы у мо́ря.

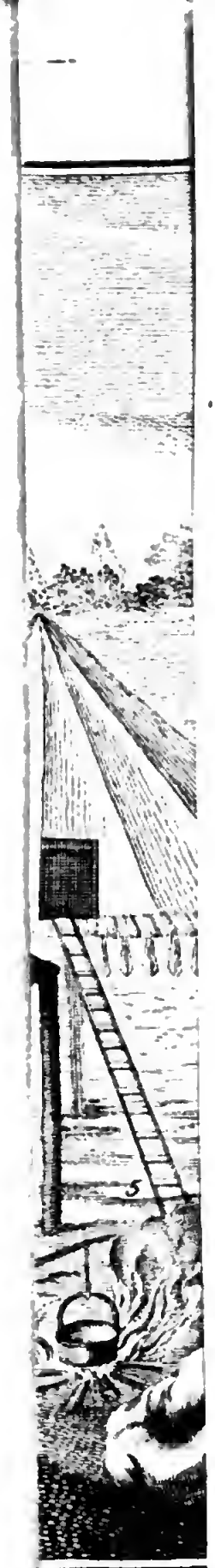
ГЛАВА 6.

О муской и женской работѣ.

Въ Камчатскомъ житьѣ, какъ въ крестьянствѣ, въ разныя времена и работа бываетъ различная. Лѣтнее время мущины трудятся въ ловлѣ рыбы, въ сушенїи ея, въ перевозкѣ отъ мо́ря на свои жилища, въ припасѣ сабакамъ корму, костей и кислой рыбы; а женщины между тѣмъ чистятъ изловленную рыбу, пластаютъ, а иногда и въ ловлѣ мужьямъ способствуютъ. Излишнее время употребляютъ онѣ на собираніе разныхъ травъ, коренья и ягодъ не токмо на пи́щу, но и въ лѣкарства: дѣлаютъ сладкую траву, которую прежде токмо на пи́щу, а нынѣ и для сидѣнія винá употребляютъ: гоповятъ кипрей и* траву, изъ которой плетутъ ковры свои, спанчи, мѣшечки и другїя домашнїя мѣлочи, и всѣ какъ сѣѣстные,

мясъ

*Secale ſpiculis geminatis Linn. Svec. p. 36.



3. Рыбу ш
шкаф

скихъ звѣрей отлучаются: а женщины ходятъ по тундрамъ, собираютъ черемшу и другія молодыя травы нетокмо для награжденія обыкновеннаго тогдашняго недостатку въ пищѣ, но и для забавы: ибо они зелень такъ любятъ, что во все вешнее время почти изъ рту не выпускаютъ. Женской полъ весь тогда по тундрамъ ходитъ, и вечеромъ съ превеликими ношами домой возвращаются, однако тѣхъ ношъ не стаетъ имъ на сушки.

Сверхъ того до мужеской работы принадлежитъ юрты и балаганы строить, юрты топить, стряпать, сабакъ корьмить, при случаѣ гостей подчивать, сабакъ обдирать и другихъ звѣрей, когда кожи понадобятся на платье, и въ пріуготовленіи домоваго и военнаго снаряду; а женская работа состоитъ въ выдѣлываніи кожъ на платье и обувь, въ шитьѣ платья и обуви: ибо онѣ у Камчадаловъ и порпные и сапожники, а муцинѣ за то приняться такое безчестіе, что тотъ часъ почтется за коекчуча. Чего ради съ перьвыхъ временъ всѣхъ казаковъ, у которыхъ иглу въ рукахъ или шило видали, почитали они за коекчучей, ибо у нихъ шьютъ токмо однѣ бабы и коекчучи, которые и въ женскомъ платьѣ ходятъ, и женскую работу отправляютъ, муской отнюдь не прикасаясь. До нихъ же касается, красить выдѣланныя кожи, также и лѣчить и шаманить. А какимъ образомъ выдѣлываютъ онѣ кожи, и красятъ, чемъ шьютъ и клеятъ, о томъ здѣсь же сообщить должно.

Всякія кожи, которыя на шубы употребляютъ, напримѣръ оленьи, тюленьи, сабачьи, бобровыя, дѣлаютъ

дѣлаютъ онѣ одинакимъ образомъ. Сперьва мочатъ мездру водою, и камнемъ утвержденнымъ въ средину палки сбиваютъ болонь и жилы, которые остаются при сниманіи: потомъ намазываютъ жеваною икрою квашеною или свѣжею, и свернувъ кожу топчутъ ногами по тѣхъ поръ, пока мездра провянетъ: послѣ опять скобляютъ и натираютъ, продолжая работу до тѣхъ поръ, пока мездра мяхка и чиста будетъ.

А которыя кожи ровдугами или замшею здѣлать намѣрены, съ тѣхъ сперьва сбиваютъ жилы и болонь объявленнымъ же образомъ, потомъ коптятъ ихъ въ дыму съ недѣлю, послѣ мочатъ и парятъ, чтобъ шерсть отопрѣла, а наконецъ намазываютъ икрою, мнутъ, топчутъ и скобляютъ камнемъ, какъ выше показано.

Оленьи и собачьи кожи на платье красятъ ольхою чрезъ многократное напираніе мѣлко изрубленною корою; а тюленьи, которыя на платье, обувь или на ремни, которыми санки обвиваются, особливымъ образомъ: опаривъ съ кожи шерсть, сшиваютъ оную мѣшкомъ вверьхъ шерстью, и сваря крѣпко ольховой рубленой коры вливаютъ въ помянутой мѣшокъ, и зашиваютъ. Спустя нѣсколько времени вѣшаютъ мѣшокъ оной на дерево, и бьютъ палкою, потомъ опять даютъ лежать нѣкоторое время, а послѣ опять вѣшаютъ, и бьютъ палкою: и сіе продолжаютъ по тѣхъ поръ, пока краска въ кожу довольно вѣстся, тогда расшиваютъ мѣшокъ, растягиваютъ кожу и сушатъ на воздухѣ, а наконецъ мнутъ до мяхка руками, и употребляютъ въ дѣло. Такія кожи на сафьянъ много походятъ, однако Ла-

мутки, какъ пишетъ Стеллеръ, лучше ихъ умѣютъ выдѣлывать, а называютъ ихъ Мандарами, и каждую кожу продаютъ до осьми гривенъ.

Тюленью шерсть, которую просто называютъ краскою, и окладываютъ ею платье и обувь, красятъ онѣ брусничнымъ сокомъ сваря его съ ольховою корою, съ квасцами и съ каменнымъ масломъ, и сія краска бываетъ жаркова цвѣту.

Платье и обувь шивали онѣ костяными иглами, а вмѣсто нитокъ употребляли олены становыя жилы, которыя раздѣля сучатъ какъ нитки, сколь тонки или толсты надобны.

Клей дѣлаютъ онѣ изъ рыбьихъ сухихъ кожъ, а особливо изъ Киповой. Оныя кожи обвертываютъ въ берестo, загребаютъ въ горячей пепелъ, и не много спустя вынимаютъ, и употребляютъ на что надобно. Имъ можно клеить сполъже крѣпко, какъ лучшимъ карлушчепымъ клеемъ.

ГЛАВА 7.

О Камчатскомъ платьѣ.

Матерія, изъ которой Камчадалы прежде сего носили платье, и нынѣ по большей части носятъ, оленьи, сабачьи, нерпичьи и другихъ какъ морскихъ, такъ и земныхъ звѣрей, и птичьи кожи, которыя они безъ разбору въ одну шубу сшивали, что еще и мнѣ въ курильскихъ паркахъ случилось видѣть, но однако въ верхнемъ платьѣ имѣютъ осмѣну, хотя оная и не весьма велика.

Верхнее

Эминекъ Эминекъ

Верхнее платье по казачьи называется куклянка, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ Коависъ, а отъ южныхъ Кахпитачь: а дѣлаются куклянки двумя разными покроями, у однѣхъ подолъ бываетъ ровной, а у другихъ назади съ нарочитою выемкою и съ хвостомъ долгимъ; первыя подъименемъ куклянокъ круглыхъ, а другія подъименемъ куклянокъ съ хвостами извѣстны. Впрочемъ шьются изъ кожъ оленьихъ длиною нѣсколько ниже колѣней съ широкими рукавами и съ кулемъ, которой на голову въ случаѣ вьюги поверхъ шапки надѣвается. Воротъ у нихъ какъ только головѣ пройти, къ вороту пришиваются сабачьи лапы, которыми въ погоду лице закрываютъ. Вкругъ подолу, рукавовъ и вкругъ куля опушиваются куклянки рослою бѣлою сабачиною, что выше всякаго пуху почитается. На спинѣ пришиваются къ нимъ ряски изъ рѣмешковъ распестреныхъ краскою, а иногда и по двѣ великія шишки, расшитыхъ шелками или различныхъ цвѣтовъ рѣмешками и распестренныхъ краскоюжъ. Надѣваются обыкновенно парами, нижняя шерстью, а верхняя мездрой внизъ. У нижней мездра красится ольхою, а на верхнюю выбираются кожи такихъ шерстей, каковы въ чести у нихъ, а именно черная, бѣлая и пѣгая, которая выше всѣхъ почитается. Однако сего платья за сущее Камчатское почесть не можно: ибо они отъ Корякъ его получали, а сами шивали наиболѣе изъ сабачьихъ кожъ, изъ соболей, лисицъ, еврашекъ и изъ каменныхъ барановъ, впрочемъ тѣмже покроемъ, какъ вышепоказано.

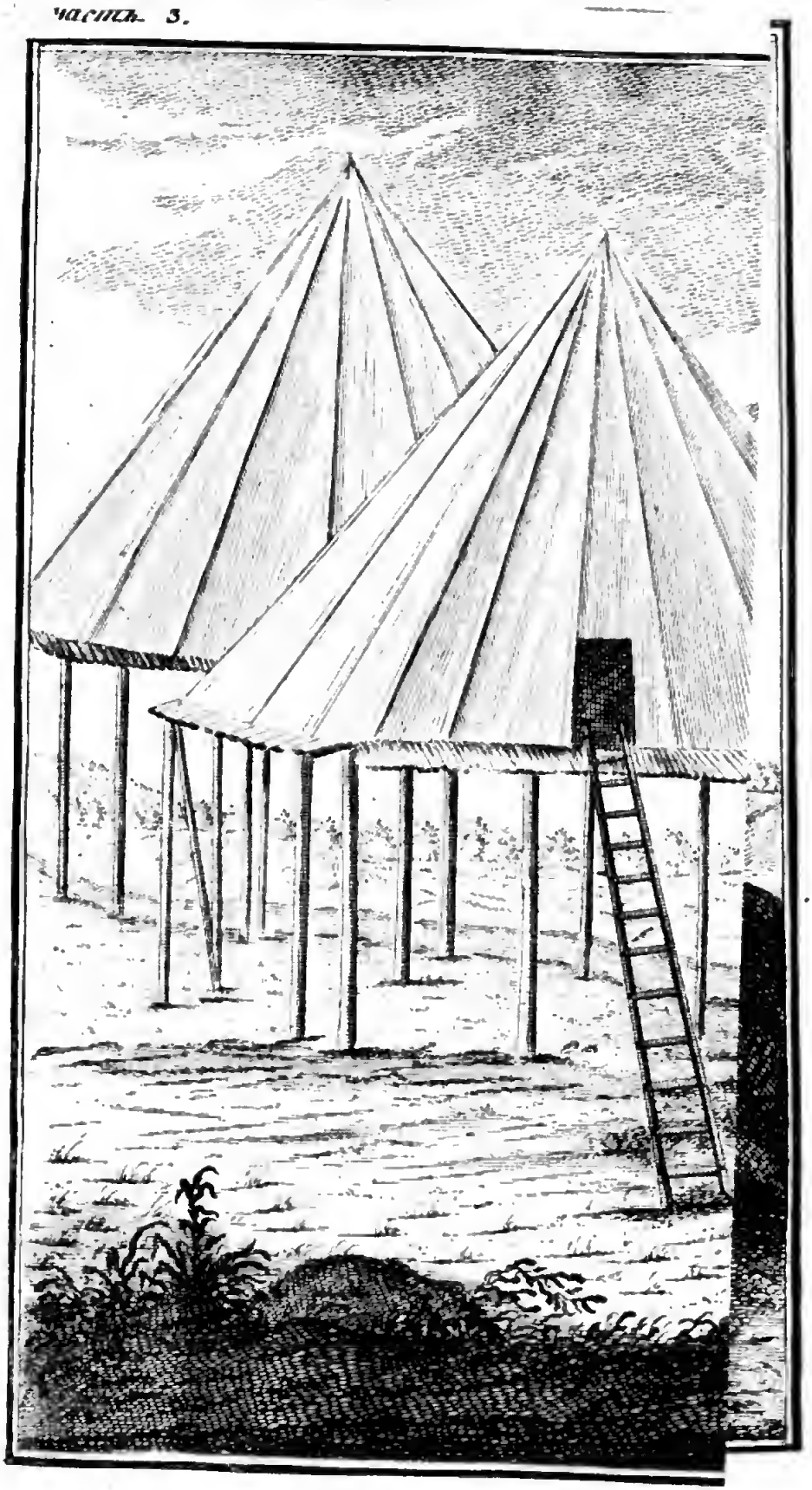
Есть еще платье называемое камлеи, которое парами же носится, а разность его отъ куклянокъ со-

стоитъ въ одной длинѣ, что оно дѣлается почти по пяты, сверьхъ того никакими красками не красится. Но и сіе отъ Корякъ же получается.

Лучшее платье, которымъ и казаки и Камчадалы щеголяютъ, по казачьи называется пáрка, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ шингекъ, а отъ южныхъ тангáкъ, длиною бываетъ съ куклянку, въ подолѣ ширѣ, а подъ мышками у́же, съ рубашечнымъ воротомъ и съ рукавами узкими. Въ кругъ подолу, вороту и въ кругъ рукавовъ обшивается подзорами, и окладывается бобровымъ пухомъ.

Подзоры у сѣверныхъ Камчадаловъ чи́сту, а у южныхъ Еганéмъ называемые, шьются слѣдующимъ образомъ: Замшеной рѣмень шириною пальца на полпора разчерчивается клѣпками въ три ряда: клѣпки длиною бываютъ около полувершка, и каждая разнымъ шелкомъ разшивается, выключая верхней рядъ, которой черезъ клѣпку вышивается бѣлыми волосами изъ бороды оленьей. Къ такому ремню сверху и снизу пришиваютъ по красному или черному мандарному рѣмню, которой узорамижъ изъ сабачья горла выдѣланнаго на подобіе лайки распестренъ. Къ рѣмнямъ пришиваютъ сабачьежъ горло вырѣзанное зубцами и обложенное крашеною шерстью. Но шелковые подзоры начали шить по покорени, а до того распестряли ихъ оленьими волосами, крашеною шерстью и сабачьимъ горломъ.

Вышепомянутое платье и мущины и женщины безъ разбору носятъ, а разносить между мускимъ и женскимъ состоитъ въ нижнемъ платьѣ и въ обуви. Женское нижнее платье, въ которомъ онѣ дома



Digitized by Google

жи въ Простомъ Платьѣ

дома обыкновенно ходятъ, содержитъ и шпаны и душагрейку вмѣстѣ сшитыя. Шпаны длиною и шириною подобны голанскимъ брюкамъ, и также подвязываются ни́же колѣна; а душагрейка съ воротомъ, которой на веревочкѣ и стягивается и распускается. Сіе платье называется хоньбами, и съ ногъ надѣвается. Оно бываетъ лѣтнее и зимнее: лѣтнее шьется изъ ровдугъ, или изъ кожъ морскихъ звѣрей выдѣланныхъ на подобіе ровдугъ, а зимнее изъ оленьихъ, и изъ кожъ каменныхъ барановъ, которое онѣ носятъ иногда вверхъ, а иногда внизъ шерстью. Муское покоевое или домашнее платье есть рѣменной поясъ по ихъ Ма́хва, у котораго напереди пришитъ мѣшечикъ для прикрытія тайнаго у́да, а назади рѣменныя мохры для прикрытія заду, впрочемъ бываетъ оной раскрашенъ и нерпичьею крашеною шерстью. Въ семъ платьѣ хаживали прежде сего Камчадалы нетокмо дома, но и на промыслахъ въ лѣтнее время: но нынѣ употребляется оно токмо у отдаленныхъ отъ россійскихъ остроговъ, а ближніе носятъ рубахи, которыя покупаютъ у рускихъ.

Лѣтніе шпаны какъ у мужескаго, такъ и у женскаго полу одинакія: шьются изъ разныхъ кожъ на подобіе портковъ, каковы носятъ мужики деревенскіе, токмо поу́же. Зимніе мускіе шпаны хотя тѣмже покроемъ бываютъ, какъ лѣтніе, однако съ тою отмѣною, что ширѣ, и что огузье у нихъ въ низъ шерстью, а сопли, на которыя обыкновенно оленьи или волчьи ка́масы употребляются, вверхъ шерстью. Поконецъ соплей бываетъ ровдужной, или суконной опушень, въ которой рѣмень продѣвается для завя-

зыванія обуви, на которую надѣваются, чтобъ снѣгъ за оную не засыпался.

Мужская обувь отъ женскей вообще разнствуетъ тѣмъ, что у мужской голенищи коротки, а у женской по колѣно долги, впрочемъ шьется изъ различныхъ кожъ. Которую носятъ лѣтомъ въ мокрую погоду, та дѣлается изъ сырой тюленьей кожи вверьхъ шерстью наподобіе поршней, каковы носятъ Сибирскіе казаки и татары, когда бечевой ходятъ; ибо и поршни шьются изъ сырой же лошадиной или коровьей кожи вверьхъ шерстью. Зимнюю обувь, въ которой ходятъ на промыслы, шьютъ изъ сушеной рыбьей кожи, а особливо Чавычьей, Кайковой и Няркиной, но она хороша токмо въ морозы, а въ мокрую погоду тотчасъ распалзывается. Наиболѣе употребляютъ на зимнюю обувь оленьи камасы, которыя носятъ вверьхъ шерстью, подошва у нихъ бываетъ изъ лахташной кожи, а для бо́льшаго тепла собираютъ ихъ и изъ лоскутья оленьихъ камасовъ, у которыхъ шерсть долга, и изъ медвѣжьихъ камасовъ, въ которыхъ подошвахъ сверьхъ тепла и сія есть выгода, что можно ходить и по скольскимъ мѣстамъ безъ опасности.

Лучшая обувь, которою также какъ па́рками Казаки и Камчадалы щеголяютъ, шитые торбасы, которые походятъ нѣсколько на упуки и также подвязываются рѣмнями. Подошва у нихъ бываетъ изъ тюленьей бѣлой кожи, го́ловы изъ красной мандары, взъемы изъ бѣлой лайки или по ихъ сабачья горла, а голенища изъ замши или изъ тюленьей крашеной кожи, къ которымъ на верху широкіе подзоры пришиваются, каковы

Въ лѣтнемъ платьѣ.

Digitized by Google

Тамъ самомъ мѣлкомъ узоромъ.

каковы къ паркамъ. Сія обувь такой важности, что есть ли на холостомъ ея увидятъ, тотъ часъ будетъ подозрѣніе, что у него есть любовница. Такіе торбасы по Камчатски называются Згоейнутъ и Дзилетъ.

Чулки носятъ они изъ собачьихъ кожъ, а называютъ ихъ чажами, но наибольше обвиваютъ ноги тонничемъ, отъ чего по скаскамъ ихъ не меньше чажей тепла, а притомъ сія выгода, что не потѣютъ ноги.

Шапки носятъ такіяжъ какъ Якутскія: но господинъ Стеллеръ объявляетъ, будто прежъ сего бывали у нихъ шапки изъ птичьихъ перьевъ и изъ звѣриныхъ кожъ безверхія, на подобіе старинныхъ нашихъ треуховъ бабьихъ, токмо съ тою отмѣною, что уши у Камчатскихъ шапокъ не сшивались вмѣсто. Лѣтомъ носятъ они берестеные умбракулы, которые завязываются на затылкѣ, а у Курильцовъ лѣтнія шапки плетеныя изъ травы наподобіе вѣнчика.

Женской лучшей головной уборъ парикъ, о которомъ выше упомянуто. Сіи парики такъ любы имъ бывали и милы, что по объявленію Стеллера, препятствовали многимъ къ воспріятію православной вѣры: для того что при крещеніи снимали съ нихъ такое странное украшеніе: а у которыхъ натуральные волосы по паричному расшиты были, тѣхъ остригали къ чувствительной ихъ печали и горести. Дѣвки расплетали волосы свои на мѣлкія косы, которыя для лоску мазали тюленьимъ жиромъ. Но нынѣ все отмѣнилось: ибо какъ женщины такъ и дѣвки по россійски убираются. Носятъ тѣлогреи и юпки, носятъ рубахи съ манжетами, носятъ кокошники, чепцы, и золотыя лѣнты, а сво-

а своимъ развѣ токмо тѣ не гнушаются, которымъ лѣтъ по 80 отъ роду.

Женщины всякую работу дѣлаютъ въ перчаткахъ, которыя шьются безъ пальцовъ, и никогда ихъ не скидаютъ.

Лица прежде сего умывать не знали, но нынѣ бѣлятся и румянятся. Вмѣсто бѣлилъ употребляютъ гнилое дерево, которымъ мѣлко изтертымъ натираются, а румянятся нѣкоторою *травою морскою, которая видомъ какъ Елочка. Сію траву мочатъ онѣ въ тюленьемъ жиру, и намазываютъ щеки столже красно, какъ румянами.

Большее щегольство и наряды бываютъ у нихъ зимою, когда много проѣзду. Есть ли появился сторонней, то всѣ за нарядъ принимаются, моются, бѣлятся, и одѣваются въ лучшее платье.

Но есть ли которой Камчадалъ пожелаетъ и себя одѣть и домашнихъ, то ему понадобится не меньше ста рублевъ на самое росхожее платье: ибо тамъ и шерстяные чулки, которые здѣсь по двацети копеекъ продаются, меньше рубля купить ему не льзя; для того что и россійскіе жители ниже того не покупаютъ, изъ чего о другихъ вещахъ разсуждать можно. Курильцы всякое дорогое платье покупать больше въ состоянїи, нежели Камчадалы: ибо они на одного бобра морскаго, которые и на Камчаткѣ отъ 15 до 40 рублевъ продаются, столько могутъ купить, сколько Камчадалъ лисицъ на двацать, а бобра Курильцу легче

*Fucus marinus abietis forma.
†Pinus maritima f. fucus teres etc. Dood. app. 326. Raj Lyn.

легче достать, нежели Камчадалу пять лисицъ: для того что въ самой хорошей годъ и звѣремъ довольной, лучшей промышленикъ едва десять лисицъ въ зиму промыслитъ: а Курилецъ и въ худой годъ поимаетъ трехъ звѣрей, не упоминая о морскихъ привалихъ, при которыхъ случаяхъ получаютъ они великое богатство.

ГЛАВА 8.

О пищѣ и питіи Камчатскаго народа и о пріуготовленіи оныя.

Уже выше сего объявлено, что Камчадалы питаются кореньемъ, рыбою и морскими животными, а во второй часыти описаны и самыя оныя вещи, которыя служатъ къ ихъ содержанію. Чего ради здѣсь должно упомянуть объ одномъ токмо ихъ пріуготовленіи, и различныхъ каждой пищи наименованіяхъ, зачиная отъ рыбы, которая за хлѣбъ ихъ почестться можетъ.

Главная ихъ пища, которую должно почесть за ржаной хлѣбъ, есть юкола, которую дѣлаютъ они изъ всѣхъ рыбъ лососья роду. Каждую рыбу разнимаютъ они на шесть частей, бока съ хвостомъ особливо вѣшаютъ и сушатъ на воздухѣ; и сія сушеная рыба свойственно юколою называется: спинки и пѣши, или по ихъ пупки, особливо готовятъ, а больше паровятъ. Головы квасятъ въ ямахъ, пока весь хрящь покраснѣетъ, и ѣдятъ ихъ вмѣсто соленыхъ почитая за пріятное кушанье, хотя вони отъ нихъ тер-

пѣть почти не можно. Тѣло, которое по снятіи боковъ оспается на костяхъ, особливо снимаютъ и сушатъ вязками, которое въ толченіе употребляютъ, а кости на особливыхъ же вязкахъ сушатъ для содержанія сабакъ своихъ. Такимъ образомъ готовится юкола и у другихъ народовъ изъ всякихъ рыбъ, и вездѣ извѣстна подъ именемъ юколы, а ѣдятъ оную наибольше сухую. Камчадалы своимъ языкомъ называютъ ея заалъ.

Второе Камчатское любимое кушанье икра рыбья по ихъ имянуемая инеголь, которая троякимъ образомъ пріуготовляется. 1) Сушится на воздухѣ вязками. 2) вынимается изъ перепонки, въ которой какъ въ мѣшечкѣ содержится, и наливается въ стебли или дудки различныхъ травъ, а особливо сладкой травы, и у огня сушится. 3) дѣлается прутьями, и въ листьѣ травяномъ сушится. Никто не ходитъ на промыселъ или въ дорогу безъ сухой икры какъ безъ надежнаго содержанія. Буде у Камчадала фунтъ икры, то онъ долго жить можетъ безъ другой пищи, всякая береза и ива запасъ его, и онъ корку съ сихъ деревъ съ икрою стюльже пріятно ѣсть можетъ, какъ другія кушанья, но икрою и коркою порознь питаться долго не можетъ. Ибо икра безмѣрно клейка, и такъ въ зубахъ вязнетъ, что трудно и вычистить; а кора суха такъ что и тому надивиться довольно нельзя, когда они для забавы и безъ икры иногда ѣдятъ ея вмѣсто конфектовъ; ибо другой, сколько бы ни жевалъ ея, подлинно не свободно проглотитъ, но когда оба сіи кушанья вмѣстѣ употребляются, то одного недостатокъ, какъ они говорятъ, другимъ награждается. Есть

Есть еще четвертой образецъ пріуготовленія икры но оной не у однихъ Камчадаловъ, но и у Корякъ примѣчается. Свѣжую икру кладутъ они въ ямы усланныя травою, и закрывъ травоюжъ и землею квасятъ, и сія кислая икра почитается у нихъ за такоежъ пріятное кушанье, какъ у насъ зернистая икра свѣжая. Но Коряки квасятъ оную въ мѣшкахъ кожаныхъ, а не въ ямахъ.

Третье кушанье Камчатское называется Чуприки, которые готовятъ изъ разныхъ рыбъ слѣдующимъ образомъ: Въ юртахъ, въ балаганахъ и въ барабарахъ надъ очагомъ дѣлаютъ они помостъ изъ колья, и кладутъ на оной рыбы въ вышину до трехъ аршинъ, послѣ того натапливаютъ юрту или балаганъ, какъ баню, и скутываютъ жарко; есть ли рыбы на помостахъ не много накладено будетъ, то она поспѣваетъ скоро, и бываетъ тогда готова, какъ юрта простываетъ; въ противномъ же случаѣ натапливаютъ ихъ по нѣскольку разъ перемѣшивая рыбу. Такая рыба бываетъ полужареная и копченая и вкусомъ весьма пріятная, такъ что сей вымыселъ пріуготовленія рыбы можетъ почесться за самой лучшей на Камчаткѣ: ибо весь сокъ и жиръ весьма тихо, и какъ бы въ вольной печи выжаривается. Тѣло рыбье въ кожѣ, какъ въ мѣшкѣ лежитъ, которую снять можно безъ трудности. Потрохъ и кишки вынимаются изъ рыбы, когда она поспѣетъ. Тѣло расширается мѣлко, сушится на рогожахъ до суха, и кладется въ мѣшки изъ травы плетеные. И сіе есть настоящая Камчатская порса, которую и Тунгусы около Охотска также готовятъ. Вяжутъ же такую жареную рыбу и плетенками не распирая тѣла, и ѣдятъ сухую какъ юколу.

Самое деликатное Камчатское кушанье кислая рыба, которую они квасятъ въ ямахъ такимъ же образомъ, какъ о кислой икрѣ показано, а называютъ оную Хуйгулъ. Можно за истинну сказать, что скверняе духу не бываетъ отъ упади, однако Камчадаламъ кажется оной ароматнымъ. Иногда сія рыба такъ въ ямахъ изгниваетъ, что не инако ея, какъ ковшами черпаютъ; но такая для сабакъ употребляется, и подбалпывается въ опаны ихъ вмѣсто мукй овсяной.

Господинъ Стеллеръ пишетъ, что и самоядь рыбу кваситъ же, и для мерзлой земли бываетъ рыба ихъ гораздо лучше. И Якуты такое же имѣютъ обыкновеніе; роютъ глубокія ямы, наполняютъ рыбою, пересыпаютъ золою, покрываютъ листьемъ, и засыпаютъ землею, и сей ихъ вымыселъ гораздо лучше; ибо отъ рыбы не бываетъ вони. Тунгусы и Казаки въ Охотскѣ такимъ же образомъ какъ и Якуты готовятъ рыбу, токмо съ сею отмѣною, что вмѣсто дровянаго пеплу употребляютъ пепелъ изъ пережженой морской травы. Свѣжую рыбу варятъ въ корытахъ, выбираютъ на лотки и простудя ѣдятъ съ прихлебкою, которая дѣлается изъ сладкой травы въ водѣ моченой.

Что касается до мясъ морскихъ и земныхъ звѣрей, то варятъ ихъ въ корытахъ съ разными кореньями, а особливо съ сараною: похлебку пьютъ ковшами или чашами, а мясо съ лотка ѣдятъ руками, и похлебки всѣ вообще, въ томъ числѣ и сабачью, называютъ Опанга. Киповой и нерпичей жиръ ѣдятъ вареной съ кореньями и паровленой въ ямахъ. Вареной жиръ, а напаче

паче нерпичей, кроятъ ремнями, и сколько въ ротъ захватятъ, столько ножемъ отрѣзываютъ у самыхъ губъ, и цѣлкомъ глотаютъ, какъ Крохали или чайки рыбу.

Главное и богатое кушанїе, которое готовится на пирѣхъ или въ праздники, называется Селáга, а показачьи толкуша. Дѣлается изъ различныхъ кореньевъ и всякихъ ягодъ толченыхъ съ икрою, съ нерпичьимъ и китовымъ жиромъ, а иногда и съ вареною рыбою. Толкуши изъ кислыхъ ягодъ и сараны весьма пріятны, потому что и кисльi, и сладки и сытны; но несперпима скверность въ пріуготовленїи, а особливо тѣхъ толкушъ, которыя дѣлаются жидкїя: ибо баба, которая вѣкъ свой рукъ не мывала, потолокши коренье въ поганой чашѣ разбиваетъ онсе по локоть обнаженною грязною рукою, которая потомъ бываетъ какъ снѣгъ бѣла въ разсужденїи тѣла. Крапко сказать, брезгливому не снести и пріуготовленїя сего кушанья безъ движенїя внутреннихъ.

Что касается до питья, то Камчадалы не знали кромѣ воды до самаго своего покоренїя: для веселья пивали они мухоморъ въ водѣ настоянной, о чемъ ниже будетъ объявлено, а нынѣ пьютъ и вино, какъ и тамошнїе россїйскїе жители, и со всѣмъ на немъ пропиваются. Воды пьютъ много послѣ обѣда. Въ вечеру никто не ложится спать не поставя у постели ведра воды, при томъ кладутъ въ нее много льду и снѣгу, чтобъ не нагрѣвалась, по утру ни у кого ни капли воды не увидишь въ посудѣ. Зимою особливо забавляются они снѣгомъ бросая часто по горсти въ

ротъ ; и женихамъ, которые работаютъ у будущихъ тестей своихъ, лѣтомъ самая трудная служба довольствовать ихъ снѣгомъ, ибо они должны бываютъ ходить по снѣгу на высокія горы, въ какую бы ни случилось погоду, въ противномъ же случаѣ можетъ досадить имъ непростительно.

ГЛАВА 9

О ѣздѣ на сабакахъ и равныхъ къ оной принадлежащихъ приборахъ.

Что Камчадалы и тамошніе казаки зимою сабакъ вмѣсто лошадей къ ѣздѣ употребляютъ, о томъ уже выше упомянуто. А здѣсь объявить должно, каковы ихъ сабаки, что къ ѣздѣ на нихъ требуется, и какъ на нихъ ѣздятъ.

Камчатскія сабаки отъ нашихъ дворовыхъ простыхъ сабакъ ничемъ не разнствуютъ, ростомъ онѣ по большой части среднія, и шерстью такъ какъ наши различныя, однакожъ можно вообще сказать, что тамъ бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ больше, нежели другихъ шерстей.

Къ ѣздѣ употребляются кладеныя, а запрягаютъ ихъ обыкновенно по четыре въ санки, по двѣ въ корени, и по двѣ на переди, и четверня сабакъ называется тамъ нартою, такъ какъ здѣсь шесть лошадей цугомъ.

Приборы надлежащіе къ ѣздѣ на нихъ санки, Алаки, позѣжникъ, узда, ошѣйники, вязки и ошталъ.

Санки

камъ на ножкахъ копылья находящимся прикрѣпляемыми рѣмнями. Головки у полозья бываютъ не крупы, но отлоги, и по концамъ вмѣсто вязка поперечною палкою перевязаны.

Алаки или лямки дѣлаются изъ широкихъ мяхкихъ и въ двое изогнутыхъ рѣмней, которые на сабакъ черезъ переднюю лапапку накладываются, правой сабакъ черезъ лѣвую, а лѣвой черезъ правую. Къ концамъ алаковъ привязывается долгой и тонкой рѣмень съ кляпомъ на концѣ, потягомъ называемой, которой объявленнымъ кляпомъ въ кольцо находящееся на поперечинѣ у головашекъ вкладывается.

Побѣжникъ называется долгой рѣмень, у котораго на одномъ концѣ привязывается кляпъ, которой вкладывается въ кольцо на срединѣ поперечины головашекъ укрѣпляемое, а на другомъ цѣпочка, у которой какъ по концамъ, такъ и на срединѣ кольца. Оной побѣжникъ служитъ въ мѣсто дышла, а цѣпочка на немъ вмѣсто коромысла, ибо имъ коренныя сабаки связываются, чтобъ въ розынь не разбѣгались.

Уздою называется такойже рѣмень съ кляпомъ и цѣпочкою, которою переднїе сабаки связываются, токмо гораздо долѣ: ибо конецъ его съ кляпомъ къ кольцужъ на головашкахъ прикрѣпляется.

Опѣйники дѣлаются изъ широкихъ же ремней, а на нихъ по кляпу висячему на коротких ремняхъ, которые въ кольца цѣпочьки на уздѣ или побѣжникѣ продѣваются. Дѣлаютсяжъ опѣйники и изъ медвѣжьей кожи вверхъ шерстію, и для прикрасы на сабакъ надѣваются.

Вязки

Вяскѝ, на которыя сабакъ вяжутъ, дѣлаются коспяныя или деревянныя, у которыхъ на одномъ концѣ дирочка, а на другой зарубка. Въ дирочку вкладывается клинъ отъ ошѣйника, а за зарубку привязывается долгой рѣмень, чтобъ сабакѣ около столба ходить было можно. Оные вяскѝ для того употребляются, что сабаки отъ рѣмней или отъ веревокъ отвѣдаются, а желѣзныхъ цѣпей у нихъ не бываетъ.

Ошталомъ называется кривая палка, длиною аршина въ полпара, которымъ сабакъ погоняютъ, остонавливаютъ и правятъ. Для понужденія сабакъ дѣлаются на головкѣ оной палки побрякушки или колокольчики, осшонавливаютъ уткнувъ ошталъ передъ копыломъ переднимъ и бороздя дорогу. А правятъ, буде надобно въ лѣво, то бьютъ ошталомъ по снѣгу, и кричатъ угà, будеже въ право, то быотъ въ передней копылъ и кричатъ Хнà Хнà Хнà; между тѣмъ ногами бороздятъ, и сабакъ одерживаютъ. Какъ ошталъ, такъ и санки для прикрасы увиваются разноцвѣтными ремнями, и оное за немалое щегольство почитается.

Санки по Камчатски называются Шéжхедъ, копыльe Опóдъ, Алаки Тéнаунъ, пóпяги Йгошежидъ, Узда Кýйгулы и побѣжникъ Конопошана.

Сидятъ на санкахъ опустя нóги на правую сторону, а осѣдлавъ санки сидѣть почитается за великой порокъ, ибо такимъ образомъ сидятъ на нихъ Камчадальскія женщины; шаковожъ бесчестно и то, ежелибъ

либо кто взялъ къ своимъ санкамъ проводника, для того, что бабы съ проводниками ѣздятъ.

Нарта добрыхъ сабакъ покупается на Камчаткѣ рублевъ по пятнатцати, а со всѣмъ заводомъ становится около 20 рублевъ. Я зналъ одного на Камчаткѣ охотника, которому обходилась нарта сабакъ рублевъ и по шестидесятъ.

О неспособности ѣзды на сабакахъ изъ одного строенія санокъ разсудить можно, что ѣздоку не обходимо должно быть осторожну и стараться хранить равновѣсіе; въ противномъ же случаѣ ускія и высокія санки и на самыхъ малыхъ раскатахъ или ухабахъ опрокидаются, при чемъ ѣздокъ подверженъ бываетъ немалому страху, особливо на пустомъ мѣстѣ, ибо сабаки убѣгаютъ, и не станутъ, пока въ жилье придутъ, или за что нибудь на дорогѣ зацѣпятся, а онъ принужденъ бываетъ пѣшь итти, чего ради въ такихъ случаяхъ всякой старается, какъ можно, за санки схвататься, и тащенъ бываетъ иногда съ версту, пока сабаки выбившись изъ силы остоятся. Въ которыхъ сей наибольше порокъ, что оныя какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ опасныхъ мѣстахъ, какъ то на крутыхъ спускахъ, на нужныхъ черезъ рѣчьки переѣздахъ бѣгучи надрываются, и ничемъ ихъ остановить не можно, и для того на обвявленныхъ спускахъ сабакъ выпрягаютъ, и въ поводу водятъ оставя токмо одну, которая бы санки правила, чтобъ дорогой катились, а подъ полозье подвязываютъ рѣменныя кольцы, чтобъ некатки были.

На

на лапках ъ. Прокладывается Дорогу.

На крутыя гóры поднимаясь должно итти пѣшкомъ, ибо сабаки и простыя санки взвозятъ съ нуждою. Глухой клади возятъ на нартѣ по пяти пудъ не считая корму, которой подводчики для себя и для сабакъ берутъ на дорогу. Съ кладью по торной дорогѣ переѣжжаютъ верстъ по 30 на день и больше: а на легкѣ, особливоже весною по насту, на костяныхъ полозьяхъ верстъ по полтораста.

Когда выпадаетъ глубокой снѣгъ, то не проложа дорóги на сабакахъ ѣхать не можно, прокладываютъ дорогу подводчики, а по тамошнему каюры на лапкахъ, которые бродовщиками называются.

Лапки дѣлаются, изъ двухъ не весьма толстыхъ брусковъ на срединѣ двѣмя поперечинами распертыхъ, а по концамъ вмѣсто стянутыхъ, и напереди къ верху загнутыхъ, и рѣмнями часто переплетенныхъ. На впоркахъ привязывается путло, которое на ногу надѣвается. бродовщикъ долженъ имѣть на обѣихъ ногахъ по обѣявленной лапкѣ, и оставя сабакъ на мѣстѣ итти впередъ на нѣкоторое разстояніе, а потóмъ воротиться тоюже дорóгою къ сабакамъ, и весть ихъ по проложенной дорогѣ. А потóмъ оставя ихъ паки итти впередъ, и такъ мучиться до самаго жилья. Въ семъ случаѣ ѣзда бываетъ толь медлѣнна, что въ день едва десять верстъ переѣхать можно. Употребляются къ прокладыванію дорóги и обыкновенныя лыжи, однакожъ не столь часто. Ни одинъ подводчикъ безъ лыжъ или безъ лапокъ въ дальнюю дорогу не ѣздитъ.

*Вящшее неспокойство въ ѣздѣ бываетъ, когда на пустыхъ мѣстахъ застанетъ вьюга. Тогда съ возможнымъ поспѣшеніемъ надлежитъ съ дороги въ лѣсъ сворачивать, и лежать вмѣстѣ съ собаками, пока утихнетъ погода, которая иногда по недѣлѣ продолжается. Собаки лежатъ весьма тихо, но въ случаѣ голоду обѣдаютъ всѣ ремни, узды, побѣжники и прочіе санные приборы. Буде погода захватитъ нѣсколко человѣкъ вмѣстѣ ѣдущихъ, тогда проѣжжіе имѣютъ сію выгоду, что они могутъ шелашь себѣ здѣлать, и окопаться снѣгомъ: но Камчадалы шелашей мало дѣлаютъ, а отлеживаются наибольше въ ямахъ усланныхъ съ деревъ вѣтвями, обернувшись въ свою куклянку и рукава спустя: причемъ такъ ихъ заноситъ снѣгомъ, что ни рукъ, ни ногъ, ни головы не видно. Подъ снѣгомъ оборачиваются они какъ шаръ, однако весьма осторожно, чтобъ снѣгу, которымъ занесены, не рассыпать: ибо они подъ снѣгомъ лежатъ какъ въ юртѣ, имѣя скважину для дыханія, которая надъ ртомъ протаеваетъ. Есть ли платье на нихъ узко и подвязано поясомъ, то сказываютъ они, что стужи не можно тогда выперпѣть; для того что платье отъ паровъ намокнетъ и грѣть не будетъ.

Когда погода застанетъ на чистой тундрѣ, въ такомъ случаѣ ищутъ какого ни будь бугорка, и подъ него ложатся, а чтобъ не занесло и не задушило снѣгомъ, то каждую четверть часа вставши отрясаются. Но понеже въ восточные и южновосточные вѣтры бываетъ обыкновенно мокрой снѣгъ, то проѣжжіе обмокнувъ

*изъ Стеллерова описанія

мокнувъ часто замерзаютъ, ибо такія погоды наибольше кончатся сѣвернымъ вѣтромъ и стужею.

Кромѣ сильныхъ вѣтровъ зимняя ѣзда и потому опасна, что многія рѣки или не вездѣ становятся, или съ полыньями превеликими, которыя и въ самые жестокіе морозы не замерзаютъ. А понеже дорога наиболѣе по рѣкамъ бываетъ, для того что берега гористы, и индѣ почти непроходимы, то рѣдкой годъ проходитъ, чтобъ людямъ въ ѣздѣ не случилось урону, ибо индѣ должно пробираться по самымъ ускимъ закраинамъ, а буде обломятся, или санки въ воду скатятся, то нѣтъ никакого спасенія. Быстрина рѣки не допуститъ справиться, а хотябъ въ томъ кому и поцастливилось, то обмокнувъ погибаетъ съ бо́льшею му́кою, когда нѣтъ жилья въ близости.

Немалая же трудность состоитъ и въ томъ, что много случается ѣздить чрезъ частой ивнякъ, гдѣ надлежитъ опасаться, чтобъ не потерять глазъ или не переломать рукъ и ногъ, особливо же что собаки въ трудныхъ и бѣдственныхъ мѣстахъ всю силу употребляютъ, чтобъ бѣжать скоряе, и сброся хозяина свободиться отъ тяжести, какъ уже выше объявлено.

Лучшая и спокойная ѣзда въ мѣсяцахъ Мартѣ и Апрѣлѣ по на́сту, однако притомъ сіе неспокойство, что по двѣ и по три ночи принуждено иногда ночевать на пустомъ мѣстѣ, а Камчадаловъ трудно принудить, чтобъ они расклали огонь для варенія или для обогренія, ибо они съ своими собаками ѣдятъ сухую рыбу сидя на цыпочкахъ спустя шпины и куклянку. При

чемъ довольно надивиться нельзя 1) что они могутъ и сладко спать въ семъ бѣдномъ положеніи. 2) теплотѣ ихъ природной, что они стужи мало чувствуютъ, ибо они вставши по утру столь теплы и красны бываютъ, какъ бы въ тепломъ покоѣ спали. Но сія теплота почти всѣмъ тамошнимъ дикимъ народамъ свойственна. Я видалъ нѣкоторыхъ иновѣрцовъ, коимъ образомъ они на пустыхъ мѣстахъ съ вечера ложились къ огню голою спиною, а какъ уснулъ, и огонь потухъ, то хотя спина и заиндѣвѣла, однако они спали безъ просыпу, будто бы ихъ огнемъ пригрѣвало.

ГЛАВА 10.

О военномъ Камчатскомъ ополченіи

Хотя Камчадалы до покоренія россійскому государству не были властолюбивы, и о распространеніи границъ нималаго не имѣли попеченія, какъ уже выше показано, однако столь часто между собою воевали, что году не проходило, въ которомъ бы сколько нибудь острожковъ раззорено не было. Главное намѣреніе браней ихъ состояло въ томъ, чтобъ получить плѣнниковъ, которыхъ они въ тяжкія работы употребляли, а особливо женскаго пола, которыхъ они брали въ наложницы и въ супружество, а о причинѣ была ли она или нѣтъ, законна ли или незаконна, не много они разсуждали. Иногда сосѣдственные о-спро́ги и за то другъ противъ друга вооружались, что

дѣти

дѣти между собою поссорились, а естьли кто кого позвавъ въ гости не столько, какъ надлежало, подчивалъ, то сіе вмѣнялось за такую обиду, которую мстить надлежало не инако, какъ погубленіемъ всего остроґа, въ которомъ случалось толь непріятельское дѣйствіе.

Но въ войнѣ дѣйствовали они больше обманомъ нежели храбростію, ибо они такъ робки, что явно напасть не отважутся, кромѣ необходимой нужды; а сіе тѣмъ удивительнѣе, чѣмъ сей народъ меньше жалѣетъ о своей жизни, ибо они и добровольно умирать не сумнѣваются. Въ непріятельскіе остроґки врывались они ночнымъ временемъ, что могли дѣлать безъ препятствія для того, что карауловъ у нихъ не бываетъ. Такимъ образомъ и малолюдствомъ губили они знатное число непріятелей безъ всякой себѣ опасности и сопротивленія. Вся трудность къ одержанію побѣды состояла въ томъ, чтобъ ускорить взбѣжать на юрту не выпустя изъ нея ни человѣка, и спать надъ окномъ съ палкою или съ чекупею, ибо сдѣланнымъ по состоянію строенія юртъ должно выходить тѣмъ окномъ по человѣку, которыхъ осаждающіе и бить и вязать могли въ небольшемъ числѣ.

Съ плѣнниками мужеска полу особливо знатнѣйшими удальствомъ своимъ поступали они съ обыкновеннымъ всѣмъ тамошнимъ народамъ безчеловѣчіемъ. Жгли, рѣзали, кишки изъ живыхъ мотали, вѣшали за ноги, и всякія дѣлали наругательства торжествуя при томъ о побѣдѣ надъ непріятелями. Такое мученіе

ченіе случилось терпѣть и нѣкоторымъ Казакамъ во время большаго бунта, когда вся Камчатка находилась въ движеніи.

Тогдашнія ихъ междуусобія не мало способствовали Казакамъ къ покоренію всего народа; ибо когда они въ виду одного острожка приступали къ другому, то не должно было казакамъ опасаться, чтобъ осажденные получили помочь: напротивъ того сосѣди радовались ихъ погибели, или смотрѣли съ удовольствіемъ, какъ казаки на приступахъ дѣйствуютъ, а послѣ и сами были побѣждаемы.

Противъ казаковъ употребляли они обыкновенную свою хитрость, которою и больше ихъ губили, нежели оружіемъ. Когда казаки требовали ясаку съ какого нибудь непокореннаго острожка, то весьма рѣдко имѣли сопротивленіе, но почти всегда приниманы были съ честію и любовію какъ пріятели; дарены щедро, подчиваны довольно, и ни въ чемъ не имѣли отказу. Такимъ образомъ приведши ихъ въ оплошность побивали въ ночное время, или выбравшись всѣ вонъ изъ юрты зажигали оную съ казаками. Такою хитростію въ двухъ мѣстахъ погибло человѣкъ до семидесять, которое число въ разсужденіи тамошняго малолюдства можно почесть за великое. Случалось же иногда, что Камчадалы не улуча способу побить казаковъ при первомъ покоренію, по два и по три года съ ряду ясакъ платили, а послѣ побивали зборщиковъ, которые обыкновенно въ малолюдствѣ посылаются.

Но хитрости ихъ, которыя казакамъ прежде бѣдственны были, нынѣ служатъ къ предосторожности. Ибо

Ибо они чрезмѣрно ласковыхъ пріемовъ опасаются, и почитаютъ ихъ за знакъ несумнѣнной измѣны. Тожъ разумѣютъ, когда Камчадалки ночью изъ юрты вонъ выбираются: ибо онѣ не могутъ смотрѣть на кровопролитіе, чего ради и мужья ихъ никогда при нихъ убійства не дѣлаютъ. Когда Камчадалы сны разсказываютъ, что мертвые имъ видѣлись, когда часто разъѣзжаютъ въ дальные гости, изъ того бунтъ и измѣна немалая заключается, по крайней мѣрѣ не одинъ остро́гъ но нѣсколько вмѣстѣ отложатся.

Въ такихъ случаяхъ бьютъ они казаковъ, гдѣ ни попадутся, также и Камчадаловъ, кои стороны ихъ не оставляютъ, и съ измѣнниками не вступаютъ въ согласіе. А когда прослышатъ на себя походъ, то не къ сопротивленію готовятся, но къ долговременной осадѣ. Выбираютъ мѣста высокія и утесы, строятъ тамъ свои острожки, и укрѣпясь ожидаютъ своихъ непріятелей. Приступающимъ храбро противятся, стрѣляя изъ луковъ, и употребляя всякіе способы къ защищенію. А когда увидятъ, что непріятель премогаетъ, то всякой Камчадалъ заколовъ жену и дѣтей своихъ или стремглавъ низвергается, или съ оружіемъ устремляется на непріятеля, чтобъ не умереть безъ отмщенія. И сіе на ихъ языкѣ *лостелю лодъ себя достать* называется. Въ 1740 году при мнѣ была привезена съ Утколоки дѣвка, которую тамошніе измѣнники въ торопливости не успѣли дорѣзать, когда острожекъ ихъ приступомъ брали; прочіе отъ мала до велика были перерѣзаны, а сами измѣнники съ горы, на которой сидѣли, побросались въ

Съ начáлъ покоренія Камчатки были токмо двѣ явныя на Камчаткѣ нападенія, перьвое въ большерѣцкомъ остр6гѣ 1710 году; а другое въ 1713 году, когда отправленіе было для покоренія Камчадаловъ Авачинскихъ, однако оба случая были имъ весьма неудачны: ибо при осадѣ большерѣцка, хотя они и надѣялись на великое свое множество такъ, что казаковъ, которыхъ сидѣло въ осадѣ 70 человѣкъ, шапками замести не сумнѣвались: однако какъ 35 человѣкъ выслано было на выласку, то не могли они и перваго стремленія выдержать, но всѣ обратились въ бѣгство, кому куды способно было. А понеже они приплыли къ остр6гу на батахъ, то бросаясь въ оные, иные перетонули, а иные побиты; и сія ихъ погибель столь была велика, что рѣки запрудились трупами. Авачинскіе иноземцы не меньше имѣли надежды побѣдить походчиковъ: ибо каждой имѣлъ при себѣ ремень, на которомъ бы вести плѣнниковъ, однако вмѣсто того сами побиты или въ плѣнъ взяты. Въ Авачинской походъ отправлено было казаковъ сто двацать, да сто пятьдесять человѣкъ Камчадаловъ; изъ чего можно разсуждать о множествѣ непріятелей, когда они такое множество по рукамъ разобрать надѣялись.

Военное оружіе и збруя ихъ состоитъ въ сайдакахъ, стрѣлахъ, чекушахъ, копьяхъ и кулякахъ. Сайдаки у нихъ дѣлаются изъ дерева лиственишнаго, и оклееваются берестою, а тетивы изъ китовыхъ жилъ. Стрѣлы обыкновенно бываютъ въ аршинъ и въ три четверти съ костяными или каменными копейцами, а называются онѣ разными именами по разности копей-

цовъ

цовъ. Стрѣла съ костянымъ тонкимъ копейцомъ *Пеншъ*, съ широкимъ *Аглынишъ*, съ каменнымъ копейцомъ *Кауглачъ*, тупая стрѣла съ костяною головкою или томаръ *Комъ*, деревянной томаръ *Тылшкуръ*. Стрѣлы ихъ хотя и весьма плохи, однако опасны въ сраженіи, ибо онѣ ядомъ бываютъ намазаны, отъ котораго раненой человѣкъ тотъ часъ опухаетъ, и въ сутки умираетъ почти обыкновенно. И сей бѣды инымъ образомъ не можно избавиться, какъ высасываемъ изъ раны яду. У копей ихъ копейца бывали каменныяжъ и костяныя, какъ ужѣ и выше объявлено. Чекуши по ихъ *Ухарель* называются, у нихъ костяныя рагульки о четырехъ рожкахъ, которыя насаживаются на долгія рашовья.

Куяки или латы дѣлали они изъ рогожъ своихъ или чиреловъ, также изъ нерпичьихъ и моржовыхъ кожъ на ремни изкроенныхъ, которые ремни одинъ подъ другой подвязывали такъ, что они могли складываться какъ фижмы. Надѣвали ихъ съ лѣваго боку, и какъ душагрѣйку завязывали на правомъ. Съ зади пришивали высокую доску, для защиты головы, а съ переди такуюже къ груди тожмо короче.

Въ дальніе походы ѣжжали они на сабакахъ, а въ ближніе пѣшкомъ ходили. Въ лѣтнее время, гдѣ способно было, тамъ наибольше употребляли паромы, на которыхъ могли сидѣть во многолюдствѣ.

Въ пѣшей ихъ ходьбѣ сіе достойно примѣчанія, что они ни по двое въ рядъ никогда не ходятъ, но всегда по одиначкѣ; а притомъ всегда по однимъ тропамъ, которыя вездѣ глубоко пробиты. Необыкно-

кновенному по ихъ пропамъ ходить крайнее мученіе, для того что оныя такъ узки, что одна только нога и то прямо уставливается: ибо сей народъ ступень въ ступень ходитъ.

Господинъ Спеллеръ причиною междуусобныхъ браней тамошнихъ народовъ ненависть же и роскошь объявляетъ, но съ нѣкоторыми особливыми обстоятельствами, которыя сообщимъ здѣсь въ дополненіе.

Хотя, пишетъ онъ, въ Камчаткѣ главнаго начальника прежде и не было, но всякъ жилъ по своей волѣ; однако двѣ внутреннія страсти ненависть и роскошь причиною были, что Камчадалы сами свой покой и мирное житіе отвергали, и тѣмъ время отъ времени больше умалялись, и приходили въ изнеможеніе. Къ непріятельскимъ дѣйствіямъ побуждали ихъ женщины, властолюбіе и всякія домовыя вещи и уборы. Но чтобъ каждой могъ непріятелю противиться, то поддавались они старшимъ, храбрѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ, и по одержаніи нѣкоторыхъ побѣдъ начальникамъ своимъ оказывали такую любовь, какая потребна была къ намѣренію ихъ, чтобъ мщеніемъ, полученіемъ добычи и равномѣрнымъ ея раздѣленіемъ укрѣпиться во своей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имѣли въ мысли своей нѣчто высочайшее: то есть чтобъ быть владѣтелями, отъ чего наконецъ послѣдовало одного народа раздѣленіе на разные, и учинились многія равносильныя стороны.

Спервва начали Коряки и отъ Тигиля вошедъ въ Камчатку слѣдовали западнымъ берегомъ до большей рѣки

рѣки. Послѣ того воспали Шантальцы подъ предводительствомъ умнаго и храбраго мужа Шандала. А какъ сей власть свою распространить вознамѣрился, желая получить ласкою то, что зависѣло отъ силы и оружія, то есть чтобъ наложить дань на всѣхъ Камчадаловъ мужеска полу и женска, то здѣлались паки двѣ стороны, одна у вершинъ рѣки Камчатки, которая продолжалась до приходу россіанъ; а другая въ Кронокахъ, которая простиралась жилищами до самой лопатки. Наконецъ живущіе отъ Голыгиной рѣки до Компановой отпали отъ жителей Курильской лопатки. И хотя сіи люди малочисленнѣе были, однако всѣхъ другихъ превосходили силою, храбростію и разумомъ: нападали на различные остроги, отводили въ плѣнъ женской полъ и малолѣтныхъ: ибо мать нынѣшняго тоіона перьваго Курильскаго острова именемъ Купени была плѣнница, родомъ изъ Ичинскаго острожка, которой Лопатскіе жители погромили уже по прибытіи россіанъ въ ту сторону; чего ради островскіе жители Ичинскихъ Камчадаловъ почитаютъ за родню свою.

Около рѣки Апалы есть нѣсколько горъ, которыя имена получили отъ происходившихъ тамъ сраженій. А сіи Лопатскіе жители, или просто Курилы, потому были непобѣдимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарахъ своихъ по морю, и отходя съ полученіемъ корысти безъ опасности погони, ибо Камчадалы морскихъ судовъ не имѣютъ.

Что касается до властолюбія, которое въ сихъ извѣстіяхъ Господина Автора упоминается, акибы оно

главною притчиною было раздѣленія тамошняго народа, то хотя сіе и вѣроятно, ибо кто можетъ подумать, чтобъ и въ самыхъ дикихъ народахъ не было властолюбія, или по крайней мѣрѣ тщанія о преимуществѣ, когда оное и въ безсловесныхъ животныхъ примѣчается, однако предпринимать учрежденіе самодержавнаго владѣнія и налагать дани, кажется потребно бо́льшее разсужденіе, нежели каково Камчадалы имѣютъ. Что они ходили войною другъ на друга, что въ плѣнъ брали, и похищали сѣстные припасы и имѣніе, изъ того заключить нельзя такого важнаго предпріятія, каково о учрежденіи самодержавства, тѣмъ наипаче, что такому человѣку, какимъ описывается Ша́ндалъ, надлежало прежде власть свою утвердить надъ своимъ родомъ, и имѣть въ совершенномъ послушаніи, котораго однакожъ и съ самаго нача́ла покоренія Камчатки нигдѣ ни слѣду не примѣчено, но напротивъ того вездѣ совершенное равенство. А раздѣленіе народовъ и разсѣяніе по разнымъ мѣстамъ Камчатки могло здѣлаться и по другой притчинѣ, какъ напримѣръ по тѣснотѣ мѣста, по недостатку довольнаго къ пропитанію для множества, и прочая. Самое имя Шандалъ весьма мнѣ сумнительно, былъ ли когда Камчадалъ такъ называемой, для того что ежелибы такое имя у Камчадаловъ было, то бы оно не вышло и понынѣ изъ употребленія, однако нѣтъ его между мужескими и женскими именами нигдѣ въ Камчаткѣ. Мнѣ кажется, что подъ симъ именемъ должно разумѣть всѣхъ Шанталскихъ жителей, которые живутъ около урочища Ша́нталы, какъ подъ именемъ Кончата всѣхъ Еловскихъ жителей. Ибо сіе

правда

правда, что оныя Шантальцы были прежде сего и славны и многолюдны, такъ что одинъ острогъ ихъ болѣе двухъ верстъ въ длину простирался, и балаганы толь тѣсно построены были, что по балаганамъ хаживали они чрезъ все помянутое разстояніе, да и нынѣ оной острожекъ почти всѣхъ Камчатскихъ острожковъ многочисленнѣе народомъ.

О храбрости тамошнихъ народовъ можно вообще сказать, что тѣ, кои далѣе живутъ къ сѣверу, наглѣе и отважнѣе. Изъ Камчадаловъ за военныхъ людей почитаются Еловцы и Шантальцы, по нихъ Курильцы и Авачинцы, съ которыми казаки много труда имѣли при завоеваніи.

ГЛАВА IV.

О богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры.

Богомъ Камчадалы почитаютъ нѣкоего Ку́тху, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣтила небесныя, не вѣдаютъ, токмо сказываютъ, что оныя прежде земли были, о сотвореніи которой объявляютъ двояко: иные говорятъ, что Ку́тху сотворилъ землю изъ своего сына называемаго Сы́мскалинъ, котораго родила жена его Ильккумъ гуляя съ нимъ по мо́рю: а другіе что Кутху съ сестрою Ху́плыжичь землю снесли съ неба, и утвердили на морѣ, а море сотворилъ У́тлейгынъ, которой и понынѣ въ немъ пребываетъ. Однако въ томъ всѣ вообще

обще согласны, что Кушху до сотворенія земли жилъ на небѣ. Которые поставляютъ морскаго бога, тѣхъ мнѣніе нѣсколько сходно съ Якутскимъ суевѣріемъ, которые владѣніе неба и земли особливымъ богамъ приписываютъ, сверьхъ того признаваютъ и Адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ братьевъ, такъже какъ древніе Греки и Римляне.

Кушху по сотвореніи земли оставилъ небо, и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родилъ другаго сына именемъ Тыжилъ-Кушху да дочь Сидуку, которые пришедши въ совершенной возрастъ сочетались бракомъ. Между тѣмъ какъ самъ Кушху, такъ и жена его и дѣти носили платье изъ листья шитое, и питались березовою и таловою коркою, ибо звѣри, по ихъ объявленію, сотворены тогда не были, а рыбы ловить не умѣли ихъ боги.

Кушху оставя сына своего и дочь съ Камчатки отбылъ, а куда дѣвался, не вѣдаютъ, токмо то объявляютъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что горы и долы здѣлались отъ его путешествія, ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ тонкой ледъ, и такимъ образомъ лишена своей равности и плоскости.

У Тыжилъ-Кушхи послѣ отца родился сынъ Амлея да дочь Сидукамшичь, которые на возрастъ вступили въ супружество, а болѣе родословія они не знаютъ. То утверждаютъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ праотцевъ.

Тыжилъ-кушху при умноженіи своего рода началъ размышлять о лучшемъ содержаніи, вымыслилъ вязать изъ кропивы сѣти и ловить рыбу, а какъ лодки дѣлать

лать, оное ему еще отъ отца показано. Сотворилъ же онъ и звѣрей земныхъ, и опредѣля пастухомъ надъ оными нѣкоего Пиля́чучя, подъ котораго вѣденіемъ состоятъ они и донынѣ, на́чалъ шить изъ кожъ ихъ куклянки и па́рки.

О Пилячучѣ сказываютъ, что онъ ростомъ весьма малъ, носитъ платье рассамачье, которое у Камчадаловъ весьма высоко почитается, ѣздитъ на птицахъ, особливо же на куропаткахъ, и будто нѣкоторымъ понынѣ случается видать и слѣды его.

Стеллеръ описываетъ тамошніе народы многобожными, что они почитаютъ многихъ боговъ, и сказываютъ объ нихъ, будто прежде сего многіе ихъ видали: чего ради нѣтъ у нихъ въ языкѣ сло́ва духъ, ибо они не имѣютъ о томъ и понятія, такъ какъ и о величествѣ божіи и непостижимой его премудрости.

Впрочемъ никого глупяе не представляютъ, какъ своего Ку́тху, чего ради и не воздаютъ ему никакого почтенія, ничего у него не просятъ, и ничемъ такъ какъ именемъ его не забавляются, разсказывая про него такія непристойности, о которыхъ и писать гнусно. Между прочимъ и то въ порокъ ему ставятъ, что онъ сколько горъ и стремнинъ здѣлалъ, и сколько мѣлкихъ и быстрыхъ рѣкъ, что сколько дождей и бурь производитъ, и беспокоитъ ихъ. И для того всходя зимою на высокія го́ры, или спускаясь ругаютъ его всякою бранью. Тожъ дѣлаютъ и при другихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

бога вообще называютъ они Дýстеч[illegible], которое имя нѣкоторымъ образомъ и почитаютъ такъ, какъ Аѳиняне невѣдомаго бога. Ставятъ столбъ на пространныхъ ровныхъ и тундристыхъ поляхъ, обвязываютъ его тонничемъ, и не проходятъ мимо не брося куска рыбы или чего другаго; не собираютъ ягодъ, которыя роспутъ въ близости, и не бьютъ около того мѣста ни звѣря ни птицы, и думаютъ они, что сею жертвою жизнь ихъ продолжается, которая бы безъ того умалилась. Однако не бросаютъ они на жертву годнаго, но или шаглу или хвостъ рыбей, что и безъ того надлежало бросить. Въ чемъ согласны съ ними и всѣ Азіатскіе народы, которые также приносятъ въ жертву негодное; а что ѣсть можно, тѣмъ пользуются сами. Такихъ столбовъ два видѣлъ господинъ Стеллеръ токмо около нижняго остро́га, а индѣ нигдѣ не примѣчено: впротчемъ далѣе къ сѣверу, много такихъ мѣстъ и я видалъ, гдѣ мимоходящіе бросаютъ жертву, якобы врагамъ тамъ пребывающимъ, но столбовъ и идоловъ не ставятъ.

*Сверьхъ того всѣ мѣста по ихъ мнѣнію опасныя, какъ напримѣръ огнедышущія и другія высокія и крутыя го́ры, кипячія во́ды, лѣса и прочее населены отъ нихъ нѣкоторыми бѣсами, которыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почитаютъ.

Горныхъ боговъ называютъ они Ка́мули, или малыя ду́ши, ибо душа по Камчатски Ка́мулечь. Сіи боги, или по тамошнему враги, живутъ на высокихъ, особливоже дымящихся и огнедышущихъ горахъ, чего ради Камчадалы

*Изъ Стеллерова описанія.

чадалы не токмо всходить на нихъ, но и близко приступиться не смѣютъ. Питаются они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею сходя по воздуху на море въ ночное время, приносятъ на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, варятъ и пекутъ ихъ по обычаю Камчадаловъ, вмѣсто дровъ употребляя китовое сало и кости. Такія мѣста проходя Камчадалы бросаютъ что нибудь сѣѣстное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они Ушахчу, и сказываютъ, якобы они походятъ на человѣка. Жёны ихъ носятъ младенцовъ къ спинѣ приросшихъ, которые не престанно плачутъ. Они по Камчатскому суевѣрію людей съ пупи сводятъ, и дѣлаютъ глупыми.

Морскаго бога называютъ они Митгъ, и приписываютъ ему рыбей видъ. Онъ по ихъ мнѣнію владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но будто за лѣсомъ на баты себѣ; ибо они отнюдь не вѣрятъ, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣяніе.

О Пилячучѣ, или какъ Стеллеръ пишетъ, билюкаѣ, о которомъ выше объявлено, баснословятъ они, будто живетъ онъ на облакахъ со многими камулами, и будто громъ, молнію и дождь ниспускаетъ; а радугу почитаютъ за подзоръ на его платьѣ. Сей билюкай, по ихъ суевѣрію, опускается иногда съ облаками на горы, ѣздитъ въ саняхъ на куропаткахъ, и бываетъ причиною великаго щастія тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой оной слѣдъ билюкаевъ ничто иное есть, какъ струйки на поверьхности

снѣга, которыя дѣлаются отъ вихрей. Напротивъ того имѣютъ отъ него и опасеніе: ибо сказываютъ, будто онъ въ вихри дѣтей ихъ чрезъ слугъ своихъ уноситъ, и употребляетъ вмѣсто подставокъ, на которыхъ плошки съ жиромъ вмѣсто свѣчь поставляются. Жена у него Тѣранусъ.

Они, по объявленію Стеллера, признаваютъ и бѣса, котораго представляютъ весьма хитрымъ и обманчивымъ, и для того называютъ Каннною. Около нижняго Камчатскаго остро́га показываютъ весьма старую и высокую ольху, которая за жилище его почитается; и Камчадалы ежегодно въ нее стрѣляютъ, отъ чего она вся стрѣлами изнатыкана.

Гасчь по ихъ есть начальникъ подземнаго свѣта, куда люди по смерти преселяются, которой прежде сего жилъ на здѣшнемъ свѣтѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣтей Кутовыхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами, а женѣ его Савинѣ отверзеніе вечерней зари и утренней.

Туила трясенію земли причиною ставятъ, будто оно происходитъ отъ того, когда Туилова сабака Козе́й, на которой онъ ѣздитъ подъ землею, отрясаетъ снѣгъ съ себя.

Но всѣ мнѣнія ихъ о богахъ и о діаволахъ безпорядочны, глупы и столь смѣшны, что не зная Камчатскихъ фантазій не можно сперьва и повѣрить, чтобъ они за истинну утверждали такую нескладицу. Однако они по своему разуму всему даютъ причину, о всемъ разсуждаютъ, и стараются извѣдывать самыя мысли птицъ и рыбъ. Но притомъ имѣютъ они сей порокъ,

что

что ни о какомъ мнѣніи никогда не думаютъ, справедливо ли оно или несправедливо, и можно ли тому статься или неможно, но все принимаютъ за истинну.

Главное основаніе вѣры ихъ утверждается на древнихъ преданіяхъ; которыя наблюдаютъ они паче закону, не пріемля никакихъ доказательствъ въ опроверженіе. Стеллеръ пишетъ, что онъ болыше ста человѣкъ спрашивалъ, не приходило ли имъ когда на мысль смотря на небо, на звѣзды, луну и солнце и на другія вещи, что есть тому творецъ, которой все толь премудро устроилъ, и котораго должно какъ почитать, такъ и любить за власть его и благодѣяніе, но они на отрѣзъ ему отвѣтствовали, что никогда о томъ не помышляли, и какъ любви, такъ и страху не чувствовали, и не чувствуютъ.

О богѣ разсуждаютъ они, что онъ ни щастію, ни нещастію ихъ не бываетъ притчиною, но все зависитъ отъ человѣка. Свѣтъ почитаютъ вѣчнымъ, души безсмертными, которыя съ тѣломъ соединившись востанутъ, и вѣчно жить будутъ въ такихъ же трудахъ, какъ и на здѣшнемъ свѣтѣ, токмо съ тою выгодою, что будетъ тамъ во всемъ вящшее изобиліе, и никогда не имѣютъ терпѣть голоду.

Всѣ твари до малѣйшей мухи послѣ смерти востанутъ, и подъ землею жить будутъ. Свѣтъ поставляютъ плосковиднымъ. Подъ землею полагаютъ подобное нашему небо, а подъ небомъ другую землю. Нашу землю почитаютъ за изнанку подземнаго неба; когда у насъ бываетъ лѣто, тогда у нихъ зима; а когда у нихъ лѣто, то у насъ зимнее время.

О воздаяніи будущемъ сіе токмо говорятъ, что бѣдные здѣшняго свѣта будутъ тамъ богатыми, а богатые убогими. А чтобъ богъ за грѣхи наказывалъ, того по ихъ мнѣнію не надобно: ибо, говорятъ они, кто худо дѣлаетъ, тотъ терпитъ и отмщеніе.

А почему они такія преданія и отъ кого приняли, о томъ сказываютъ слѣдующую басню: будто въ подземномъ свѣтѣ, куда люди по смерти преселяются, есть великой и сильной Камчадалъ Гаечь именемъ, которой родился отъ Кутхы, и прежде всѣхъ на Камчаткѣ умеръ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по тѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли, и къ нему преселились; и будто онъ желая научить свое потомство приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юрту, о всемъ томъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, разсказывалъ. Но понеже многіе отъ того страху, что мертвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали потомъ юрты свои оставлять, въ которыхъ человѣкъ умретъ, и новыя строить, чтобъ мертвой пришедши къ нимъ по подобію Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечъ, по ихъ объявленію, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ всѣхъ Камчадаловъ умершихъ; и кто прибудетъ въ новой и богатой собачьей куклянкѣ, и на хорошихъ собакахъ, тому даетъ худое платье и худыхъ собакъ, а кто въ худомъ платьѣ и на худыхъ собакахъ, тому даруетъ хорошее платье, хорошихъ собакъ и хорошее отводитъ мѣсто къ поселенію. Тогда умершіе начинаютъ строить себѣ юрты и балаганы, упражняются въ звѣри-

ной

ной, птичьей и рыбной ловлѣ, пить, ѣсть и веселиться по здѣшнему, токмо съ тѣмъ различіемъ, что они на ономъ свѣтѣ такого, какъ здѣсь, безпокойства не чувствуютъ; для того что тамъ меныше бурь, дожжей и снѣгу, и во всемъ такое изобиліе, каково было на Камчаткѣ во времена Кушховы: ибо они думаютъ, что свѣтъ отъ времени до времени становится хуже, и все противъ прежняго умаляется, потому что животныя купно съ промышленниками своими поспѣшаютъ переселяться на иной свѣтъ.

Что касается до пороковъ ихъ и добродѣтелей, то они такоежъ имѣютъ развращенное о томъ понятіе, какъ и о богѣ. Все то почитаютъ за дѣло дозволенное, чемъ они могутъ удовлесотворить желанію и страстямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ токмо то, отчего опасаются или истинной, или мнимой погибели по своему суевѣрію: такимъ образомъ не ставятъ они въ грѣхъ ни убивства, ни самоубивства, ни блуда, ни прелюбодѣянія, ни содомства, ни обидъ, однимъ словомъ ничего того, что по закону божію запрещается. Напротивъ того за смертной грѣхъ почитаютъ утопающаго избавить отъ погибели, для того что по ихъ суевѣрію, пѣмъ, кои изловятъ, самимъ утонуть будетъ. Засыпанныхъ снѣгомъ съ горъ, которымъ случается выбиться, принимать въ жилье страшное беззаконіе по нѣхъ норъ, пока они съѣдятъ всѣ свои припасы дорожные, а потомъ надлежитъ имъ раздѣться до нага, и брося свое платье, какъ скверное, войти въ свою юрту. Пить горячія воды, мыться въ нихъ, и всходить на огнедышущія го-

ры

ры за несумнѣнную почитаютъ погибель, и слѣдовательно за грѣхъ вопіющей на небо, и прочія такіе безчисленныя забобоны, о которыхъ и писать гнусно. Грѣхъ у нихъ и надъ кислою рыбою драться, или ссориться; грѣхъ съ женою совокупляться, когда съ собакъ сдираютъ кожи; грѣхъ соскабливать снѣгъ ножемъ съ обуви; грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ; грѣхъ ножи или топоры точить въ дорогѣ, и другія подобныя сему мѣлочи, отъ которыхъ опасаются какого нибудь противнаго приключенія: какъ отъ драки и ссоры надъ кислою рыбою совершенной погибели, отъ совокупленія съ женою во время сниманія сабачьихъ кожъ коросты, отъ соскабливанія снѣгу съ обуви бури, отъ варенія разныхъ мясъ вмѣстѣ нещастія въ ловлѣ и чирьевъ, отъ точенія ножей и топоровъ въ дорогѣ погодъ и бури; что однакожъ не столь удивительно: ибо во всѣхъ народахъ довольно суевѣрій у простыхъ людей, какъ тому, что они такое множество заповѣдей могутъ содержать всегда въ памяти.

Кромѣ помянутыхъ боговъ своихъ почитаютъ они и разныхъ животныхъ и другую тварь, отъ которой бываетъ опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки собольи и лисьи. Китовъ и касатокъ уговариваютъ они словами, когда увидятъ на промыслѣ, ибо они опрокидываютъ лотки ихъ; также медвѣдя и волка, и ни котораго изъ оныхъ звѣрей не называютъ по имени, только говорятъ, *Силангъ*, бѣда, и въ семъ сходны они съ нашими соболиными промышленниками, которые во время промыслу многихъ вещей не называютъ

ваютъ своимъ именемъ, будто бы отъ того дѣлалось въ ловлѣ нещастіе.

Въ такомъ крайнемъ заблужденіи находился сей народъ еще и съ перьвыхъ годовъ моей бытности: но нынѣ тщаніемъ всемилостивѣйшія нашея Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ и высокоматернимъ Ея о всѣхъ подданныхъ попеченіемъ, всѣ Камчадалы приняли Христіянскую вѣру, и многіе изъ сѣверныхъ Коряковъ: ибо въ 1741 году прибыли туда отъ Святѣйшаго Синода отправленные проповѣдники съ довольною церковною утварью и со всѣмъ, что потребно было къ обращенію толь дикаго народа, которые имѣли столь желаемой успѣхъ во ученіи, что не токмо обратили ихъ въ Христіанскую вѣру, но и возбудили желаніе ко ученію: Завели школы по разнымъ мѣстамъ, въ которыя Камчадалы отдаютъ дѣтей своихъ безъ всякаго принужденія; а нѣкоторые учатъ ихъ своимъ коштомъ. По такимъ обстоятельствамъ сумнѣваться не можно, что Христіанская вѣра по всему Сѣверному морю чрезъ нѣсколько лѣтъ распространится.

ГЛАВА 12.

О Шаманахъ Камчатскихъ.

У Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ шамановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, но всякая баба а наипаче старуха, и всякой Коéхчучь волхвомъ и толкователемъ сновъ почитается. При шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни плащья нарочно для того

го здѣланнаго не надѣваютъ, какъ у Якутовъ, Коряковъ, Тунгусовъ, Бурятовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаи; но нашепшываютъ на рыбью шаглу, на сладкую праву, на тоншичь, и пѣмъ лѣчатъ болѣзни, пѣмъ отвращаютъ нещастіе, и будущая предвозвѣщаютъ. А какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на пóмощь, того я какъ великой ихъ тайны не могъ вывѣдать.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ: двѣ бабы садятся въ уголъ, непрестанно шепчутъ, одна привязываетъ къ ногѣ крапивную нитку раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу. Есть ли ей ногу подъимать легко покажется, то сіе почитается за щастливое предзнаменованіе и за будущей благополучной успѣхъ предпріемлемаго дѣла; а буде тяжело, то за нещастливое. Между пѣмъ призываетъ бѣсовъ къ себѣ словами гушь, гушь, и скрежещетъ зубами; а какъ явится привидѣніе, то захохотавши кричитъ хáй; хáй. Съ полчаса спустя бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ *Ишхи* то есть, нѣтъ. А другая баба какъ ея помощница шепчетъ надъ нею, и уговариваетъ, чтобъ не боялась, но прилѣжно бы примѣчала явленія, и содержалабъ въ памяти, что загадала. Нѣкоторые сказываютъ, что во время грому и молніи билюкай къ шаманкамъ сходитъ, и вселясь въ нихъ способствуетъ имъ угадывать.

Есть ли здѣлается кому неблагополучіе, или не будетъ щастія въ промыслѣ, тотъ часъ приходитъ къ старухѣ или къ женѣ своей, бываетъ шаманство, сѣдуется причина, отъ чего произошло такое зло, и предписуются

суются средства къ отвращенію. За вящшую же причину вмѣняется преступленіе какого нибудь суевѣрія, которое тѣмъ отвращается, что согрѣшившей должень вырѣзать болванчика, и отнесши въ лѣсъ на дерево поставить.

Шаманятъ же они и во время праздниковъ, когда грѣхи очищаются, шепчутъ, курятъ, махаютъ, опираютъ тонпичемъ, обвязываютъ перевясками, оптоваривающъ пришедшихъ въ изумленіе, и другія дѣлаютъ непристойности, о чемъ въ слѣдующей главѣ писано пространнѣе.

Есть ли которой младенецъ родится въ бурю или ненастье, то на возрастѣ, когда онъ говорить будетъ, шаманятъ надъ нимъ, и примиряютъ съ бѣсами такимъ образомъ: въ жестокую бурю раздѣваютъ его до нага, даютъ въ руку раковину морскую, которую ему поднявъ къ верху должно обѣгать вкругъ юрпу, балаганъ и сабачьи конуры, говоря сіи слова къ бѣлюкаю и къ другимъ врагамъ: раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма мочите, и мнѣ отъ мокроты будетъ погибнуть; видите, что на мнѣ нѣтъ платья, и что я весь дрожу. По окончаніи сего примиряется онъ съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья.

Такимъ же образомъ гадаютъ они и трудныя сновидѣнія: ибо Камчадалы столько въ томъ любопытны, что по утру самое первое у нихъ дѣло разсказывать сны, разсуждать и заключать изъ того щастіе или злополучіе. О нѣкоторыхъ снахъ имѣютъ они

вѣрныя и непремѣняемыя правила, какъ напримѣръ: есть ли вшей видятъ, то на другой день ожидаютъ къ себѣ казаковъ безъ сумнѣнія. Испраженіемъ желудка предзнаменуется прибытіе гостя изъ ихъ народа, плотскимъ совокупленіемъ предвозвѣщается щастіе въ промыслѣ.

Кромѣ шаманства упражняются они въ Хиромантіи, и разсуждаютъ о щастливыхъ и нещастливыхъ приключеніяхъ по линіямъ на рукѣ, но правила свои въ тайнѣ содержатъ. Есть ли у кого появится на рукѣ точка, пятно или линія, или вдругъ пропадетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой шаманки, какъ то самъ Стеллеръ примѣтилъ притворясь соннымъ.

ГЛАВА 13.

О праздникахъ и наблюдаемыхъ притомъ церемоніяхъ.

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ токмо годовой праздникъ, въ которой они грѣхи очищаютъ, а отправляется оной неотмѣнно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, чего ради и очистителемъ грѣховъ называется. Стеллерово мнѣніе о семъ праздникѣ, что оной отъ предковъ ихъ уставленъ былъ въ благодареніе богу за его благодѣянія; но послѣ сущая притчина празнованія помрачена дурацкими смѣхами и нелѣпыми баснями. Мнѣ кажется мнѣніе его основательно, тѣмъ наипаче, что по окончаніи лѣтнихъ и осеннихъ трудовъ не принимаются они ни за какую работу прежде праздника, не ѣздятъ въ гости и на промыслы, почитая все то за великой грѣхъ.

Ежели

Ежели же кому преступить случится, волею или по нуждѣ, то во время праздника не обходимо долженъ очиститься, ежели не очистится прежде. Изъ сего нѣсколько видѣть можно, что предки сего народа по заготовленіи въ зиму сѣстныхъ припасовъ имѣли обычай начало трудовъ своихъ приносить богу на жертву, а потомъ сами между собою веселиться, переходя другъ къ другу въ гости. При празднованіи бываютъ у нихъ между прочимъ много и такихъ мѣлочей, которыя недостойны воспоминанія, но понеже всему у нихъ непремѣнной порядокъ, то опишу я всѣ обряды ихъ съ начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой бездѣлицы не столько для удовольствія читателя, ибо такія мѣлочи читать больше скуки, нежели пріятности; но наипаче для того, чтобъ не погибла память толикаго ихъ заблужденія, изъ котораго они выведены высокоматерънею милостію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всемилостивѣйшія нашея Государыни: ибо нынѣ всѣ оные языческіе обряды оставлены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ совершенному предадутся забвенію къ нѣкоторому ущербу исторіи.

И понеже южные Камчадалы имѣютъ нѣкоторую разность въ обрядахъ противъ сѣверныхъ, то объявлю я порознь о празднованіи ихъ, начавъ отъ южныхъ Камчадаловъ, къ которымъ я въ 1738 и 1739 годахъ нарочно для того ѣздилъ, и въ знатномъ ихъ остроґѣ Чапынганъ называемомъ, что на рѣкѣ Кыкчикѣ, жилъ по трои сутки.

Церемонія началась мешеніемъ юрты. Потомъ два старика имѣвшіе въ рукахъ по повѣсму тонщичу нѣчто пошептавъ надъ соромъ приказали его вонъ носить.

Съ полчаса спустя выняли изъ мѣста вонъ старую лѣствицу, мѣсто вычистили, и старикъ невѣдомо что пошептавъ положилъ туда щепочку обвитую тонщичемъ, послѣ того новую привязали съ равнымъ шептаніемъ, а старую поставили къ стѣнѣ, ибо вонъ ея выносить не окончавъ праздника не дозволено.

Между пѣмъ приборъ къ ѣздѣ на собакахъ принадлежащей, санки, алаки, узды, побѣжники, ошталы и прочее изъ юрты вонъ вынесли, для того что оной ожидаемымъ на праздникъ врагамъ по ихъ мнѣнію противенъ.

Немного помѣшкавъ принесли въ юрту сухой травы, и послали подъ лѣствицею. Старикъ, которой обыкновенно на все нашептывалъ, пришедъ къ лѣствицѣ съ тремя бабами сѣлъ по правую сторону, а бабы по лѣвую. У каждаго изъ нихъ была рогожка, а въ нихъ юкола, сладкая трава, сухая икра, тюленей жиръ въ кишкахъ и кусками. Изъ юколы дѣлали они топоры, и сладкою травою увивали; а изготовя все по обычаю старикъ и каждая баба отправляли отъ себя по человѣку въ лѣсъ за березою, навязавъ на поясы, на топоры и на голову тонщичь, и отдавъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу, немного себѣ изъ того оставя.

Послѣ

Пóслѣ того старикъ и бабы вставши съ мѣстъ своихъ обошли вкругъ лѣстницы одинъ разъ махая тоншичемъ, которой въ обоихъ рукахъ имѣли; и приговаривая Акхáлалалай; а за ними обходили и тѣ, коимъ надлежало итти за березою, которые обошедши и отправились въ путь свой; а старикъ и бабы тоншичь свой на очагъ положили, а оставшей запасъ бросили малолѣтнымъ какъ бы на драку, которой они разхватавши сѣли.

Между тѣмъ бабы дѣлали изъ сладкой травы и изъ юколы Кита, а здѣлавъ вынесли вонъ изъ юрты до времени, и полоя или на балаганѣ. Потóмъ затоплена юрта, а старикъ выкопавъ передъ лѣстницею ямку, принесъ камбалу обернутую тоншичемъ, и пошептавъ положилъ въ ямку, и сперва самъ на томъ мѣстѣ обернулся прожды а послѣ и всѣ мущины и женщины до малолѣтныхъ.

По окончáнїи сего дѣйствїя другой старикъ нáчалъ сарану варить въ корытахъ каленымъ каменьемъ, которою [illegible] имѣли быть подчиваны враги ихъ; а между [illegible]емъ, у кого были болванчики называемые Урилыдачь, связывали ихъ сладкою травою, а другїе дѣлали новыхъ болванчиковъ Йпунгъ именуемыхъ, и въ потолокъ надъ очагомъ тыкали.

Въ тожъ время нѣкоторой старикъ принесъ въ юрту березовой кряжъ, и нáчалъ изъ него Ханпая дѣлать, а здѣланному перьвой Тоїонъ того острожка навязалъ сладкой травы на шею, а по немъ и прочїе сладкуюжъ траву или тоншичь приносили ему на жертву, по совершенїи которой поставили его на очагъ вмѣстѣ съ старымъ Ханпаемъ.

Часто-

Частоупоминаемой старикъ взявъ два небольшія камня, и обернувъ въ тонничь не вѣдомо что наговаривалъ, потомъ закопавъ ихъ на очагѣ по разнымъ угламъ расклалъ небольшей огонь, а вкругъ лѣстницы посадилъ малолѣтныхъ, чтобъ имъ хватать болванчиковъ, которые сверху имѣли быть въ юрту брошены. Дѣти разхватавъ ихъ обвязали сладкою травою, а одинъ изъ нихъ взявъ новаго Ханта́я потащилъ вкругъ очага за шею, а прочіе за нимъ слѣдовали и Алхалалалай кричали, а потомъ на старомъ его мѣстѣ поставили.

По́слѣ того обѣжали вкругъ очага всѣ старики, сколько ихъ въ юртѣ ни было: тотъ, которой на все нашептывалъ, взялъ въ ру́ки обвитую тонничемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говорить на́чалъ: Отъ Кутхи начъ приказано воздавать тебѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; чего ради просимъ, чтобъ ты насъ хранилъ, и миловалъ, не причинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару. Сію рѣчь перерывалъ онъ нѣсколько разъ; между тѣмъ всѣ прочіе старики вспавали, и топая ногами, и плеская руками кричали Алхалалалай, а по окончаніи оной всѣ старики вспали съ мѣстъ своихъ, и взявъ другъ друга за руки заплясали, и закричали Алхалалалай, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали.

Во время крику начали выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, искося глаза́, искривя ротъ и представляя себя какъ возможно страшными, которыя дошедъ до лѣстницы подняли ру́ки къ верху, и дѣлая странныя вѣлодвиженія плясали и кричали во всю голову, а

потомъ

потóмъ одна за другою падали на землю бутто мертвыя, и разносимы были мущинами по мѣстамъ своимъ, гдѣ лежали, акибы безчувственны по тѣхъ поръ, пока нѣкоторой старикъ не отшепталъ каждыя порознь. Сіе позорище показалось мнѣ страннѣе и противнѣе Якутскаго шаманства: ибо тамъ одинъ токмо шаманъ бѣсится, а здѣсь цѣлой острожекъ. Отшептанныя бабы и дѣвки весьма много кричали, и плакали, бутто отъ великой болѣзни и тягости: а между тѣмъ старикъ поворожа надъ пепломъ бросалъ его дважды къ верьху лопатой, а по немъ и прочіе тоялъ учинили. Послѣ того обвявленной старикъ насыпавъ пеплу въ два ковша посылалъ съ нимъ двухъ человѣкъ дважды изъ юрты, которые выходили не обыкновеннымъ окномъ но шóпхадомъ, и усыпáли пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спустя обтянули вкругъ всей юрты веревку изъ травы плѣтеную, къ которой мѣстами привязанъ былъ тонничь. И такимъ образомъ день они препроводили: а въ вечеру возвратились посланные за березою, которые совокупясь съ нѣкоторымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ юрты Камчадаловъ взнесли на юрту срубленую подъ корень превеликую березу, и нáчали бить ею въ окно или въ двери юрты, причемъ топая ногами кричали, сколько у кого было голосу; напротивъ того и бывшіе въ юртѣ отвѣтствовали равнымъ образомъ отъ мала и до велика, и сей вопль продолжался около получаса. Пóслѣ того выскочила изъ угла дѣвка какъ бѣшеная, и взбѣжавъ по лѣстницѣ за березу схватилась, а къ ней на пóмощь прибѣжало было еще бабъ съ десять, но Тоіонъ то-

го острожка стоя на лѣстницѣ не допустилъ ихъ Между тѣмъ береза спускалась ниже, и уже съ полу достать оную возможно было; тогда всѣ бабы ухватясь за березу начали тянуть ся въ юрту съ ужаснымъ крикомъ и съ плясаніемъ, но стоящіе на юртѣ держали крѣпко. Напослѣдокъ весь женской полъ, аки пораженный нечистымъ духомъ попадалъ на землю, выключая ту дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась: ибо она по тѣхъ поръ висѣла на ней, и кричала, пока береза концомъ на полу стала, тогда и она по примѣру прочихъ на землю повергласъ какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему отговаривалъ, и всѣхъ отшепталъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которою онъ трудился долгое время. Она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма тошно: припомъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ утѣшая ея совѣтовалъ болѣзнь нести великодушно, которой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыбьей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора часа брошено въ юрту восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая трава и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и четыре рогожи, которыя даваны были съ кормомъ посыланнымъ за березою, а въ нихъ находились березовые обрубки и запасъ остаточной. Рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую траву и жиръ Камчадалы раздѣлили по себѣ, кожи

послали

послали передъ лѣстницею, а изъ березовыхъ обрубковъ начали дѣлать востроголовыхъ болванчиковъ, Камýда называемыхъ, во óбразъ тѣхъ бѣсовъ, кои въ женской ихъ полъ вселяются во время плясанія. Помянутыя кожи тюленьи отсулены были пѣмъ бѣсамъ еще съ осени, когда Камчадалы сряжались на тюленьи промыслы, чего ради и не употребляютъ ихъ ни на что, кромѣ того, что подъ себя стелютъ.

Здѣлавъ 55 болванчиковъ посадили ихъ рядомъ, и сперьва вымазали брусницею лице имъ, пóслѣ того поставили передъ нихъ въ трехъ посудахъ толченой сараны, и передъ каждаго положили маленькую ложку: такимъ образомъ стоя́ло купанье нѣсколько времени, а какъ болванчики по мнѣнію Камчадаловъ уя́ѣ довольны были, то сарану сѣ́ли они сами, а болванчикамъ надѣвъ на гóловы пра́вяные колпаки, и навязавъ сладкой травы и тонничу на шѣи, связали ихъ въ три пучка, и каждой пучекъ по два человѣка съ воплемъ и плясаніемъ въ огонь бросали, а съ ними вмѣстѣ жгли и щепы, которыя при дѣланіи ихъ нарублены.

Около полуночи вошла въ юрту шопхадомъ или выводомъ баба, у которой на спинѣ привязанъ былъ Кипъ изъ сладкой травы и рыбы здѣланной въ началѣ еще праздника, и ползла въ кругъ очага, за нею слѣдовали два Камчадала съ тюленьими кишками сладкою травою перевитыми, и крича по вороньи кишками по Кипу били. Какъ баба очагъ миновала, то бросились всѣ бывшіе въ юртѣ малолѣтные, и Кипа у ней растерзали, а баба побѣжала вонъ пѣмъ же выводомъ; но споявшей внѣ юрты нарочно для того Камчадалъ

поималъ ее, и взведши на юрту началъ спускать по лѣстницѣ внизъ головою. Для приниманія ея бросились нѣсколко бабъ и дѣвокъ съ такимже, какъ прежде воплемъ, а послѣ всѣ вмѣстѣ плясали, и кричали до тѣхъ поръ, пока на землю попадали, причемъ было и отшептываньe по прежнемужъ; а между тѣмъ Камчадалы разтерзаннаго малолѣтными кипа по себѣ дѣлили и ѣли.

Вскорѣ послѣ того затопили юрту, и бабы стрянать начали. Каждая принесла свою посуду и толкушу, и стали толочь шеламайное коренье, икру и кипрей съ нерпичьимъ жиромъ; а какъ все оное истолкли какъ тѣсто, то старикъ взявъ хомягу (посуда) ходилъ по всѣмъ бабамъ, и съ каждой бралъ по ложкѣ толкуши; а собравъ отдалъ хомягу другому старику, которой на все нашептывалъ, и бабъ падающихъ на землю отговаривалъ. Оной старикъ сѣлъ къ огню съ толкушею, и невѣдомо что наговаривая по обычаю бросилъ изъ толкуши нѣсколько въ огонь, а остальное отдалъ обратно тому, кѣмъ толкуша была збирана, а старикъ разносилъ паки по бабамъ, и каждой давалъ по ложкѣ вмѣсто жертвеннаго. Между тѣмъ вся ночь прошла, и никто изъ Камчадаловъ спать не ложился.

На другой день, то есть Ноября 22 числа, около 9 часа по утру посланы передъ лѣстницею двѣ нерьпичьи кожи, а между ими рогожа, на которыхъ сѣли три старухи. Каждая изъ нихъ имѣла пучекъ тоненькихъ ременныхъ гайтановъ, раскрашеныхъ нерпичьей шерстью и тонпичемъ. Въ прислужникахъ у нихъ

былъ

былъ старикъ, которой обравъ гайпаны и обжегши на огнѣ обратно имъ отдалъ. Старухи вставъ съ мѣстъ своихъ ходили одна за другой по юртѣ, и окуривали вездѣ обожженными оными гайпанами; а Камчадалы, жёны ихъ и дѣти во время прохожденія старухъ хватались за гайпаны, какъ за нѣкоторую вещь освященную и прясли ихъ. Окуря всѣхъ сѣли старухи по своимъ мѣстамъ, и одна взявъ у протчихъ гайпаны вторично пошла по юртѣ прикладывая ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ въ юртѣ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричали, а всѣ старухи, у которыхъ пучки съ гайпанами были, плясали, и бѣсились по прежнему, тожъ учинила обшедъ юрту и третія, а наконецъ всѣ попадали замертво.

Прислужникъ взявъ гайпаны у лежащей старухи приложилъ ихъ къ лѣстницѣ, и по тѣхъ поръ держалъ, пока всѣ бывшіе въ юртѣ отъ мала до велика къ нимъ прикоснулись. Напослѣдокъ роздалъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разобрали гайпаны каждая по числу семьи своей, и надѣвали ихъ на каждаго человѣка окуривъ прежде мужа, себя и дѣтей своихъ.

Спустя полчаса Камчадалы послали передъ лѣстницу нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, что по сторонамъ лѣстницы, привязали по мальчику; послѣ того вошли въ юрту два старика, и спрашивали у мальчиковъ, когда пріѣжжаетъ отецъ ихъ? на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣтствовано имъ, *зимою*. Старики положа передъ мальчиками по кишкѣ съ нерпичьимъ жиромъ, которыя сладкою травою обвиты были, вонъ вышли, но вскорѣ возвратились въ юрту, и на-

чали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмъ вошла Шопгадомъ баба, у которой подъ пазухой былъ здѣланной изъ сладкой травы волкъ и набитой медвѣжьимъ жиромъ, кишками съ тюленьимъ жиромъ и другими съѣстными ихъ припасами, о которомъ выше упомянуто. За бабою шелъ Тоіонъ того острожка съ натянутымъ лукомъ, у которыхъ и голова и руки обвязаны были тонничемъ, сверьхъ того у Тоіона на поясу, на сайдакѣ и на стрѣлѣ навѣшенъ былъ тонничь же повѣсмами. Какъ баба обошла подлѣ стѣны вкругъ юрты съ послѣдовавшими ей всѣми жителями того острожка мужеска полу и женска скачущими и кричащими, и дошла до лѣстницы, то нѣсколько человѣкъ Камчадаловъ выхватили у ней волка изъ подпазухи, и взобѣжали съ нимъ по лѣстницѣ подъ самой верхъ юрты; чего ради всѣ бабы обступя лѣстницу и всякими образы домогались взойти на оную и достать волка, но стоявшіе на лѣстницѣ мужики до того ихъ не допускали, и хотя онѣ нѣкоторыхъ силою съ лѣстницы низвергали, однакожъ намѣренія своего не могли произвесть въ дѣйство, но утрудясь и обезсилѣвъ всѣ попадали, и за мертво разнесены по мѣстамъ, и отговариваны попрежнему. Послѣ того Тоіонъ, которой съ натянутымъ своимъ лукомъ стоялъ между тѣмъ вдаль, приступилъ къ лѣстницѣ, и стрѣлилъ въ волка, а прочіе мужики стащили его на полъ, и растерзавъ съѣли, удѣля нѣкоторое число медвѣжья жиру для подчиванія ханпаевъ.

Осемь

О семъ дѣйствіи, такъ какъ и о китовомъ, о которомъ выше объявлено, хотя сами Камчадалы сказать и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ суевѣрія или нѣтъ, и для чего бываетъ; однакожъ мнѣ кажется, что оное представляется вмѣсто комедіи только для увеселенія, или чтобъ имъ прямыхъ китовъ и волковъ промышлять и ѣсть, какъ съ травеными поступали. А баснь, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинакой Камчадалъ, и имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыновей. Отходя на промыселъ принужденъ онъ былъ дѣтей однихъ оставлять въ юртѣ, и для безопасности, чтобъ не ушиблись, привязывать къ столбамъ. Въ небытность его приходили къ дѣтямъ его волки; и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ, которымъ они отвѣтствовали, зимою. Дѣти его отъ того страха чрезъ долгое время безъ ума были. Между тѣмъ отецъ съ промыслу возвратился, и увѣдавъ, что во время его отлучки происходило, пошолъ промышлять волка, и застрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до китоваго дѣйствія, то травяной китъ дѣлается во образъ носимаго волнами мертваго кита, вороны изъ кишокъ во образъ вороновъ клюющихъ трупъ его, а малые робята терзающіе его во образъ Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончаніи игры о волкѣ старикъ обжигалъ тонщичь, котораго съ каждой семьи по повѣсму огню на жертву собралъ, и окуривалъ онымъ юрту два раза. Обожженой тонщичь положилъ онъ весь на очагъ вы-

ключая

ключая одно повѣсьмо, которое на потолокъ надъ очагомъ повѣсилъ, гдѣ оно виситъ во весь годъ.

Вскорѣ послѣ того нанесли въ юрту березоваго прутья, по числу семей, изъ котораго каждой Камчадалъ взялъ на свою семью по одному пруту, и изогнувъ кольцомъ пропускалъ сквозь оное жену и дѣтей своихъ по два раза, которые выступя изъ кольца вонъ обертывались кругомъ. Сіе почитается у нихъ за очищеніе грѣховъ ихъ.

Какъ всѣ очистились, то Камчадалы пошли съ прутьями вонъ изъ юрты жупаномъ, а за ними слѣдовали и всѣ сродники ихъ мужеска и женска полу. Внѣ юрты проходили сквозь кольца вторично, а потомъ оное въ снѣгъ втыкали приклоня на востокъ вершинами. Камчадалы сброся на томъ мѣстѣ весь тонпичь, и отрясши платье свое возвратились въ юрту настоящимъ входомъ а не жупаномъ.

Изъ бывшихъ на мѣстѣ очищенія случилась одна больная дѣвка, которую старикъ посадя на снѣгъ съ полчаса оттоваривалъ, прикорнувъ передъ нею и опершись о палку, напослѣдокъ отрясши платье ея прутомъ опустилъ въ юрту.

Послѣ очищенія принесли Камчадалы малую сухую птичку да гольца нарочно для того изготовленныхъ, и пожаря на огнѣ по частямъ раздѣлили, и пришедъ къ огню бросили въ огонь въ три раза на жертву тѣмъ врагамъ, кои на праздникъ приходятъ и въ бабъ вселяются. Они, сказываютъ Камчадалы, живутъ на облакахъ, видомъ какъ люди, только востроголовы, возрастомъ съ трехлѣтняго младенца, ходятъ въ лисьемъ, собольемъ и рассомачьемъ платьѣ. По-

Понеже они сказываютъ, что враги къ бабамъ въ ротъ входятъ до 50 и больше, то спросилъ я у нихъ, какъ можно толикому числу враговъ величиною съ трехлѣтнаго младенца въ одной бабѣ умѣститься, и какъ пройти въ такое узкое горло, въ которое рукѣ такого младенца пройти кажется не возможно. Намъ де и самимъ, опвѣтствовали они, то дивно, можетъ де быть они весьма малы, да намъ такими кажутся.

Попомъ запопили юрту, и накаля каменья начали сухую рыбу варить въ корытахъ, а сваря обливали щербою ханпаевъ, обрѣтающихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая еще въ юртѣ стоѧла, а рыбу сами ѣли.

Напослѣдокъ должно имъ было березу изъ юрты вынесть, чего ради два человѣка взлѣзши по ней на юрту (а по лѣсницѣ выходить грѣхъ) подали оную сидящимъ въ юртѣ, которые обнесши вкругъ всей юрты, отнесли оную на балаганъ, гдѣ лежитъ она во весь годъ, а почтенія ей никакого не отдается. Такимъ образомъ праздникъ ихъ окончился.

У сѣверныхъ Камчадаловъ есть въ обрядахъ немалая отмѣна въ разсужденіи южныхъ. На праздникъ ихъ пріѣхалъ я Ноября 19 дня по утру, однако не засталъ начала: ибо до моего еще пріѣзду юрта у нихъ была выметена, надъ полками здѣланы грядки, а на нихъ накладены поперешныя колья съ обтесаными головками, которыя по ихъ называются *Урилыдачъ*. Сверьхъ Урилыдачей около очага накладены были сухія дрова для праздничнаго употребленія. За дрова-

ми и за кольемъ на урилыдачей ѣздили Камчадалы съ церемоніями, такъ какъ вышеписанные Камчадалы за березою.

Немного спустя по моемъ пріѣздѣ всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли, и разошлись по балаганамъ, и нѣсколько помѣшкавъ возвратились. Въ юрту входили сперва старухи, послѣ малыя дѣвочки и бабы, а напередъ себя опущали онѣ сладкую траву; къ которой у нѣкоторыхъ привязанъ былъ кипрей и юкола. Оные припасы принимали у нихъ нарочно опредѣленные къ услуженію при празднованіи два Камчадала, которыхъ я называть буду ниже сего служителями, и вѣшали на урилыдачей надъ ихъ мѣстами. Каждая баба вшедъ въ юрту клала на очагъ по немногу тоншичу, а потомъ отходила на свое мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту одна баба съ двѣмя двойнишными дѣвочками. У бабы была въ рукахъ сладкая трава, а у дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ тоншичь. Баба снявъ у дѣвочекъ съ головы тоншичь положила на очагъ, а послѣ нея и дѣвочки тоншичь изъ рукъ на огнище бросили. Помянутая баба не мать онымъ дѣвочкамъ была, но нянька, а мать ихъ одна входила въ юрту.

Послѣ того привели къ очагу дряхлую старуху, у которой и въ рукахъ и на головѣ, такъ какъ и у другихъ былъ тоншичь, которой она сброся на огнище опрясалась приговаривая невѣдомо что.

Вскорѣ потомъ вышли два мужика изъ угловъ, сѣли по сторонамъ лѣсницы съ топорами и съ деревянными чурками. Служители приносили къ нимъ со всякаго

всякаго угла по пластинѣ юколы, которую они положа на чурки топорами надрубливали приговаривая, чтобъ юкола была спора, и изъ балагановъ не убывала. Надрубленую юколу разносили служители по пѣмъ угламъ, и раздавали обратно, у кого взяли, отломя сперьва по малому кусочку и на огнище брося. Послѣ того спали они ѣсть подчивая другъ друга съ угла на уголъ. И перьвой день праздника ихъ въ 11 часу по полудни пѣмъ окончился.

На другой день по утру рано отъ каждой семьи мужикъ или баба поѣхали по сосѣднимъ острожкамъ къ друзьямъ своимъ, для сбиранія корму на праздникъ. Ибо хотя у нихъ и своего довольно, однакожъ по обыкновенію ихъ припасы на то время у сосѣдей сбираютъ, подобно какъ у нашихъ подъ насѣшку яица.

Въ острожекъ возвратились они уже вечеромъ, и запопя юрту бабы начали стряпать, толочь ягоды и коренье, и оная стряпня продолжалась почти во всю ночь. Между пѣмъ огонь на очагѣ не угасалъ, но безперемѣжно курился. Ибо по ихъ обычаю должно быть неугасимому огню по пѣхъ поръ, пока стряпня окончится, и угашеніе огня при ономъ случаѣ за великой грѣхъ почитается.

Изготовя кушанье, что учинилось часа за два до свѣту, юрту скупали, и бабы начали вить изъ травы веревки, головы рыбы обвертывать въ тонинчь, накладывать на шѣи травяныя плетешки, а при всемъ томъ невѣдомо что наговаривая пробавились до самаго свѣту.

По окончаніи помянутаго дѣйствія служители начали со всѣхъ сбирать рыбьи головы обверченыя въ Тоншичь огню на жертву, и класть на очагъ, а при положеніи каждой головы присѣдали подлѣ лѣсницы на колоду. Послѣ того всѣ бывшіе въ юртѣ обоего пола отъ мала и до велика приходили къ очагу, и бросали съ себя тоншичевыя перевяски, а нѣкоторыя семьи изогнувъ кольцомъ объявленныя травяныя веревки сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали. Сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ почитается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу старикъ, и пошептавъ надъ травою и тоншичемъ, которыя на очагъ набросаны были, начавъ изъ нихъ веревки вить, а свивши махалъ два раза по юртѣ крича изо всей силы не вѣдомо что, а по немъ и прочіе тожъ дѣлали. Сіе значитъ у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

Напослѣдокъ Камчадалъ очищалъ у очага двойнишныхъ дочерей своихъ, положа на оной хахалчу рыбку и омегу изъ четырехъ мѣшечковъ, которые надъ постелей своей повѣсилъ.

Не много времени спустя служители со всѣхъ четырехъ угловъ юрты крестъ на крестъ брали юколу, и подчивали Урилыдачей, а за ними слѣдовали и всѣ Камчадалы, и мазали ихъ иной толкушей, иной сараной, иной суниломъ, или что у кого приспряпано было. А послѣ стали другъ друга подчивать переходя съ одной стороны юрты на другую. Подчиваются они кормя другъ друга изъ своихъ рукъ лошкою.

Какъ

Какъ обѣдъ ихъ окончался, то Камчадалы раздѣвшись до нага взяли по хомягѣ (посуда съ чемъ по воду ходятъ) въ рукѝ, а вмѣсто платья получа отъ служителей по тоншичной перевяскѣ на шѣи, которыя сняты съ Урилыдачей, вышли изъ юрты вонъ, и пошли на рѣку по́ воду слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ. У передовщика была въ рукахъ хомяга да толкуша, а у другаго хомягажъ да лучина. При выходѣ изъ юрты двое Камчадаловъ, изъ которыхъ одному на переди, другому на зади итти надлежало, садились на малое время подлѣ лѣствицы, а пришедъ на пролубь передовщикъ околотя оную толкушкою черпалъ воду сперва оборачивая хомягу противъ воды, потомъ по водѣ, а по немъ и всѣ тожъ дѣлали; и сколько кто въ одинъ разъ зачерпнуть могъ, то и несъ съ собою. Съ пролуби шли они шѣмже, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юрту спускались въ оную по веревкамъ съ великою осторожностію, чтобъ не разплеснуть, ибо оное за грѣхъ почитается, а принимали у нихъ двое подростковъ нарочно для того оставленныхъ, потому что служители сами за водою ходили. На юртѣ стояли они по шѣхъ поръ, пока отъ всѣхъ посуда съ водою принята была. Между шѣмъ четыре раза кричали они изо всей силы плеща руками и топая ногами. А вшедъ въ юрту тотъ, которой ходилъ съ лучиною, обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою. Напротивъ того изъ воды вынувъ кусокъ льду въ огонь бросилъ, и воду давалъ всѣмъ пить вмѣсто освященной.

Потомъ бабы съ остальнымъ отъ подчиванія куганіемъ пошли по своимъ балаганамъ, и нами остались. Напослѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ вонъ выслали, и мы по прозбѣ ихъ выпити принуждены были, для того что имѣло у нихъ происходить тайное дѣйствіе, при которомъ кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ и двухъ служителей никому быть не должно. Однакожъ я упросилъ, что они толмачу моему притомъ быть позволили, которой разсказалъ мнѣ, что у нихъ происходило.

Сперьва старики приказали служителямъ затопить юрту; а когда она истопилась, то служители принесли по горсти сухой травы, и разбросали по юртѣ, потомъ всю юрту и полки услали чирелами, (травяными рогожами) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а напослѣдокъ всѣ старики начали вязать тонщичь, и помѣнявшись другъ съ другомъ повѣсили оной на спицы, служителямъ отдали приказъ, чтобъ въ юрту и изъ юрты никого не пускали, и юртеную дверь на глухо закрыли, а сами легли, и имѣли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Нѣсколько времени спустя приказали они одному служителю за дверь пощупать, а послѣ открыть, и принесть съ балагану рыбью щеку, да цѣлую рыбьюжъ голову, а самому ему на балаганъ ходить не велѣли.

Принесенную щеку и голову рыбью принялъ старикъ, и обертя въ тонщичь нѣчто пощепалъ на нихъ, и сѣлъ у очага, а къ нему приходили прочіе старики, и потоптавъ обвявленную щеку и голову перешедъ

черезъ

черезъ огнище возвращались на свои мѣста. Потомъ служители вышли изъ юрты вонъ, и тѣмъ окончилось первое тайное ихъ дѣйствіе.

По прошествіи двухъ часовъ собрались въ юрту всѣ мужики, бабы и малые ребята, которые того года или хворали или тонули. Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обвязали головы тоншичемъ, и давъ имъ въ одну руку тоншичу, въ другую сладкой травы выслали вонъ изъ юрты. При выходѣ обносили они сладкую траву вкругъ лѣстницы, и взошедъ на юрту обошли вкругъ оной три раза по солнцу, а послѣ того стоя на верху юрты рвали на мѣлко сладкую траву и тоншичь, и бросали въ юрту, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя тоншичевыя перевяски на огнище клали, и потоптавъ ногами тѣ, которые хворали, отходили по своимъ мѣстамъ; а которые тонули, тѣ легли на огнище, и все то представляли, что они въ то время, какъ тонули, дѣлали, и кликали поимянно, отъ кого тогда требовали помощи, которые пришедъ къ очагу съ пеплу ихъ, акибы изъ воды таскали.

Напослѣдокъ принесена рыбья щека, и брошена на огнище съ приговоромъ ту ту ту, и изломаны на обѣихъ сторонахъ юрты по двѣ рыбки рагашки и разбросаны по полу. Между тѣмъ служители побывавъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, которыми юрта услана была, собрали, и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши всѣ перевяски бывшія на головахъ у больныхъ и у утопленниковъ, приказали ребятамъ погасить оной каменьемъ

каменьемъ. Такимъ образомъ тайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дни ничего больше не происходило. На третей день по утру рано запопили юрту, и положили передъ огнемъ два пука сухой травы или соломы и прутья вмѣсто связанныхъ, и праздничные служители спали, одинъ у одного, а другой у другаго пука. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшись пуками начали ихъ развязывать, и прутье роздали по муцинамъ, изъ которыхъ иные ихъ намѣлко ломали, а иные въ кольцы вили съ нѣкимъ наговоромъ. Солому всю перенесли на одну сторону очага, и стали дѣлать Пóма.

Что значитъ оной Помъ и для чего дѣлается, того и сами Камчадалы сказать или не умѣли, или не хотѣли, впрочемъ сдѣлали его на подобіе человѣка вышиною около полуаршина, а тайной удъ приплели ему сажени въ двѣ и долѣ, и положили его головою къ огню, а тайной удъ къ потолоку привязали. Между тѣмъ, какъ Пóма дѣлали, нѣсколько человѣкъ взявъ по одной травинкѣ, выходили вонъ изъ юрты, и обтерши столбы у своихъ балагановъ возвратились въ юрту, и бросили оныя въ огонь, а сними вмѣстѣ и раздаванное прутье сожженно было.

Какъ Пóмъ нѣсколько времени повисѣлъ, то старикъ пришедъ отвязалъ его, и согнувъ тайной удъ кольцомъ обжегъ на огнѣ, и махалъ имъ по юртѣ приговаривая Уфáй, а за нимъ и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали, напослѣдокъ сожгли реченнаго Пóма

По сго-

По сгорѣніи Пóма стали месить юрту пригребая весь сорЪ кЪ лѣстницѣ, изЪ котораго каждой Камчадалъ бралъ помаленьку, и относилъ вЪ лѣсЪ усыпая дорóгу, по которой на промыслы ходятЪ. ВЪ тоже время и бабы всѣ на юрту вышли, и стали вЪ кучу.

Камчадалы возвратясь изЪ лѣсу кричали стоя на юртѣ четыре раза плеща руками и топая ногами, а пóслѣ вошли вЪ юрту, а на ихЪ мѣстà сѣли бабы, и многократно кричали Алулулу.

Между пѣмЪ юрта изтопилась, и оставшíяся гóловни по обыкновенію нáчали выметывать, но сидѣвшíя на верху бабы ухватя оныя обратно вЪ юрту мешали, и чтобЪ мущинамЪ ни одной головнѝ вонЪ не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямЪ ихЪ испосѣли сами. Мущины взбѣжавЪ по лѣсницѣ силою двери раскрыли, и вышедЪ на юрту бабЪ долой сгоняли, между пѣмЪ другíе гóловни мешать успѣвали. Но понеже бабы мущинЪ числомЪ превосходили, то иныя ихЪ таскали, иныя гóловни обратно вЪ юрту бросали, чего ради вЪ юртѣ опЪ дыму и искрЪ и сидѣть почти не возможно было: ибо головни какЪ ракеты по вверхЪ, то внизЪ безпрестанно лѣтали, и продолжалось сíе весели́е ихЪ сЪ полчаса. НапослѣдокЪ бабы попустили гóловни выбросать, а пѣхЪ муживовЪ, которые выбѣжали ихЪ отбивать, по пѣхЪ порЪ таскали, и мучили, пока они отЪ другихЪ вышедшихЪ на пóмочь не выручены были.

По́слѣ объявленной потѣхи бабы попѣвъ нѣсколько на верху, стали спускаться въ юрту, а мужики стояли по обѣ стороны лѣсницы фрунтомъ, и каждая сторона домогалась сходящихъ бабъ перетащить на свою сторону, отъ чего происходило между ими сраженіе; и которая сторона перемогала, та бабу какъ въ полонъ отводила.

Когда случается, что бабы взяты бываютъ на противныя сто́роны, то каждая сторона выкупаетъ своихъ плѣнниковъ равнымъ числомъ завоеванныхъ: а ежели одна сторона овладѣетъ большимъ числомъ, такъ что другой нѣчемъ выкупить будетъ, то оная ходитъ какъ бы войною для ихъ освобожденія, причемъ немалой бой происходитъ. Однако при мнѣ такъ здѣлалось, что плѣнницъ на обѣихъ сторонахъ было поровну, чего ради Камчадалы и въ походъ ходить не имѣли нужды.

По окончаніи объявленной потѣхи расклали они небольшей огонь, и сожгли съ Урильдачей и по другимъ мѣстамъ висѣвшей тоншичь, а служители принесли по два маленькихъ голичка и испекши мѣлко на лоткѣ изкрошили, и поставили у лѣсницы по правую сторону. По́слѣ того пришелъ старикъ, и перебросалъ въ огонь большу́ю половину рыбы приговаривая *та*, то есть возми, а остатки раздѣлили служители по Камчадаламъ имѣющимъ у себя малинькихъ болванчиковъ Урильдачь называемыхъ. Го́ловни по́слѣ сего огня вонъ не мечутся, но перегораютъ въ юртѣ.

Наконецъ

Наконецъ дѣлили они по себѣ омегъ, которой остался въ мѣшечкахъ послѣ очищенія двойнишныхъ дѣвокъ. Самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходитъ въ лѣсъ и поимать маленькую птицу, которая жарится, и дѣлится по куску всѣмъ Камчадаламъ, и которую каждой надкушавъ въ огонь бросаетъ.

Сей праздникъ, по объявленію Стеллера, праздновали Камчадалы до прибытія россіянъ по цѣлому мѣсяцу начиная съ новолунія, что также подаетъ притчину думать, что предки ихъ были разумнѣе, и сіе торжество уставлено было не безъ добраго основанія, особливо же что Камчадалы и нынѣ, какъ изъ вышеписаннаго явствуетъ, все въ огонь бросаютъ, и все обожженное имъ въ праздникъ почитаютъ за священное. Ибо какъ новомѣсячіе, такъ священной огонь у многихъ народовъ въ почтеніи были, особливо же у Еврейскаго, который наблюдая въ томъ божіе повелѣніе и отеческое преданіе одинъ токмо по потопѣ не утратилъ истиннаго богопочитанія, а у прочихъ подобно какъ у Камчадаловъ слѣды токмо нѣкоторые остались, впрочемъ все приведено въ злоупотребленіе. Что жъ касается до вышеписаннаго Пома, то подобное сему объявляетъ Лукіанъ въ разговорахъ своихъ о капищѣ богини Сирской, гдѣ такіежъ идолы были дѣланы и назывались Фаллы. Тамъ же упоминается что и евнухи носили женское платье какъ Камчатскіе, и хотя такихъ обстоятельствъ у другихъ народовъ по исторіямъ, сколько я знаю, не примѣчается, однако можетъ ли сіе употреблено быть къ нѣкоему доказательству происхожденія народовъ, оное оставляется на разсужденіе искуснѣйшихъ.

ГЛАВА 4

О Пирахъ и забавахъ Камчатскихъ.

Пиры у нихъ бываютъ, когда одинъ острогъ сосѣдей вздумаетъ подчивать, особливо когда гдѣ бываетъ свадьба, или великой какой промыселъ, а препровождаются наибольше въ обѣденіи, въ плескѣ и пѣніи. Въ такихъ случаяхъ хозяева гостей подчиваютъ большими чашами опáнги столь довольно, что ихъ рветъ по нѣскольку разъ.

Иногда употребляютъ для веселья и мухоморъ извѣстной оной грибъ, которымъ у насъ обыкновенно мухъ морятъ. Мочатъ его въ кипрейномъ суслѣ, и пьютъ оное сусло, или и сухіе грибы свернувъ трубкою цѣлкомъ глотаютъ, которой способъ въ бóльшемъ употребленіи.

Первой и обыкновенной знакъ, по чему усмотрѣть можно человѣка, что его мухоморъ разнимаетъ, дерганіе членовъ, которое по прошествіи часа или меньше послѣдуетъ, потóмъ пьяные какъ въ огневой брѣдятъ; и представляются имъ различныя привидѣнія страшныя или веселыя, по разности темпераментовъ: чего ради иные скачутъ, иные пляшутъ, иные плачутъ, и въ великомъ ужасѣ находятся, инымъ скважины большими дверьми, и лошка водЫ моремъ кажется. Но сіе о нихъ разумѣть должно, которые чрезъ мѣру его употребляютъ, а которые не много, тѣ чувствуютъ въ себѣ чрезвычайную легость, веселіе, отвагу и бодрость, такъ какъ сказываютъ о Туркахъ, когда они опія наѣдаются.

Сіе

Сіе примѣчанія достойно, что всѣ, кои мухоморъ ѣдали, единогласно утверждаютъ, что какія они сумозбродства тогда ни дѣлаютъ, все дѣлаютъ по приказу мухоморову, которой имъ повелѣваетъ невидимо. Но всѣ дѣйствія ихъ столь имъ вредны, что есть ли бы за ними не было присмотру, то бы рѣдкой оставался въ живѣ. Я о проказахъ Камчатскихъ, каковы они дѣлаютъ, не упомяну, ибо самъ ихъ не видывалъ, а Камчадалы сказываютъ о томъ не охотно: но можетъ быть, что у нихъ дальнихъ и не бываетъ, для того что они въ него вѣрились, или что не употребляютъ чрезъ мѣру. Что же касается до казаковъ, которые оной ѣдали, то сообщу я нѣкоторыя сумозбродства, которыя я отъ части самъ видѣлъ, а отъ части слышалъ отъ самыхъ тѣхъ, кои ихъ дѣлали, или отъ другихъ людей, коимъ не вѣрить не льзя.

Деньщику Подполковника Мерлина, которой былъ на Камчаткѣ у слѣдствія и розыску, приказалъ мухоморъ удавиться съ такимъ представленіемъ, что всѣ ему дивиться будутъ. И сіе дѣствительно бы учинилось, есть ли бы не зберегли его товарищи.

Другому изъ тамошнихъ жителей показался Адъ и ужасная огненная пропасть, въ которую надлежало быть низвержену: чего ради по приказу мухомора принужденъ онъ былъ пасть на колѣни, и исповѣдывать грѣхи свои, сколько могъ вспомнить. Товарищи его, которыхъ въ ясашной избѣ, гдѣ пьяной приносилъ покаяніе, было весьма много, слушали того съ великимъ удовольствіемъ; а ему казалось, что онъ

въ тайнѣ предъ богомъ кается о грѣхахъ своихъ. По сей причинѣ подверженъ онъ былъ нарочитому посмѣянію, ибо между тѣмъ сказывалъ то, о чемъ не всякому знать надлежало.

Нѣкоторой служивой ѣдалъ, сказываютъ, мухоморъ умѣренно, когда ему въ дальней путь итти надлежало, и такимъ образомъ переходилъ онъ знатное разстояніе безъ всякаго устатку, наконецъ наѣвшись его до-пьяна раздавилъ себѣ яица и умеръ.

Бывшей у меня въ толмачахъ большерѣцкой казачей сынъ опоенный мухоморомъ въ незнаніи, разрѣзалъ было себѣ брюхо по приказу мухоморову, отъ чего на силу его избавить успѣли, ибо уже въ самомъ замахѣ руку ему здержали.

Камчадалы и Сидячіе Коряки ѣдятъ мухоморъ и тогда, когда убить кого намѣряются. Въ прочемъ у Сидячихъ Корякъ мухоморъ въ такой чести, что пьяному не даютъ мочиться на полъ, но подставляютъ посуду, и мочу его выпиваютъ, отъ чего также бѣсятся, какъ и тѣ, кои грибъ ѣли: ибо они мухоморъ получаютъ у Камчадаловъ, а въ ихъ сторонахъ не родится. Умѣренное употребленіе четыре гриба или меньше, а для пьянства ѣдятъ до десяти грибовъ.

Женской полъ, какъ не обѣдается, такъ не употребляетъ и мухомору, чего ради все веселіе ихъ состоитъ въ разговорахъ, въ пляскѣ и пѣніи.

Пляска, которую мнѣ случилось видѣть, происходила такимъ образомъ: двѣ бабы, которымъ плясать надлежало, послали на полу посреди юрты рогожку,

гожку, и стали одна противъ другой на колѣняхъ, имѣя въ рукахъ по повѣсму тоншичу, и сперьва начали поводить плечами и взмахивать руками припѣвая въ такту тихимъ голосомъ, потомъ часъ отъ часу бо́льшія пѣлодвиженія представляли, и громче пѣли, и по пѣхъ поръ не переспали, пока и изъ голосу вышли, и изъ силы выбились. Мнѣ казалось оное дѣйствіе страннымъ, дикимъ и пропивнымъ, но Камчадалы смотрѣли съ крайнимъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ природныя забавы сильны произвесть во всякомъ нѣкоторое движеніе, хотя бы другимъ казались и странными.

Другіе роды пляски сообщимъ мы изъ описанія господина Стеллера, которой упоминаетъ объ нихъ пространно и обстоятельно, такъ какъ и о нѣкоторыхъ пѣсняхъ ихъ, которыя у него и на ноту положены.

Первой родъ пляски, пишетъ онъ, вообще употребителенъ у Курильцовъ на Лопаткѣ, также и у всѣхъ Камчадаловъ, кои морскихъ звѣрей на байдарахъ ловятъ. Оная пляска принята изъ давныхъ лѣтъ отъ Курильцовъ дальнихъ острововъ, и почитается за пляску мореходовъ. Казаки называютъ оную Хаю́шки, а плясать, *Хаюшки сказыпать*, которое происходитъ отъ Камчатскаго сло́ва Хаюшкукингъ. Южные Камчадалы называютъ оную И́рскина, а Курильцы ри́мзегъ. Сей родъ пляски состоитъ втомъ: десять человѣкъ мущинъ и женщинъ холостыхъ и женатыхъ станевятся вкругъ въ лучшемъ своемъ платьѣ, ходятъ кругомъ тихо, подымая одну ногу за другою

по

по тактѣ, одинъ за другимъ говоритъ слова такъ, что когда половина выговоритъ послѣднія слова, то другая говоритъ первыя, подобно какъ бы кто стихи по стопамъ читалъ. Употребляемыя притомъ слова всѣ принадлежатъ до ихъ промысла, и Камчадалы хотя ихъ и говорятъ при пляскѣ, однако бо́льшей части не разумѣютъ, ибо иныя слова въ нихъ Курильскія. Они ихъ не поютъ, но выговариваютъ однимъ голосомъ, какъ на примѣръ:

Типсанпку фравантагъ ткеани тифрорпа.
Отчаль байдару, спрѣляй блиско бе́регу.

Сколь дики помянутыя пляски, столь страненъ крикъ притомъ происходящей, однако они столько отъ того забавы имѣютъ, что ежели плясать начнутъ, то по пѣхъ поръ не перестанутъ, пока не запышатся и не обезсилѣютъ. Великая честь тому, кто всѣхъ перепляшетъ. Иногда они безпрестанно пляшутъ часовъ по 12 и по 15 съ вечера до самого утра, и ни одинъ въ юртѣ не останется, кто бы не пожелалъ тѣмъ забавляться: самые дряхлые старики не жалѣютъ терять притомъ послѣдней силы. Впротчемъ ежели сію пляску снесть съ описаніемъ Американскихъ плясокъ барона Лагондона въ Канадѣ, то сыщется между оными и сими великое сходство.

У женщинъ есть особливой танецъ: онѣ становятся двумя рядами женщина противъ женщины, и кладутъ объ ру́ки на брюхо, и подъимаясь на носкахъ поводятъ плечами не шевеля руками, и не сходя съ своего мѣста.

Третей родъ пляски состоитъ въ томъ, что всѣ мущины по разнымъ угламъ прячутся, и не взначай

выскоча

выскоча сперва одинъ, какъ бѣшеной, бьетъ въ ладоши, послѣ въ груди, по бедрамъ, подъимаетъ руки къ верьху, и дѣлаетъ диковинныя пѣлодвиженія; послѣ того выбѣгаетъ другой, третей и четвертой, и представляютъ такіяжъ дѣйствія, а припомъ всѣ кругомъ вертятся.

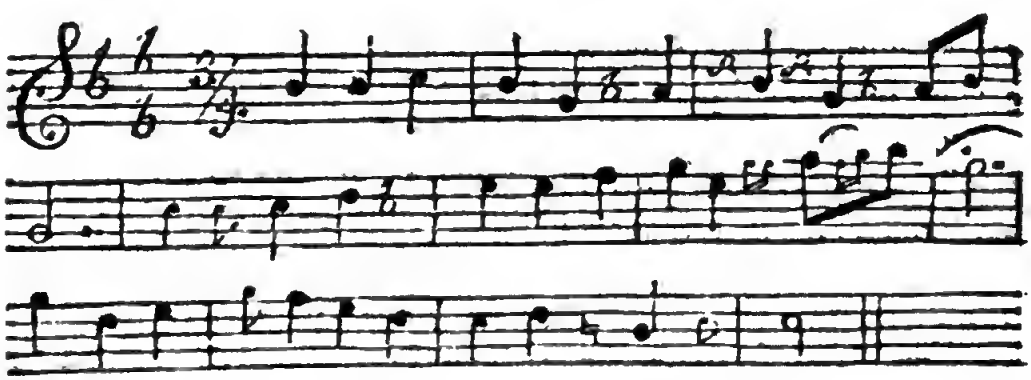
Четвертой родъ пляски, что они стоя на колѣняхъ, какъ лягушки, вкругъ прыгаютъ плеская руками, и представляя странныя фигуры. И сія пляска однимъ человѣкомъ начинается, а другіе изъ угловъ припрыгиваютъ къ нему послѣ.

Камчадалы имѣютъ еще старинные, и какъ бы собственные свои танцы, которые отъ Южныхъ называются Хаютеля, а отъ Сѣверныхъ Кузелькинга. Главнѣйшей танецъ, когда дѣвки и бабы садятся вкругъ, послѣ одна встаетъ, и запѣвши пѣсню махаетъ руками, а въ рукахъ на среднихъ пальцахъ имѣетъ тоншичь, движетъ всѣми членами столь проворно, что надивиться тому довольно не льзя, и кричитъ голосами различныхъ звѣрей и птицъ столь хитро, что въ одномъ голосѣ три разные слышатся. Есть же у нихъ и круговой танецъ, только и Стеллеру и мнѣ видѣть его не случалось.

Что касается до пѣнія, то можно сказать, что оное не непріятно: ибо въ немъ ничего дикаго не примѣчается, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ ниже сего нѣкоторыхъ пѣсенъ на нотѣ; но въ матеріи пѣсенъ нѣтъ никакихъ замысловъ, токмо одно простыя понятія о вещахъ, которыя имъ странными кажутся или смѣшными, или достойными удивленія.

лені́я. Во всякой почти пѣснѣ употребляютъ слова Ганика и баюнъ, такъ какъ казаки здунай, Якуты нага, которыя раздѣляя по членамъ иногда сокращаютъ, иногда продолжаютъ, какъ того голосъ пѣсни требуетъ.

Въ любовныхъ пѣсняхъ изъявляютъ онѣ склонность къ своимъ любовникамъ, печаль, надежду и другія обстоятельства; а всѣ пѣсни сочиняютъ наибольше дѣвки и бабы, которыя имѣютъ весьма чистые и пріятные голосы. Изъ чего видѣть можно, что сей народъ имѣетъ къ музыкѣ великую склонность, токмо то удивительно, что сей народъ никакого инструмента не выдумалъ кромѣ дудокъ дягильныхъ, на которыхъ однакожъ пѣсенъ не можетъ наигрывать.

Пѣсня на Подполковника Мерлина, Маеора Павлуцкаго и Студента Крашенинникова.

Маюра коказолъ таалагегъ кирхулъ хуэкаретъ тамбезенъ

Ежели бы я былъ маеорской поваръ, тобъ снялъ съ огня котель съ кушаньемъ.

Пра-

Прапаршикъ коказолъ теелезикъ кисгарулилель кукаретъ там-
я-бе-зе-нъ
Ежели бы я былъ прапорщиковъ поваръ, тобъ всегда снималъ
кошелъ въ перчаткахъ.

Павлоцка кеинцегъ теелезикъ гинкало галспугалъ кикингизикъ
Ежели бы я былъ Павлуцкой, то бы повязался бѣлымъ гал-
стукомъ.

Павлоцка иваннель теелезикъ чачало чулкилъ кининигизикъ.
Ежели бы я былъ Павлуцкаго Иванъ, то бы носилъ чулки
красные.

Студенталь теелезикъ битель читешь киллизинъ
Ежели бы я былъ Студентъ, тобъ описалъ всѣхъ дѣвокъ.

Студенталь кейнцехъ теелезикъ ерагутъ киллизинъ
Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ быка рыбу.

Студенталь теелезикъ битель адонотъ киллизинъ
Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ всѣхъ морскихъ чаекъ.

Студенталь теелезикъ битель силлеги йиретъ тамбезенъ.
Ежели бы я былъ Студентъ, тобы поснималъ всѣ орлиныя гнѣзда.

Студенталь теелезикъ битель питгапецъ кавѣчавъ киллизинъ
Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ горячіе ключи.

Студенталь теелезикъ битель ензитъ киллизинъ
Ежелибъ Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣ горы.

Студенталь теелезикъ битель дечумъ кулецъ киллизикъ
Ежели бы я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣхъ птицъ.

Студенталь теллезикъ кеинцегъ игскусигнъ енчубецъ кирлизинъ
Ежелибъ я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣ морскія рыбы.

Такимъ образомъ всѣ ихъ пѣсни составлены, въ которыхъ упоминаются токмо нѣкоторыя дѣйствія или другія какія обстоятельства безъ всякаго складу.

Другая пѣсня называемая Аангичь, сложена на голосъ морской утки, Аангичь называемой. И хотя подведенныя слова съ нотою несходны, однако Камчадалы дополняютъ, и исправляютъ оныя прибавленіемъ нѣкіихъ ничего незначащихъ слоговъ, которые при семъ подчеркнутыми литерами означены.

1. Гнакоеде олосконга ворока а хитецъ зинтесъ бине зотесъ Комчулъ белоонъ

2. Капанинача угаренъ: Бине зотесъ Комчулъ беллонъ.

Весь смыслъ пѣсни состоитъ въ томъ: Я поперялъ жену свою и душу, съ печали пойду въ лѣсъ, буду здирать кору съ дерева и ѣсть, послѣ того встану по утру, погоню утку Аангичь съ земли на море, и на всѣ стороны поглядывать имѣю, не найду ли гдѣ любезнаго моего сердца.

Непослѣдняяжъ ихъ забава представлять другихъ людей точно, какъ кто говоритъ, ходитъ, какъ что дѣлаютъ, словомъ по всѣмъ пріемамъ. Какъ скоро кто на Камчатку пріѣдетъ, то во первыхъ даютъ ему новое имя на своемъ языкѣ, потомъ высматриваютъ всѣ его дѣйствія, и при такихъ веселіяхъ представляютъ точно, а притомъ не забываютъ табакъ курить, сказывать сказки; и всѣ такія веселія больше ночью, нежели днемъ у нихъ бываютъ. Сверьхъ того есть у нихъ и шуты, которые забавляютъ другихъ своими проказами, но оныя столь скверны, что и упоминать гнусно и неприлойно.

ГЛАВА

ГЛАВА 15.

О сведеніи дружбы и о подчиваніи гостей партикулярно.

Когда одинъ съ другимъ подружиться желаетъ, то зоветъ будущаго своего друга въ гости, и попитъ для него юрту весьма жарко, и готовитъ всякаго кушанья, какое у нихъ за лучшее почитается, такъ много, что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленіи гостя въ юрту и гость и хозяинъ раздѣваются до нага. Хозяинъ скупавъ юрту подчиваетъ его пріуготовленнымъ кушаньемъ, наливаетъ щербу въ превеликую чашу, а между тѣмъ, какъ гость щербу пьетъ или хлѣбаетъ, хозяинъ поливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое каменье, чтобъ былъ несносной жаръ. Гость старается все, что у хозяина пристряпано, съѣсть, и жаръ его выперпѣть, а хозяинъ старается принудить, чтобъ гость взмолился, и просилъ бы свободы отъ пищи и жару. Въ противномъ случаѣ сколько гостю то за удовольствіе, столько хозяину за скупость и безчестіе причитается. Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и изъ юрты выходить воленъ. Но гость по пѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя признаетъ. Во время ѣды рветъ его разъ до десяти, отъ чего послѣ того подчиванья дни по три не токмо ѣсть, но и глядѣть на пищу безъ движенія не можетъ.

Какъ гость изъ силы выдетъ, такъ что ни жару терпѣть, ни ѣсть ему не можно будетъ, то откупается

пается отъ того сабаками, платьемъ или что хозяину нразно; и такимъ образомъ получаетъ свободу. Напротивъ того получаетъ отъ хозяина вмѣсто хорошаго своего платья обноски, вмѣсто добрыхъ сабакъ худенькія сученки, которыя о себѣ почти ходить не могутъ. Однакожъ оное за обиду не почитается, но за знакъ дружества, когда въ томъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ поступается. Ежели же тотъ, которой друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не будетъ въ гостіи, то обранной пріѣжжаетъ вторично въ гостіи, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ ѣсть, но чтобъ за свое получить отдарки. Хотя гость, какъ у нихъ обычай, ничего о причинѣ пріѣзда своего не объявляетъ, однакожъ хозяинъ о томъ уже вѣдаетъ, и отдариваетъ ему по возможности. А буде ничемъ не подаритъ, то гость переночевавъ у него запрягаетъ сабакъ своихъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ потыкая ошпаломъ въ землю, пока что нибудь получитъ отъ своего друга. Ежели же другу его или отдарить случится не чемъ, или отъ скупости не захочется, то гость уѣжжаетъ домой съ великимъ неудовольствіемъ, и бываетъ его крайнимъ непріятелемъ; но сіе весьма рѣдко случается: ибо обидѣть друга своего за такое почитается безчестіе, что никто съ обидѣвшимъ вѣкъ не похочетъ дружиться. Таковожъ безчестно и другому за подарки свои требовать отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ гостей, когда случается у нихъ какая пирушка, однакожъ жаромъ

не

не морятъ, и подарковъ не требуютъ. Ежели подчиваютъ нерпичьимъ или китовымъ жиромъ, то хозяинъ накроя жиру ремнями спановится передъ сидячимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суетъ въ горло крича будто съ серцовъ Та (на), а ножемъ отрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ничемъ кромѣ объявленнаго способа достать не можно: ибо при томъ случаѣ, чтобъ хозяинъ у гостя ни потребовалъ, отказать ему стыдно; чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, которой учинилъ нижняго Камчатскаго остро́га нѣкоторой казакъ изъ новокрещеныхъ Якутовъ. Онъ имѣлъ у себя по тамошнему обычаю друга изъ Камчадаловъ, и провѣдавъ, что онъ промыслилъ нарочитую лисицу, домогался всякими о́бразы достать оную; однакожъ Камчадалъ крѣпился, и не взирая ни на какіе его подарки, не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Казакъ видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по Камчатскому обыкновенію: зазвалъ его въ го́сти, вытопилъ баню весьма жарко, наварилъ рыбы довольно, и посадя его на верьхней полокъ на́чалъ подчивать не подавая на каменку. Но какъ примѣтилъ, что Камчадалъ недовольной жаръ почитаетъ за бѣдное подчиваніе, то на́чалъ онъ поддавать, и столько наподдалъ, что и самому въ банѣ быть не стерпимо было. Чего ради вышелъ онъ, какъ хозяинъ, которому сіе дозволяется, изъ бани вонъ, и сто́лъ въ передбанникѣ

никѣ; а между тѣмъ отворяя двери безпересганно поддавалъ на каменку: и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Камчадала взмолиться, но казакъ мучилъ его по тѣхъ поръ, пока Камчадалъ обѣщалъ ему отдать, о чемъ онъ старался.

Не можно сказать, сколь оное попчиваніе Камчадалу пріятно было: онъ клятвою утверждалъ, что съ роду не видалъ такого жару, и никогда не могъ надѣяться, чтобъ казаки гостей такъ изрядно могли подчивать, и лишенія своего сокровища не токмо не почелъ себѣ за убытокъ, но казака онаго дружество, яко доброе, прославлялъ у своихъ товарищей, объявляя имъ, что Камчадалы въ разсужденіи рускихъ ни мало не умѣютъ гостей подчивать. Сіе я не токмо отъ самаго того казака, но и отъ прочихъ того острога служивыхъ слышалъ, которые тѣмъ надъ нимъ смѣялись; а произходило оное не задолго до моего въ Нижношантальской острогъ пріѣзду.

ГЛАВА 16.

О сватаньѣ и свадьбахъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ женишься, то высмотря себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ а не въ своемъ острожкѣ, преселяется жить туда, и объявя невѣстину отцу или матери о своемъ намѣреніи, нѣсколько времени работаетъ оказывая удальство свое и проворство, и услуживая всѣмъ паче холопа, наиболѣе же будущему своему тестю, тещѣ и невѣстѣ

стѣ, а попóмъ требуетъ позволенія хватать невѣсту. И ежели поступки его родителямъ невѣсты и сродникамъ также и самой ей понравятся, то получаетъ онъ соизволеніе, въ противномъ же случаѣ или вовсе пропадаютъ его услуги, или съ нѣкоторымъ награжденіемъ отпускается. Иногда случается, что такіе женихи никому ничего не сказавъ приходятъ жить въ чужой острогъ и работаютъ; и хотя всякой по услугамъ ихъ можетъ признать, съ какимъ намѣреніемъ они то дѣлаютъ, однако никто ихъ о томъ не спрашиваетъ, и не говоритъ ни слóва, пока они или сами, или чрезъ другихъ объявятъ родителямъ невѣсты о своемъ изволеніи.

Когда женихъ получаетъ позволеніе хватать невѣсту, то онъ ищетъ такого случая, чтобъ гдѣ ни будь напасть на нея въ малолюдствѣ: ибо она бываетъ тогда подъ охраненіемъ всего женскаго пóлу того острожка, которыя рѣдко отъ ней всѣ отлучаются. Сверьхъ того во время хватанья бываетъ она одѣта въ двои или въ трои хоньбы, опутана сѣтьми рыболовными и ремнями увязана такъ, что она не можетъ поворотиться какъ статуа. И естьли женихъ улучитъ въ малолюдствѣ свою невѣсту, то бросается съ великимъ стремленіемъ, деретъ на ней хоньбы и сѣти, чтобъ коснуться тайнаго уда: ибо сіе у нихъ вмѣсто вѣнчанія почитается. Между тѣмъ какъ отъ самой невѣсты, такъ и отъ другихъ бабъ и дѣвокъ происходитъ ужасной крикъ; и хотя сама невѣста притомъ не противится, да и противиться не можетъ, однако охранительницы поступаютъ съ женихомъ немило-

лосердо, бьютъ его, цаскаютъ за волосы, терзаютъ лице, и всякія средства употребляютъ, чтобъ ему не дать схватать невѣсты. И буде жениху поцастится предпріятіе свое произвесть въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умильнымъ и жалостнымъ голосомъ *ни ни*. Въ семъ состоитъ вся важность брачнаго ихъ сочетанія. Однако сіе получить жениху не въ одинъ разъ случается, но между пѣмъ проходитъ иногда цѣлой годъ или болыше, а послѣ каждаго хватанья принужденъ онъ бываетъ нѣсколько времени справляться съ силою и раны залѣчивать. А есть примѣры, что нѣкоторые по седьмилѣтномъ хватаньѣ вмѣсто невѣсты получили увѣчье; будучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто схватаетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ея въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній; а для празднованія брака возвращается къ невѣстинымъ сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времени, причемъ бываютъ слѣдующіе обряды, которыя въ 1739 году въ Камчатскомъ острожкѣ, что на рѣчкѣ Ратугѣ, и мнѣ случилось видѣть.

Молодой съ сродниками своими и съ женою ѣхалъ къ тесто въ трехъ батахъ. Въ батахъ сидѣли женщины, въ томъ числѣ и молодая, и при нихъ довольное число съѣстныхъ припасовъ, юколы, нерпичья и китоваго жиру, сараны и протчаго; а мущины, не выключая и молодаго, вели оные баты на шестахъ нагіе.

Не

Не доѣхавъ до острожка саженъ за сто, вышли они на бе́регъ, и начали пѣть пѣсни, шаманить, тоншичь на прутье вѣшать, и нѣчто на сухую рыбью голову наговаривать, которую потомъ обертя въ тоншичь отдали бывшей при нихъ старухѣ.

По окончаніи шаманства надѣли на молодую сверьхъ ея платья бараньи хоньбы, а на нихъ натянули четыре куклянки, такъ что она стоя́ла какъ чучела разширя ру́ки и съ нуждою могла двигаться. По́слѣ того сѣли паки въ баты свои, и шли до самаго острожка, гдѣ къ бе́регу приста́ли. Отъ пристани до самой юрты велъ молодую подъ руку высланной изъ острожка небольшей парень, а за нею слѣдовали прочія свиты ея женщины.

Взведши на юрту перевязали молодую поперегъ ремнемъ, и на оном спустили въ юрту; а прежде ея вошла въ юрту помянутая старуха, которой рыбья голова отдана была, коя положена передъ лѣсницу, и отъ всего ихъ поѣзду мужеска и женска по́лу, въ томъ числѣ и отъ молодаго съ молодою, была топпана, а наконецъ сама старуха потопптавъ ея положила на очагъ между дровами, которыя для топленія юрты были приготовлены.

Прѣжжіе го́сти сѣдши по мѣстамъ сняли съ молодой излишнія куклянки, а молодой затопилъ юрту, и настряпавъ кушанья изъ привезеннаго запа́су подчивалъ жителей того острожка. На другой день хозяинъ гостей подчивалъ по обыкновенію со излишествомъ, на третей день го́сти разъѣхались, а молодой съ молодою остался работать нѣсколько времени тестю.

Вышеписанныя снятыя съ молодой излитнія куклянки раздариваются сродникамъ, которые за нихъ отдаривать должны, а у кого отдарить нѣчемъ, тотъ долженъ отъ даровъ отговориться.

Все вышеозначенное касается токмо до перьвобрачныхъ, а когда на вдовахъ женятся, то сватанье и свадьба состоитъ въ однихъ договорахъ безъ всякихъ дальнихъ обрядовъ; однако вдовы за себя никто не возметъ, пока съ ней грѣха не будетъ снято, что состоитъ въ одномъ совокупленіи съ нею человѣка сторонняго. А понеже сіе почиталось у нихъ за такое безчестіе, что никто грѣховъ не снимывалъ кромѣ такихъ людей, кои не смотрятъ на то, что имъ вѣкъ жить въ поруганіи и презрѣніи, какихъ однакожъ между ими не много, то бѣдныя вдовы принуждены бывали въ прежніе годы искать грѣхоснимателей съ великимъ трудомъ и убышкомъ, а иногда и вдовѣть вѣкъ свой. Но какъ казаки на Камчатку наѣхали, то оная трудность миновала.

Запрещенные роды супружества токмо мать да дочь, а пасынкамъ мачихъ, вотчимамъ падчерицъ, братьямъ двоюродныхъ сестръ въ жёны брать позволяется.

Разводятся съ женами безъ всякихъ обрядовъ: ибо весь разводъ состоитъ въ томъ, что мужъ съ женою не будетъ спать вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ мужъ женится на другой женѣ, а жена за другова выходитъ безъ хватанья и безъ грѣхосниманья.

Камчадалы имѣютъ жены по двѣ и по три, которыхъ иногда содержатъ въ одной юртѣ, а иногда

по

по разнымъ мѣстамъ, и живутъ съ ними по перемѣнно. Всякую должно ему хватать вышеписаннымъ образомъ. Въ прочемъ сей народъ хотя и женолюбивъ, однако не столько ревнивъ, какъ Коряки. При бракахъ знаковъ дѣвства не наблюдаютъ, а нѣкоторые сказываютъ, что зятевья въ порокъ тещамъ своимъ ставятъ, когда женъ получаютъ дѣвицами, однако я не могу утверждать сего заподлинно. Неревнивы же и бабы ихъ, что можно видѣть изъ того, что нетокмо двѣ или три жены одного мужа живутъ между собою согласно, но сносятъ и коекчучей, которыхъ нѣкоторые изъ нихъ держатъ вмѣсто наложницъ.

Женщины ходятъ закрывъ лице кулемъ куклянки, и ежели случится на дорогѣ встрѣтиться съ мущиною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разойтись не можно, то не хотя показать лица отворачиваются въ сторону, и стоятъ, пока мущину пропустятъ. Въ юртахъ сидятъ за рогожными, или изъ кропивы плетеными занавѣсками, а у которыхъ занавѣски передъ собою нѣтъ, а случится притти стороннему въ юрту, то отворачиваются онѣ въ уголъ лицемъ, и дѣлаютъ свою работу. Но сіе токмо о тѣхъ разумѣется, которыя старой своей грубости не оставили: ибо другія не столь зазорны; впрочемъ всѣ вообще говорятъ грубо и противно, и какъ бы съ великаго сердца.

ГЛАВА 17.

О рожденіи и воспитаніи дѣтей.

О Камчатскомъ народѣ можно вообще сказать, что они невесьма плодородны; по крайней мѣрѣ не

случалось слышать, чтобъ у какого Камчадала было десятеро дѣтей съ одною женою.

Женщины ихъ, какъ сказываютъ, легко родятъ, выключая нещастливые случаи, когда младенецъ не на прямомъ пути бываетъ. При Стеллерѣ родила одна Камчадалка, которая вышла изъ юрты вонъ не съ тѣмъ, чтобъ родить, но съ четверть часа спустя возвратилась въ юрту съ младенцомъ безъ всякой въ лицѣ перемѣны. Онъ же пишетъ, что видѣлъ другую женщину, которая по тридневномъ мученіи къ великому его удивленію родила младенца, у котораго прежде всего задъ оказался. Шеманки приписывали отцу причину нещастія, что онъ въ то время, когда младенцу надлежало родиться, сани дѣлалъ, и дуги гнулъ на колѣняхъ; изъ чего можно разсуждать о другихъ Камчатскихъ смѣшныхъ замыслахъ.

Раждаютъ онѣ стоя на колѣняхъ при всѣхъ людяхъ, сколькобъ въ острожкѣ ни случилось, не выключая ни какого полу ни возраста. Новорожденнаго обтираютъ тоншичемъ, пупокъ перевязываютъ кропивною ниткою и отрѣзываютъ ножемъ каменнымъ а мѣсто бросаютъ собакамъ. Къ отрѣзанному пупку прикладываютъ кипрей жеваной, а младенца обвиваютъ вмѣсто пеленокъ тоншичемъ. По́слѣ того всѣ жители любуются младенцомъ, берутъ его на руки, цѣлуютъ и обнимаютъ сорадуясь родителямъ, однако кромѣ того никакихъ не бываетъ обрядовъ.

При родахъ есть у нихъ и бабки повивальныя, однако ненарочныя: у которой женщины есть мать, та у ней обыкновенно и бабка повивальная.

Кото-

Которыя женщины дѣтей желаютъ, тѣ ѣдятъ пауковъ, какъ уже выше показано: нѣкоторыя родильницы ѣдятъ и пупокъ съ кипреемъ, чтобъ послѣ очреватѣть скоряе. Напротивъ того много и такихъ, кои младенцовъ выгоняютъ отравами и другія страшныя средства употребляютъ, давятъ младенцовъ въ утробѣ, ломаютъ имъ рукі и ноги чрезъ старухъ искусныхъ въ такомъ злодѣяніи, и послѣ выкидываютъ мертвыхъ часто съ своею погибелью.

Такія Медеи хотя иногда и въ утробѣ не вредятъ младенцовъ, однако рожденныхъ давятъ, или живыхъ собакамъ бросаютъ. Для неплодородія же пьютъ декоктъ травы называемой Купахжу, и разныя волшебства употребляютъ; иногда причиною безчеловѣчія бывали и ихъ суевѣрія: ибо когда онѣ раждали двойни, то по крайней мѣрѣ одному умереть надлежало; тожъ дѣлалось и съ рожденными въ худыя погоды, которые оба случаи почитались несчастливыми. Однако послѣдней иногда и нѣкоторыми шаманствами исправляется.

Послѣ родовъ оправляются онѣ опаною, то есть рыбьею ухою вареною съ лисньемъ произрастающаго называемаго Гале, а по нѣсколькихъ дняхъ паки за юколу и за обыкновенную свою работу принимаются.

Младенцамъ имена даютъ отцы умершихъ своихъ сродниковъ безъ всякихъ же обрядовъ, которыхъ дѣти не перемѣняютъ и на возрастѣ.

ИМЕНА

ИМЕНА МУЖЕСКІЯ.

Ке́шлея, не умирай.
Камакъ, озерная букашка на подобіе жука.
Ле́мшинга, земляной.
Ши́куйка, паукъ.
Ча́качь, толмачь не умѣлъ перевесть.
Кана, врагъ.
Брючь, живосгорѣвшей, отъ того названъ, что нѣкоторой сродникъ его сгорѣлъ въ юртѣ.
И́маркинъ, трава, которая весьма скоро загараешся, можетъ быть Плау́нъ.
Бырга́чь, родъ нѣкоторой болѣзни.
Та́лачь, котъ морской.

ИМЕНА ЖЕНСКІЯ.

Ка́наламъ, враговка.
Ке́нилля, мышеловка.
Кыгмачь, неразраждаемая, отъ того, можетъ быть, такъ названа, что какая ни будь свойственница ея родами замучилась.
Кайручь, колотье.

Но больша́я часть женщинъ мужескими именами называются: какъ напримѣръ: Брючь, Быргачь, Чекава и прочая.

Колыбели у нихъ есть, токмо рѣдко, однако не для качанья: ибо они дѣтей не качаютъ, но вмѣсто кровати дѣтской дѣлаются коробками изъ досокъ, у которыхъ бываетъ на переди желобокъ, которымъ моча зъ̀бгаетъ. Когда дѣти заплачутъ, то матери сажаютъ ихъ въ куклянки за пле́ча, которыя въ такомъ случаѣ подвязываютъ, и качаютъ, пока заснетъ ма-

младенецъ. Такимъ же образомъ ходятъ съ ними въ дорогу и на работу. Впрочемъ онѣ дѣтей своихъ не пеленаютъ, но въ ночное время спятъ съ ними вмѣстѣ. И хотя онѣ сонливы и неосторожны, однако нѣтъ примѣровъ, чтобъ дѣтей засыпали.

Грудью младенцовъ кормятъ по три и по четыре года. На другомъ году учатъ ихъ ползать; пѣшатъ юколою и икрою, березовою и таловою коркою, а наипаче сладкою травою, и часто случается, что дѣти приползши къ сабачьимъ корытамъ остатками опаны забавляются. Когда они начнутъ лѣпиться по лѣсницѣ, тогда вящшее утѣшеніе родителей, которые смотря на нихъ смѣются, и разговариваютъ съ веселіемъ.

Дѣти платье носятъ подобно самоѣдскому, которое съ ногъ надѣвается, и состоитъ изъ торбасовъ, чулковъ, шапокъ и шубы вмѣстѣ сшитыхъ, на зади съ прорѣхою и съ клапаномъ.

Что касается до воспитанія дѣтей, то пишетъ Спеллеръ, что родительская любовь къ дѣтямъ столь велика, сколь велико ихъ презрѣніе къ родителямъ, а особливо къ престарѣлымъ и дряхлымъ. Они бранятъ родителей всякими скверными словами, ни въ чемъ ихъ не слушаютъ, и нимало на нихъ не смотрятъ; чего ради родители не смѣютъ ни бранить ихъ ни наказывать, ниже въ чемъ препятствовать. Когда родители не видавшись долго съ дѣтьми своими увидятъ ихъ, то обнимаютъ ихъ съ изъявленіемъ сердечной своей радости; напротивъ того дѣти со всѣмъ противно тому поступаютъ. Дѣти ни

когда ничего не просятъ у своихъ родителей, но берутъ сами, что имъ угодно. Ежели хотятъ жениться, то не токмо не совѣтуютъ о томъ съ родителями, но и не даютъ знать имъ. Надъ дочерями власть ихъ состоитъ токмо въ томъ, что могутъ жениху сказать: *хпатай, буде можешь, и на себя надѣешься.* Право перьворождства нѣсколько и у нихъ примѣчается: ибо болшéй сынъ всѣмъ пóслѣ отца своего владѣетъ, а другимъ ничего не доспается; для того что все наслѣдство состоитъ въ одной перемѣнѣ платья, въ топорѣ, въ ножѣ, въ корытѣ, въ санкахъ и сабакахъ, изъ того числа платье всегда бросали съ мертвымъ, чтобъ надѣвъ самимъ не умереть, которое суевѣріе и понынѣ еще не вывелось.

ГЛАВА 18.

О болѣзняхъ и лѣкарствахъ.

Главныя на Камчаткѣ болѣзни цынга, чирьи, разслабленіе, ракъ, желуница и нечисть, которыя по мнѣнію ихъ отъ враговъ напускаются живущихъ по березникамъ и ракитникамъ въ то время, когда кто кусты шѣ въ незнаніи рубитъ. Лѣчатъ ихъ больше наговорами, однако не презираютъ травъ и коренья.

Отъ цынги пользуются листьемъ нѣкоторой травы Мышкажунъ, которое къ деснамъ прикладываютъ, и пьютъ декоктъ брусничной травы и водяницы. Казаки пьютъ вмѣсто чаю тамошней сланецъ или кедровникъ съ великою пользою, и ѣдятъ дикой чеснокъ

Чере-

Черемшею называемой: и оба сіи лѣкарства отъ цынги за дѣйствительныя признала вся Камчатская експедиція.

Чирьи по ихъ называются бонъ опаснѣйшая болѣзнь на Камчаткѣ: ибо отъ нихъ по большей части люди умираютъ. Въ діаметрѣ бываютъ оные двухъ или трехъ дюймовъ, и когда отворятся, то по 40 и по 50 скважинъ примѣчается. За смертельной знакъ почитаютъ, когда матерія изъ нихъ не пойдетъ; впротчемъ которые отъ нихъ и не умираютъ, лежатъ въ постелѣ по шести и по десяти недѣль. Камчадалы разгнаиваютъ ихъ сырою зайчиною, а когда отворятся, то стрежни стараются выдавить.

Разслабленіе, ракъ и французская болѣзнь почитаются за неисцѣлимыя, и о сей послѣдней сказываютъ Камчадалы, что она появилась у нихъ по прибытіи россійскихъ людей. Разслабленіе называютъ они Нáлачь, ракъ Кáйкчь, а французскую болѣзнь Áрожичь.

Есть еще у нихъ болѣзнь Сýжучь (ящерица), которая подобна коростѣ, и бываетъ подъ грудью на подобіе пояса. Когда оная короста не загноившись пропадаетъ, то смерть послѣдуетъ; а по обнявленію ихъ не обходитъ она никого, какъ у насъ оспа.

Щелечь или орелъ болѣзнь, которая подъ видомъ коросты все тѣло заражаетъ, напускается отъ врага того имени, которая иногда бываетъ причиною смерти. А короста, которая у нихъ по большей части на младенцахъ бываетъ, по ихъ Тéуедъ называется.

У господина Стеллера о болѣзняхъ и лѣкарствахъ пространнѣе писано, чего ради сообщимъ мы здѣсь изъ его описанія все потребное.

Морскую губку, пишетъ онъ, прикладываютъ Камчадалы къ чирьямъ, чтобъ вытягивало матерію, съ добрымъ успѣхомъ: ибо содержащаяся въ ней алкалическая соль не допускаетъ роспи дикому мясу. Но токмо лѣченіе происходитъ трудно, за тѣмъ, что не разбиваетъ она матеріи.

Казаки прикладываютъ къ чирьямъ сладкую траву, которая послѣ сидѣнія вина въ котлахъ остается, и ею съ добрымъ успѣхомъ разбиваютъ матерію и выгоняютъ.

Малину морскую употребляютъ женщины для скорѣйшаго разрѣшенія отъ бремени.

Нѣгну, что по Руски рѣпою морскою называется, трутъ они какъ самую раковину, такъ и ея иглы, и тѣмъ порошкомъ пользуются отъ теченія сѣмени, однако онымъ лѣкарствомъ одна токмо моча выгоняется.

Жиръ морскова волка употребляютъ они отъ жестокаго запору съ великою пользою.

Курильской чай, что Пентафиллоидесъ фруткозумъ, пьютъ отъ рѣзу и отъ болѣзни въ животѣ съ простуды, не безъ успѣхужъ.

Корку тамошняго кедровника привязываютъ они ко всякимъ порѣзамъ, и сказываютъ, что ею можно выгнаивать изъ ранъ и стрѣлы.

Отъ запору варятъ кислую юколу, и пьютъ вонючую уху оную. Отъ поносу ѣдятъ бѣлую глину, копо-

которая земляною сметаною называется, и по многимъ мѣстамъ въ Камчаткѣ находится; отъ того же употребляютъ шеламайное и завязное коренье.

У кого моча не держится, тѣмъ велятъ мочиться въ кольцо изъ тонишча плетеное, у котораго въ срединѣ рыбья икра, кладется; но можетъ быть, что притомъ бываютъ и наговоры.

У кого отъ болѣзни въ горлѣ сохнетъ, то съ добрымъ успѣхомъ пьютъ кипрейное сусло. Сіежъ лѣкарство употребляютъ родильницы и для способнѣйшаго разрѣшенія.

Толченое листье Шеламайнику, (Vlmaria) прикладываютъ они къ ранамъ, когда волкъ укуситъ или собака, пьютъ же то листье и вареное, и похваляютъ какъ отъ живота, такъ особливо отъ цынготной болѣзни, а листье вмѣстѣ съ стеблями толченое употребляютъ отъ пожогу.

Отъ головной болѣзни лѣчатся мерзлою брусницею; отъ зубной декоктомъ шеламайнику, которой сваря съ рыбою во рту держатъ, а корень ея кладутъ на зубы.

Сѣгельчь каменной попоротникъ жуютъ они отъ одышки: пьютъ же нынѣ и вареной отъ харканья кровью, когда внутренняя повреждаются, или упадаютъ съ высокаго мѣста. беременныя пьютъ для здравія младенца и для плодородія. Нѣкоторые думаютъ, что отъ него и голосъ бываетъ свѣтляе и чище.

Камчатской звѣробой Gentianae ſpec.) пьютъ они отъ цынготной и отъ всякой нутренной скорьби. А пьяную траву (Chamaerhododendros) по ихъ Кетенане или Мискуша, отъ французской болѣзни, шокмо безъ пользы.

Морскую капусту (Quercus marina) пьютъ отъ поносу; Кутахжу мущины отъ цынги и отъ лому въ членахъ, а женщины для неплодія. Траву мочную въ рыбьемъ жиру прикладываютъ къ больнымъ членамъ теплую, и тѣмже сгоняютъ синія пятна отъ побой и уразовъ.

Траву Чáхбонъ (Drymopogon) пьютъ отъ опухоли и отъ цынги въ ногахъ. Отъ безсонницы ѣдятъ плоды травы Ефемера. Глаза лѣчатъ припаривая травою Зúзомъ, которую кладутъ женщины и въ тайные уды для тепла и благовонія.

Лопатскіе жители ставятъ и клистиры, что переняли безъ сумнѣнія отъ Куриловъ. Декоктъ изъ разныхъ травъ иногда съ жиромъ, а иногда и безъ жиру наливаютъ въ тюленей пузырь, и обтягиваютъ отверстіе его около какой ни будь дудки, которой ставятъ по обыкновенію, между тѣмъ больной лежитъ на брюхѣ внизъ головою. И сіе лѣкарство почитаютъ они столь высоко, что употребляютъ во всякихъ болѣзняхъ.

Отъ желтухи имѣютъ они надежное лѣкарство; берутъ коренье лѣсной фьялки, чистятъ и свѣжіе толкутъ съ теплою водою; сокъ которой бываетъ какъ молоко, въ нерпичей пузырь наливаютъ, и въ клистирахъ употребляютъ по два дни сряду, а на каждой день по три раза; послѣ него слабитъ, и фьялковой сокъ по всѣмъ членамъ разходится. Сіе лѣченіе не безъ основанія, когда извѣстно дѣйствіе фьялки.

Крови

Крови ни жильной ни рожечной не пускаютъ, и со всѣмъ о томъ не вѣдаютъ, а пускаютъ оную особливымъ образомъ: около больныхъ мѣстъ оттягиваютъ кожу щипцами деревянными, и прокалываютъ оную насквозь хрустальными нарочно для того дѣлающимися ланцетами, и выпускаютъ крови сколько надобно.

Есть ли у нихъ болитъ спина, то трутъ оную корнемъ Цикуты передъ огнемъ, наблюдая притомъ, чтобъ не коснуться поясницѣ, отъ чего послѣдуетъ судорога: и симъ лѣкарствомъ такъ они хвалятся, будто тотже часъ бываетъ имъ польза, однако то не вѣроятно.

Отъ лому ставятъ ядна изъ березоваго трута на больныхъ мѣстахъ. Когда оной трудъ догораетъ до тѣла, то отскакиваетъ съ великимъ стремленіемъ, а тѣло отъ того разгнивается, и бываетъ великая язва, къ которой иные присыпаютъ трудовой пепелъ, а иные ни чемъ не лѣчатъ. И сіе лѣкарство извѣстно по всей Сибири.

Корень Люпика травы и омегъ употребляютъ они къ порчѣ своихъ непріятелей и къ умерщвленію. Люпикомъ намазываютъ и стрѣлы какъ совершеннымъ ядомъ.

ГЛАВА 19.

О погребеніи умершихъ.

Погребеніе умершимъ, буде можно назвать погребеніемъ бросать сабакамъ на съеденіе, отъ всѣхъ тамошнихъ народовъ отмѣнно: ибо другіе народы или жгутъ тѣла умершихъ, или кладутъ въ землю съ нарочитыми обрядами; напротивъ того Камчадалы тру-

цы

ны мертвыхъ своихъ, привязавъ ремень за шѣю выпаскиваютъ изъ юрты, и почти на самой юртѣ бросаютъ ихъ сабакамъ на сѣѣденіе, объявляя тому двѣ причины: 1) что котораго сѣѣдятъ сабаки, тотъ на другомъ свѣтѣ ѣздить будетъ на добрыхъ сабакахъ; а на юртѣ и близъ юрты бросаютъ они покойныхъ своихъ для того, чтобъ враги, которые по ихъ мнѣнію людей умерщвляютъ, видя мертвыхъ довольствовались ихъ гибелью, а другихъ бы не вредили. Но другая причина кажется мнѣ невѣроятна: ибо они тѣ жилища, въ которыхъ умирать кому случалось, всегда оставляли, и переселялись въ новыя юрты, которыя строили въ знатномъ отъ прежнихъ разстояніи, а пруповъ, которыми бы по ихъ объявленію могли отъ враговъ обороняться, не таскаютъ съ собою; развѣ можетъ быть сіе почитаютъ они за оборону отъ нихъ на то одно время, пока они новую юрту дѣлаютъ.

Съ умершими выбрасываютъ вонъ все платье ихъ и обувь, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ было имъ что носить на другомъ свѣтѣ, какъ другіе нѣкоторые язычники думаютъ, но отъ одной опасности: ибо по ихъ мнѣнію и тому необходимо умереть должно прежде времени, кто надѣнетъ ихъ платье. Особливо живущіе на Курильской лопаткѣ въ томъ суевѣрны: не возмутъ въ руки никакой вещи, скольбы она ихъ ни льстила, ежели услышатъ, что осталась послѣ мертваго. Чего ради казаки, которые важивали къ нимъ похожіе товары, какъ напримѣръ нѣмецкое и руское суконное платье, фанзовыя и камчатные

ныя рубахи и прочая, неинако купцовъ отъ другихъ отбивали, какъ сказывая, что платье и другіе ихъ товары послѣ мертвыхъ остались.

Очищеніе послѣ похоронъ бываетъ слѣдующимъ образомъ: наломавши какого нибудь прутья приносятъ они въ юрту, и надѣлавъ колецъ по дважды сквозь ихъ пролазятъ, а потомъ относятъ въ лѣсъ, и бросаютъ на западъ. Которой мертваго вонъ тащилъ, тому должно изловить какія нибудь двѣ птички, и одну изъ нихъ всю сжечь, а другую сѣсть со всѣми жилелями вмѣстѣ. И сіе очищеніе бываетъ у нихъ тогоже дня, котораго и погребеніе, а до того ни сами они не выходятъ изъ юрты, и никого къ себѣ не допускаютъ.

Вмѣсто поминокъ бросаютъ они въ огонь шаглы перьво-промышленой рыбы, что за даръ умершему почитается, а пѣло сами сѣдаютъ.

Младенцовъ хоронятъ въ дуплеватыхъ деревьяхъ по большей части безъ всякихъ же особливыхъ обрядовъ. По умершихъ сожалѣютъ, и плачутъ, токмо безъ вопля.

ГЛАВА 20.

О различныхъ нарѣчіяхъ Камчатскаго народа.

Въ заключеніе извѣстій о Камчатскомъ народѣ сообщимъ мы нѣкоторое собраніе словъ трехъ главныхъ Камчатскихъ нарѣчій, о которыхъ выше сего упомянуто, чтобъ сходство и несходство ихъ было видимо.

Въ столбѣ А содержится нарѣчіе сѣверныхъ Камчадаловъ, б южныхъ, а въ столбѣ В живущихъ отъ Воровской рѣки на сѣверъ почти до Тигиля. При чемъ надлежитъ вѣдать, что г съ палочкою на верьху какъ Латинское g произносить надобно.

Собраніе словъ разныхъ Камчатскихъ нарѣчій.

	А	б	В
богъ	Кутъ	Кутхай	Кутха.
Дьяволъ	Кана	Кана	Ткана.
Небо	Когалъ	Кохалъ	Кеиссъ.
Облака	Гурсигуръ	Уйшаа	Мыйжа.
Вѣтръ буря	Шапелъ Какалтъ	Чихуча	Кеипкъ.
Дождъ	Чухчухъ	Чахчу	Чухчухъ.
Снѣгъ	Корѣлъ	Колаалъ	Колаалъ.
Градъ	Какумчелъ	Кода	Коалле.
Громъ	Кыхкыгъ	Кыхкыгъ	Кыхшигына.
Молнія	Амроншчина-чичь	Умечькыши	Мыплкыжигына.
Солнце	Галенъ-кулечь	Коачь	Лачь.
Луна	Гуинганъ-кулечь	Коачь	Лаилгынъ.
Звѣзда	Екенгынъ	Ашангытъ	Агажинъ.
День	Таажъ	Кусгалъ	Кулхалла.
Ночь	Куннукъ	Кулкуа	Кунку или Лькуюгуна.

Утро

	А	Б	В
Утро	Ýйдумкулель	Бóкочоаѣ	Éмколалю.
Полдень	Кунýкулечкуй	Пеннокѣ-халла	Хтáдыжаты-
Вечеръ	Атáкулель	Аатыку	Тáлбакѣ. (на.
Полночь	Кунýгуингучь	Кéды-кýлкуа или Пельхучикѣ	Нуýлхуюгула
Годъ	Тáптажѣ	(не знаютъ)	Тхажѣ.
Земля	Шемтѣ	Семтѣ	Шемпѣ.
Гора	Еéлѣ	Намýдѣ	Аáла.
Пригорокъ	Пынýжидычь	Таákоричь	Йаулганѣ.
Огонь	брýмичь	Пáнгычь	Пáнгычь.
Дымъ	Гáжунгажь	Нгарангачь	Нгáчажѣ -нгá-
Вода	Áжамѣ	Ии	Ии. (чажѣ.
Поле	бáтаранѣ	Ýша	Усѣ.
Дорóга	Шúжичь	Éпичумѣ	Кýчажа.
Лѣсъ	Ýудѣ	Óода	Лáгыланѣ.
Дерево	Ýа	Óо	Ýу.
Море	Кея́га	Нúнгель	Кея́га.
Озеро	Кóрро	Кшчу	Кýлхуа.
рѣка	Кúгѣ	Кыга	Кигѣ.
рѣчка	Кúгыдычь	Кыгыдачь	Кúгыгачь.
Источникъ	Пúдадычь	Кáкеда	Кéяка.
Песокъ	быжымпѣ	Кáшемпѣ	Сымыжымчь
Грязь	Кылпшамѣ	Имáгай. Акчи-нашумпѣ	Кóола.
Камень	Куáлѣ	Увáчу	Уáчь.
Человѣкъ	Крóшчуга	Ýшкамжа	Ушкáмжа.
Отецъ	Ипипѣ	Áпачь	Ишхѣ.
Мать	Áнгуанѣ	Аáлгачь	Лáхшха.
Сынъ	Пéечь	Пéачь	Пачà.

	А	б	в
Дочь	Чи́депечь	Сувы́нгъ	Шугуингѣ.
братъ	Тыя	Кута́хушка	Тыя.
Сестра	Ихтумъ	Кутхаа́нъ	Ли́лихлчь.
Мужъ	Ке́нгишъ	Е́лку	Ка́мжанъ.
Жена	Чи́хенгучь	Нгы́нгычь	Игычь.
Отрокъ	Па́ачучь	Пеа́гачучь	Па́нахча.
Младенецъ	Па́ачучь	Пеа́ичичь	На́нача.
Дѣвка	Чи́хуачучь	Хучи́чу	Ухчума́хча
Господинъ	Крошчу	Армъ	Ху́йжучь.
Слуга	Ха́ро	Чикоачь	Линажхча.
Служанка	Че́дахаро		Хоа́ллу.
Голова	Ха́бель	Чы́ша	Ктхынъ.
Волосъ	Черонъ	Ку́бинъ	Ку́йба.
борода	Е́лунъ	Куу́кунъ	Луу́лла.
Глаза	Е́ледъ	На́ннинъ	Ле́лла.
Уши	И́людъ	И́гїадъ	И́лла.
Носъ	Каякѡ	Каикы	Каяка́нъ.
Губы	Ша́кши	Кы́сса	Ке́шха.
Уста	Те́лунъ	Цхы́дда	Чанна.
Языкъ	Ды́чилъ	Ни́чилъ	Ече́лла.
Щоки	У́анъ	У́аадъ	Хоау́да.
Подбородокъ	Пе́гангучь	Пахыхычь	Кымкычь.
Плечо	Тено́дъ	Та́ннунъ	Тыны́нга.
рука	Тѡно	Сы́шпу	Хкачь.
Перстъ	Ке́ко	Ку́йда	Пко́пча.
Грудь	Лу́тенгъ	И́нгыта	Ке́итачь.
Сердце	Гуллугу	Ну́юугу	Лугѡлгучь.
брюхо	Колидъ	Ксухъ	Ка́лпки.
Чере́ва	Шу́жичь	Сы́хшидъ	Сыгы́жинъ.

Пузырь

	А	Б	В
Пузырь	Ишурю	Елкуай	Кшулхъ
Тайной удъ мужеской	Каллака	Калка	Калкѣ
- - - женской	Койпіонъ	Куаппанъ	Коапанъ.
Спина	Карогъ	Чагга	Кигачь.
Ноги	Капхеинъ	Чкуада	Ктхада.
Шапка	Галалучь	Халялучь	Пахалъ.
Шпаны	Куе	Кау	Коа.
Чулки	Пайманъ	Пайманъ	Паймадъ.
Шуба, куклянка	Коабежъ	Тангакъ	Капткачь.
Торбасы	Чилхенъ	Сынунъ	Шхунъ.
Острогъ	Апынъ	Таша	Атынумъ.
Юрта	Кистъ	Кишитъ	Кистъ.
Окно и дверь, что въ юртахъ	Аткыжичь	Окнучь	Окнучь.
Постеля	Лажушъ	Апптъ	Анпетъ.
Лукъ	Ичетъ	Часчу	Чхчь.
Стрѣла	Кагъ	Каха	Калхъ.
Санки	Шипхенъ	Шаашанъ	Шхлишхъ.
Лопка	Татхамъ	Тахпымъ	Тахтама.
Веревка	Алчолъ	Кулхсумъ	Ушхтъ.
Топоръ	Коашу	Куашуа	Коашу.
Листъ	Кромъ	Пашаадъ	Пеллаакела.
Корень	Пынгылпынгылъ	Пынгелпынъ	Пынгылпынгылъ.
Трава	Шишичь	Седа	Ижула.
Голодный	Екужичь	Куушишкъ	Кшаккъ.
Жадный	Тыкужегужикъ	Тугіуласкъ	Чхчахычь.

	А	Б	В
Сытой	Тымга́уши	Чигыши́кЪ	Чи́хлихЪ.
Пьяной сЪ мухомора	То́апкужикЪ	Това́пкошкЪ	Хылпа́шкичамЪ
Ѣсть	балолкЪ	Чихы́шкикЪ	Ды́кыжу.
Пить	би́гыликЪ	Ты́кушхушкЪ	Ты́кушку.
Спать	Ты́чкажикЪ	Тунгукулашкъ	Ну́йкушку.
	или бу́нгуяку спать хочу		
Говорить	Ка́жинухшхажикъ	Ха́ждухчь	Ка́жилгукышЪ
Молчи	Ку́йжижичь	Кыйсуши́хчь	Ко́йшунгышихучь.
Ѣхать на собакахЪ	КошлЪ-ко́кшхажикЪ	У́шашишь	Хо́ншкожимыкЪ.
Иттти	Ты́лледжкЪ	У́шашишЪ	Тла́ламЪ
Я стою	Ку́ме-ты́жишикЪ	Ке́мма-ты́жишикЪ	Ке́ма хтажу́кышЪ.
Ты стои́шь	Кы́же жи́шунЪ	Кышьши́шичь	Ке́жа хтажу́жичь.
Онъ стои́тъ	Ду́гудЪ жишичь	У́дда шишикикЪ	Дангунъ хтажу́жичь.
Мы стои́мъ	бу́же жиши́шимкЪ	Мушь у́шишамгЪ	Мо́жишЪ хтажу́жимкЪ.
Вы стои́те	И́хуже жишижь	СушЪ шишикЪ	Да́гунадЪ хтажу́жигинЪ
Они стоя́тъ	Тру́нЪ жишичь	И́тхую шишикЪ	И́пха хтажу́жигинЪ.
Сплю	Ты́нгуюкужикЪ.	Ту́нгыкушикЪ	Тунгу́йкушкукЪ.
Вижу	Ты́лчкужикъ	Ты́тпшкуйшикЪ	Ты́лчкуйжча.

Не

	А	б	в
Не вижу	Гы́чь купкгъ	Ишкъ е́пш-куйкакъ	Е́лчкуикъ.
Не сплю	Гынгуикул-лакъ	Ишкъ ну́йку-шкакъ	Нгуйкулкукъ.
Смѣюся	Тыжі́шшикъ	Ташіука́шкъ	Ли́жинкшчичь.
Плачу	Ты́нгажикъ	Туу́ушикъ	Синшчь.
бѣлой	Гы́лкало	А́пптыхъ	А́пхала.
Черной	Дре́лу	Ты́гганъ	Ктга́ла.
Красной	Ча́чалъ	Чеа́нъ	Ча́чалъ.
Зеленой	Ду́лхкаралло	Нухусанну́	Кухле́лага.
большей	Толло	Хы́чинъ	Пелла́га.
Малой	Ды́нелу	Чунгу́юнгъ	Ня́нюкала.
Высокой	Да́шелу	Куу́нъ	Кы́нгылла.
Ниской	Ды́жулу	И́шунгъ	И́жула.
Свѣтлой	Да́пхылу	А́пптыгъ	Ча́жу.
Темной	Ду́хулу	Ду́хшанну	Чу́никъ.
Теплой	Но́мла	Ки́кангъ	У́мела.
Студеной	Ды́кеилу	Саккеингъ	Лке́лага.
Мокрой	Ды́кчкелу	А́кчину	Чка́лага.
Сухой	Де́млу	Кашигу́	Кыжгела́.
Живой	Кы́жунылинъ	Како́ва	Каколи́нъ.
Мертвой	Кы́рінъ	Кычи́кинъ	Кы́жаннъ.
рано	Ты́мколинъ	Мо́кочушъ	А́мколчелъ.
Поздо	Ту́хпаннъ	Аа́тыку	Тхпа́данъ.
Сего дни	Де́нгу	Да́нгу	Дадъ.
Завтра	Ды́мколаку	бо́куанъ	А́жушкъ.
Послѣ завтра	Кора́тыжкъ	Чіе сулунгакъ	Дуганъ-иншижингъ.
Вчера	Е́пылъ	Аа́ты	А́пенгъ.

Трепьяго

	А	б	в
Третьяго дни	Кыхы - кора-шажъ	(не знаютъ)	
Впередъ	Дуклкъ	Коазакў	Кулхе́нчки.
Назадъ	Шалкъ	Са́ккы	Шаа́ликинъ.
1	Дызыкъ	Дызыкъ	Ко́нингъ.
2	Каа́жъ	Ка́ассъ	Ка́сса.
3	Чо́окъ	Чо́окъ	Чо́укъ.
4	Ча́акъ	Ча́акъ	Ча́акъ.
5	Ко́мнакъ	Коомнакъ	Кугу́мнукъ.
6	Кылкогъ	Кылкоакъ	Ке́лкугъ.
7	Е́пакпанакъ	Ипаату́къ	Е́тукпунукъ.
8	Чо́октунукъ	Чокуту́къ	Чо́октунукъ.
9	Ча́акпанакъ	Ча́акпакъ	Ча́акпанакъ.
10	Чу́мхпукъ	Ку́мхпукъ	Тогосса.
11	Дызыкъ	Дызыкъ	Конингъ
12	Ка́ажъ	Ка́ассъ	Касса
13	Чо́окъ	Чо́окъ	Чо́укъ
19	Ча́акпанакъ	Ча́акпанъ	Ча́ак-танакъ
	шинажичь	шинаши	шинаалинъ.
20	Ка́ажъ	Каассъ	Кашъ
30	Чо́окъ	Чоокъ	Чо́окъ
40	Ча́акъ	Ча́акъ	Чаакъ
50	Ко́мнакъ	Ко́мнакъ	Кугумнукъ
60	Кылкогъ	Кылкоакъ	Ке́лкугъ
70	Е́пактанакъ	Ипаату́къ	Е́тукпуну́къ
80	Чо́октунукъ	Чо́кутукъ	Чо́октунукъ
90	Ча́актанакъ	Ча́актакъ	Ча́актанакъ
	Чумхпакъ	кумхпакъ	тужа́дъ.
100	Чу́мхпукъ-Чу́мхтаканъ	Ку́мхпу-кумхтаканъ	Чушъ - тогушайнъ.

У госпо-

У господина Стеллера въ запискахъ наполъ я и Отче нашъ на языкѣ южныхъ Камчадаловъ, но не всю молитву, безъ сумнѣнія для того, что послѣднихъ словъ, каково оставленіе долговъ, избавленіе отъ лукаваго и прочая, Камчадаламъ непоняпно было, однако сообщимъ мы здѣсь для удовольствованія любопытства читателей, сколько нашлося.

Апачь бурынъ кизегъ йтзунъ кранакъ когалгу сыгзулъ
Отче нашъ, которой живешь высоко на небѣ, буди
книгнъ гуренчь тере бительнакалкъ кабилтака каттатвое имя всегда у всѣхъ славно почитапокà коттикъ когльсыгъ бренако книгнъ конспалагнъ елкоемо, повели притти къ намъ твоему жилищу вѣчному, кизекъ енакчь оллогтчазенъ енду дегс такенъ
ному, что ты ни изволишь, буди по твоей
лацготусъ кагблкъ делтгамъ симскъ, адонномъ бурынъ
волѣ, какъ на небѣ, такъ на землѣ, пищу нашу,
пыгнъ гуллсъ суглкаизенъ сугнетъ католкъ боренако денгуотъ которой всегда живемъ, дай намъ нынѣштенъ дагсъ.
няго дня.

ГЛАВА 12.

О Коряцкомъ народѣ.

Излишнее бы дѣло было, есть ли бы какъ о семъ, такъ и о Курильскомъ народѣ писать пространно: ибо родъ житія ихъ весьма сходственъ съ Камчадалами; всѣ во обще они язычники, всѣ крайніе невѣжды, и отъ другихъ живопныхъ однимъ шокмо видомъ человѣческимъ почти разнствуютъ, какъ уже выше показано: чего ради довольно будетъ и того,

когда мы о каждомъ народѣ объявимъ кратко, выключая такія обстоятельства, въ чемъ они несходны съ Камчадалами.

Коряки, какъ уже выше показано, на Оленныхъ и Сидячихъ раздѣляются. Оленные кочевной народъ, а Сидячіе живутъ въ земляныхъ юртахъ, какъ Камчадалы, съ которыми и больше жилѣмъ и обрядами сходствуютъ, нежели съ Кочевными Коряками; чего ради все, что о Корякахъ объявлено будетъ, о Оленныхъ разумѣть должно, развѣ гдѣ точно Сидячіе Коряки будутъ упомянуты.

Сидячіе Коряки жилища свои имѣютъ по бе́регу Восточнаго мо́ря отъ рѣки Уки почти до Анадыря, а по бе́регу Пенжинскаго мо́ря отъ усть-Тигиля до Пенжины, и отъ Пенжины вкругъ Пенжинской губы до хребта Нукча́нунинъ, изъ котораго течетъ въ море Нукчанъ рѣчка, и по тѣмъ рѣкамъ имѣютъ они особливыя названія, по которымъ между собою раздѣляются, какъ на примѣръ: Укинскіе Коряки по рѣкѣ Укѣ, Карагинскіе по Карагѣ, Олюторскіе по Олютору, Акланскіе по Аклану и прочая; а Оленные съ табунами своими кочуютъ по всѣму пространству земли, которое съ востоку Окіаномъ, съ за́паду вершинами Пенжины и Омолона, съ сѣверу Анадыремъ рѣкою, а съ югу Лѣсною и Карагою рѣками заключается. Иногда прикочевываютъ они и ближе къ Камчаткѣ, особливо когда есть опасность отъ Чукочь, бѣдственныхъ ихъ непріятелей, однакожъ рѣдко. И такъ въ сосѣдствѣ имѣютъ они съ одну сторону Камчадаловъ, съ другую Чюкочь, съ третью Юкагирей, а съ четвертую Тунгусовъ или Ламутокъ.

Есть

Есть ли Чукоцкой народъ причислить къ Корякамъ, какъ то учинить должно по самой справедливости, ибо и Чукчи сущіе Коряки, то Коряцкіе предѣлы гораздо далѣ распространятся; потому что Чукчи не токмо живутъ далѣ Анадыря къ сѣверу въ такъ называемомъ Чукоцкомъ носу, но и по островамъ около лежащимъ. Въ семъ случаѣ Анадырь рѣка какъ граница между Коряками подданными россійскими и немирными Чукчами; для того что наши Коряки не живутъ далѣ Анадыря къ сѣверу, а Чукчи къ югу: однако Чукчи часто переходятъ сію границу, и разворяютъ нашихъ Коряковъ, убивая, отводя въ плѣнъ, и табуны оленьи отгоняя. Въ лѣтнее время промышляютъ они рыбу и по самой рѣкѣ Анадырю не токмо близъ устья, но и въ верхъ по ней на знатное разстояніе отъ моря, такъ что нашимъ Анадырскимъ жителямъ часто свѣзжаться съ ними случается не безъ опасенія.

Коряцкой народъ по разности житія разнствуетъ и тѣлеснымъ видомъ. Оленные Коряки, сколько мнѣ случалось видѣть, росту малаго, сухощавы; головы у нихъ посредственныя, волосы черные, которые ежедневно брѣютъ; лица продолговаты и нѣсколько клиномъ; глаза узкіе и малые, брови навислыя; носы короткіе, однако не столь плоски, какъ у Камчадаловъ, ротъ большой; бороды клиномъ черныя, которыя выщипываютъ часто. Напротивъ того сидячіе Коряки хотя и невеликорослы, однако толсты и присадисты, особливо которые живутъ далѣ къ сѣверу, въ чемъ Чукчи предъ другими имѣютъ преиму-

щество, чего ради и больше сходны съ Камчадалами.

Есть же между ими разность и въ разсужденіи склонностей и обычаевъ. Оленные Коряки пребезмѣрно ревнивы, такъ что можетъ убить жену за одно только подозрѣніе, а когда приличится въ прелюбодѣяніи, то лишаются живота оба прелюбодѣйцы; чего ради Коряцкія женщины всѣми мѣрами стараются придать себѣ безобразія: не моютъ ни лица, ни рукъ: волосовъ, которые плетутъ въ двѣ косы, и по вискамъ распускаютъ, никогда не чешутъ; на верху носятъ платье гнусное, ветхое и залосклое, а подъ исподомъ хорошее: ибо и въ томъ у нихъ подозрѣніе, когда женщина ведетъ себя почище, а особливо когда надѣваетъ сверху новое и незагаженое платье. На чтобъ, говорятъ Коряки, имъ краситься, когдабъ не желали они другимъ казаться хорошими: ибо мужья и безъ того ихъ любятъ. Напротивъ того у Сидячихъ Корякъ, а наипаче у Чукочь, вящшая дружба состоитъ въ томъ, когда взаимно пріѣжжая другъ къ другу, гости спятъ съ женами или дочерями хозяйскими, на которое время хозяинъ нарочно отлучается, или онъ въѣжжаетъ къ женѣ своего гостя. Несносная обида хозяину, когда гость съ женою его не пребудетъ: ибо въ такомъ случаѣ можетъ онъ убитъ быть, какъ гнушающійся пріязнію хозяина, что съ нашими Анадырскими казаками, которые оныхъ обрядовъ ихъ не знали, случалось, какъ сказываютъ, не однократно. Чего ради и женщины ихъ по своему обыкновенію щеголять стараются: бѣлятся и румянятся

нятся, носятъ хорошее платье; а Чукоцкія сверьхъ того разшиваютъ узорами не токмо лица, но лядвѣи и руки: ибо они дома сидятъ нагія, хотя бы притомъ случились и сторонніе люди.

Есѣ вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердые люди. А Оленные притомъ горды и хвастливы, такъ что они никому вѣтомъ не вѣряютъ, что есть вѣсвѣтѣ благополучнѣйшее житіе человѣческаго состоянія, и почитаютъ такихъ за сущихъ лжецовъ и обманщиковъ, что случалось часто съ нашими купцами въ проѣздѣ изъ Якуцка на Камчатку чрезъ Анадырскъ, которымъ они вмѣсто улики дѣлали язвительныя возраженія: Есть ли бы, говорили Коряки, житъ у васъ было лучше нашего, то бы де вы такъ далеко къ намъ не ѣздили, какъ намъ нѣтъ нужды къ вамъ ѣздить, для того что у насъ всего довольно; а то де можно видѣть, что вы пріѣжжаете къ намъ для одной жирной оленины, которой де вамъ во всю жизнь вашу нигдѣ индѣ и видать не случается.

Немалой поводъ къ спеси дается имъ и отъ Корякъ сидячихъ, которые ихъ боятся и почитаютъ, такъ что хотя бы пастухъ къ нимъ пріѣхалъ, всѣ выбѣгаютъ вонъ изъ юрты, встрѣчаютъ, довольствуютъ, провожаютъ, и сносятъ всякую обиду, какую бы ни показалъ Коряка. Не слыхалъ я такихъ примѣровъ, чтобъ Сидячіе убили когда Оленнаго Коряка, чего ради Ясашные наши зборщики къ Олюторамъ никогда безъ нихъ, какъ безъ надежной обороны, не ѣздятъ: въ прошивномъ же случаѣ нерѣдко отъ несовершен-

но покоренныхъ бываютъ убиваемы; и сіе тѣмъ наипаче удивительно, что Сидячіе Коряки гораздо сильняе Оленныхъ и отважнѣе. Но сего почтенія и опасности кажутся мнѣ двѣ причины: 1) застарѣлой обычай почитать и служить богатымъ, которой они могутъ быть имѣли будучи сами Оленными, такъ какъ и нынѣ убогіе Оленные Коряки. 2) Что они получая отъ Оленныхъ Корякъ все свое одѣяніе, раздражить ихъ опасаются, чтобъ не претерпѣть холоду.

Оленные Коряки всѣхъ ихъ называютъ своими холопами, а особливо Олюторовъ: ибо Олюторы испорченное имя изъ Коряцкаго *Алютохлаулъ*, что значитъ холопа. Да и сами Сидячіе Коряки почти отъ того не отрекаются. Одни Чукчи ихъ не почитаютъ, но вмѣсто того столь имъ ужасны, что двадцети человѣкамъ Чукочь пятдесятъ Оленныхъ Корякъ противиться не отважутся, и ежели бы не было имъ защищенія изъ Анадырска, то бы Чукчи раззорили ихъ до основанія, и изъ господъ всѣхъ бы претворили въ холопей, лиша табуновъ ихъ, принудя жить въ земляныхъ юртахъ, и питаться кореньемъ и рыбою, по примѣру Сидячихъ Корякъ, какъ то въ 1738 и 1739 годахъ учинили они съ Капыркинскими и Апукинскими Коряками. Впрочемъ какъ всякой народъ имѣетъ предъ другимъ въ чемъ ни будь преимущество, такъ и у Корякъ сіи особливыя отъ Камчадаловъ добродѣтели, что они правдивы и трудолюбивы, знаютъ стыдъ, и отъ блудодѣянія удаляются, хотя можетъ быть и по неволѣ.

Сколько

Сколько родовъ Оленныхъ Корякъ и сколько числомъ ихъ, о томъ на Камчаткѣ не вѣдомо, потому что они подсудны Анадырскому острогу, однако думать можно, что сей народъ купно съ Сидячими, многочисленнѣе Камчадаловъ.

Живутъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ моху довольно, которымъ питаются олени ихъ, не взирая на то, что водою и лѣсомъ скудно, а наипаче въ земнее время: ибо они снѣгъ иногда вмѣсто воды употребляютъ, а варятъ мохомъ или сырымъ сланцомъ, котораго вездѣ довольно. Я могу сказать, что зимнее ихъ житье въ разсужденіи Камчатскаго гнусно и безпокойно. Въ юртахъ, съ которыми они часто кочуютъ, отъ сырыхъ дровъ, и отъ того, что земля отъ огня тастъ, до самаго полу такой дымъ, что человѣка на другой сторонѣ не можно видѣть, а при томъ столь ѣдкой, что непривычной глаза потеряетъ въ одинъ день. Я не могъ пробыть у нихъ ни пяти часовъ: и хотя между тѣмъ отъ дыму часто выходилъ вонъ изъ юрты, однако безъ глазной болѣзни не обошелся.

Юрты у нихъ подобны юртамъ другихъ Кочевныхъ народовъ, каковы напримѣръ Калмыцкія, токмо гораздо меньше. Зимою покрываютъ ихъ оленьими новыми кожами для тепла, а лѣтомъ старыми ровдугами, которыя юртовыя крышки чумами называются. Внутри юртъ ихъ нѣтъ никакихъ половъ ни перегородокъ, токмо по срединѣ четыре колышка съ поперечинами вколочены, между которыми огнище. Къ колышкамъ обыкновенно привязываются сабаки, которыя

рыя во время стряпанья и изъ котловъ мясо таскаютъ, и съ лотковъ, когда оное вынимается, не смотря на то, что хозяйки бьютъ ихъ уполовникомъ и отнимаютъ. При чемъ сіе можно утвердить за истинну, что крайней голодъ человѣку надобенъ, чтобъ ѣсть мясо ихъ варенія. Котелъ и лотки у нихъ вмѣсто мытья сабаки лижутъ; бабы и сабакъ бьютъ уполовникомъ и въ котлѣ мѣшаютъ; мясо немытое въ шерсти какъ въ кожѣ, а о чистотѣ стряпающихъ и упоминать нѣчего.

Чукоцкія зимнія юрты въ разсужденіи копани не лучше Коряцкихъ, однако въ томъ имѣютъ преимущество, что весма теплы. Дѣлаются на подобіе Камчатскихъ въ землѣ, но несравненно больше: ибо живутъ въ нихъ по множеству народа. Каждая семья имѣетъ особливой свой пологъ изъ оленьихъ кожъ, въ которыхъ пологахъ и сидятъ и спятъ. Во всякомъ пологу денно и ночно огонь горитъ въ поставленной среди полога плошкѣ. Жгутъ жиръ различныхъ морскихъ звѣрей, а вмѣсто свѣтильни мохъ употребляютъ. И хотя для выходу копоти оставляется на верху продушина, однако такой же дымъ бываетъ, какъ въ Коряцкихъ юртахъ, но притомъ столь тепло, что въ холодныхъ оныхъ и самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ бабы сидятъ всегда нагія, какъ выше показано, прикрывъ шокмо срамъ свой пятою, красуясь узорами на нѣлѣ, какъ бы богатымъ или покойнымъ платьемъ.

Платье всѣ носятъ изъ оленьихъ кожъ, въ которомъ нѣтъ никакой отмѣны отъ Камчатскаго: ибо и Камчадалы отъ нихъ же получаютъ оленье платье, какъ уже выше объявлено. Пища-

...ишкія Бабы

Digitized by Google

Питаются оленьимъ мясомъ, которыхъ у богатыхъ Корякъ тысячь по десяти, по трипцати и больше, а у Тоїона Этеля Соплякова сына до 100000 считаютъ; однако при всемъ томъ они столь скупы, что оленя для себя убить жалѣютъ, а довольствуются звѣроядиною и мертвечиною, чего въ такомъ великомъ множествѣ случается со излишествомъ. Росхожимъ гостямъ не стыдятся они говорить, что у нихъ подчивать нѣчемъ, для того что по ихъ нещастію олени у нихъ не падутъ, и отъ волковъ не давятся. Для другихъ убиваютъ оленей, и въ то только время сами до сыта наѣдаются. Впрочемъ они не доятъ своихъ оленей, и молокомъ пользоваться не знаютъ.

Ѣдятъ наибольше вареное мясо, а за излишествомъ сушатъ и коптятъ въ юртахъ. Лучшая у нихъ пи́ща *Ямгаю*, которая слѣдующимъ о́бразомъ пріуготовляется: Когда убиваютъ оленя, тогда кровь изъ него вливаютъ въ желудокъ съ каломъ, и положа оленьяго жиру сбиваютъ вмѣсто, и нѣсколько времени квасятъ, по́слѣ того коптятъ, и ѣдятъ вмѣсто калбасъ копченыхъ. Казаки называютъ оную пи́щу Маняломъ, и многіе ѣдятъ похваляя. Ѣдятъ же Коряки и другихъ звѣрей, какихъ ни промыслятъ, кромѣ сабаки да лисицы.

Травъ, коренья и коры съ деревъ не употребляютъ въ пи́щу, развѣ бѣдные, и то въ случаѣ голоду; рыбу также одни пастухи ловятъ, и то весьма мало. Ягодъ въ зиму не запасаютъ же, но токмо ѣдятъ въ лѣтнее время. Бо́льшей сладости въ пищѣ понять не могутъ, какъ голубица толченая съ

оленьимъ жиромъ и сараною. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ знатной Корякской князецъ, который пріѣжжалъ въ болшерѣцкой острогъ по случаю, дивился, когда дали ему сахару. Сперва назвалъ онъ его солью, но какъ ему прикушать велѣли, то онъ изумѣлся отъ такой чрезвычайной сладости, и хотѣлъ опвесыпи его нѣсколько женѣ своей для опыту, однако не имѣлъ столько терпѣливости, чтобъ не истратить его въ дорогѣ: женѣ своей хотя онъ и клялся, что ему въ россійскомъ острогѣ дана такая сладкая соль, которой онъ ни къ чему примѣнить не можетъ, однако она ему въ томъ не повѣрила, утверждая, что ничего на свѣтѣ не можетъ быть слаще объявленной толкуши.

Ѣздятъ на оленяхъ токмо въ зимнее время, а лѣтомъ по примѣру Тунгусовъ верьхами, какъ сказываютъ, не умѣютъ ѣздить. Сани называются по ихъ Чіучу-уе́пикъ. Длиною дѣлаются онѣ около сажени. Полозья подъ саньми шириною вершка въ полтретья, токмо у головашекъ, гдѣ загибается, нѣсколько уже. Копылье изъ одного де́рева гнутое прямо ставится, выключія передней, которой нѣсколько назадъ наклоняется. При каждомъ копылѣ пришивается поперегъ брусочикъ, на брусочки кладутся во всѣ сани широкія дощечки вмѣсто нащеповъ, которые къ головашкамъ полозья прикрѣпляются. На каждомъ брускѣ по двѣ дырочки, сквозь которыя во всѣхъ сани батошки продѣваются. Какъ сіи батошки такъ и до́ски назади изогнуты вверху, и покрыты особливымъ нащепомъ; и такимъ образомъ бываютъ они будто съ козыремъ, въ ко-

въ которомъ мѣстѣ сидятъ обыкновенно женщины.

Впрягаютъ въ сани по два оленя. Лямки, которыми они тянутъ, подобны собачьимъ Алакамъ: надѣваются обоимъ оленямъ на правую лопашку. Праваго оленя потягъ или ремень къ лямкѣ привязанной прикрѣпляется къ санной рѣшеткѣ близъ правой стороны, а послѣ привязывается къ лѣвому нащепу, а лѣваго къ лѣвой токмо, а за правой нащепъ не утверядается. Потягъ праваго оленя долѣ лѣваго, чего ради правой олень не много впереди ходитъ, а оба по лѣвую сторону саней.

Узды оленьи подобны обратямъ конскимъ. У узды праваго оленя бываетъ на лбу по три и по четыре косточки на подобіе коренныхъ зубовъ съ четырьмя шипами, а накладываются на узду для того, чтобъ оленя на бѣгу остановить скоряе: ибо въ такомъ случаѣ Коряка крѣпко за узду тянетъ, а шипами оленя въ лобъ колетъ и удерживаетъ отъ бѣгу. У узды лѣваго оленя нѣтъ такихъ зубовъ, ибо въ немъ нѣтъ большей силы: ибо когда правой остановится, то не побѣжитъ и лѣвой.

Коряка сидитъ на саняхъ близъ головашекъ, и правитъ ихъ уздою, когда вправо поворотить надобно, то узду токмо дергаетъ, а когда влѣво, то хлещетъ ею оленя по всему боку. Погоняютъ ихъ тонкою палкою длиною аршина въ полтора или и долѣ, у которого на одномъ концѣ костяная головочка, а на другомъ крючокъ. Головочкою оленей бьютъ, а крючкомъ отдѣваютъ потяги, когда оленю засунуть случается. Такія палочки по тамошнему ключами называются.

Оленные сани покоряцки Ча́учу уе́пикъ, какъ уже выше объявлено, рѣшетка гы́ву, брусочки у́якау, головки у саней гы́погынгенъ или я́кыи, копылье гынгу, мѣсто, гдѣ сидятъ женщины, мо́ингенъ (хвостъ) узда праваго оленя коилгненъ, лѣваго явилиганъ, по́тяги и́лгенъ, ключка елбель, головка на ней ты́мпету, крючокъ на ней же ка́лнкалъ.

Ѣзда на оленяхъ скоряе сабачьей: на хорошихъ можно легко переѣхать въ день полтараста верстъ, токмо часто кормить ихъ должно, и часто останавливать на дорогѣ, что бы мочились; а въ противномъ случаѣ въ одинъ день такъ испортятся, что или къ ѣздѣ будутъ негодны, или издохнутъ.

Оленей къ ѣздѣ пріучаютъ какъ коней. Самцовъ ѣжжалыхъ кладутъ, перекусывая сквозь ровдугу жилы на ядрахъ, а ихъ не вынимаютъ. Олени всѣ вмѣстѣ пасутся, и неѣжжалые и ѣжжалые. Когда Корякѣ надобно однихъ отъ другихъ отдѣлить, то сгоняетъ онъ весь табунъ вмѣсто, и кричитъ изо всего горла кусая ключу свою, отъ котораго крику олени съ возможною скоростію на двое раздѣляются. Ежели которые не въ свою сто́ю замѣшаются, тѣхъ бьютъ немилосердо.

Есть олени и у сидячихъ Корякъ, токмо у рѣдкихъ и не помногу, а употребляютъ они ихъ токмо для выѣзду. У Чукочь ихъ табуны превеликіе, однако они не взирая на то больше морскими звѣрями питаются. Есть ли Коряка лишится своихъ оленей, то бѣдняе Камчадала бываетъ. Нѣтъ ему другаго способу къ пропитанію, какъ задаться въ пастухи къ богатому

тому: ибо рыбы онъ промышлять не умѣетъ, а хотя бы и могъ по нуждѣ, то не льзя лодками, сѣтьми и сабаками завестися въ скорости, а въ пастухахъ пища ему и платье готовое; притомъ есть ли у него малое число своихъ оленей, то можетъ онъ пасти ихъ съ хозяйскими, и не употребляя себѣ на пи́щу расплодитъ со временемъ нарочитое стадо.

Коряки на оленей своихъ и на кожи ихъ вымѣниваютъ у другихъ народовъ самыхъ лучшихъ тамошнихъ дорогихъ звѣрей, которыхъ у многихъ Корякъ такое множество, что возятъ ихъ съ собою чемаданами. Напротивъ того у Сидячихъ Корякъ и Камчадаловъ сопой человѣкъ имѣетъ въ запасѣ лисицу или соболя.

Въ разсужденіи вѣры своей Коряки такіежъ невѣжды, какъ Камчадалы, буде не хуже: по крайней мѣрѣ тотъ Князецъ, съ которымъ мнѣ случилось разговаривать, не имѣлъ о богѣ понятія. Дьяволовъ, которыми населены по ихъ мнѣнію рѣки и го́ры, почитаютъ больше для того, что ихъ боятся. Сидячіе Коряки признаваютъ богомъ Камчатскаго Куша.

Жертву приноситъ уреченнаго времени не имѣютъ, но когда имъ вздумается, тогда убиваютъ оленя или сабаку, которую со всѣмъ на колъ втыкаютъ, и оборачиваютъ лицемъ къ востоку; а отъ оленя одну голову да часть языка. Но кому сію жертву приносятъ, сами не знаютъ, только приговариваютъ Ваюкойнгъ ѣкнилалу гангева, то есть: на тебѣ, да и намъ что ни будь пошли. Котораго олеия или сабаку отсуляютъ бѣсамъ, тѣхъ убивъ повергаютъ со всѣмъ на землю.

Горамъ и рѣкамъ, гдѣ по ихъ суевѣрію живутъ дiаволы, жертву даютъ тогда, когда случается проходить мимо ихъ. Не дошедъ за нѣсколько колютъ оленя, и сѣдаютъ, а головную голую кость взоткнувъ на колъ оборачиваютъ къ мнимому дьявольскому жилищу.

Ежели Коряки убѣгаютъ отъ какой нибудь болѣзни, которая имъ опасна покажется; то убиваютъ они сабаку, и растянувъ на дву шестахъ черева ея межъ нихъ проходятъ.

При жертвоприношенiи шаманы или волхвы ихъ бьютъ въ бубны, которые подобны Якутскимъ и другихъ тамошнихъ Языческихъ народовъ. Но плашья особливаго не имѣютъ шаманы, какъ у прочихъ Язычниковъ. Есть же шаманы и у Корякъ Сидячихъ, которые почитаются и за лѣкарей: ибо они бьютъ въ бубны и въ случаѣ болѣзней, чемъ оныя по ихъ суевѣрію отгоняются. Впрочемъ сiе весьма удивительно, что нѣтъ такого дикаго народа, въ которомъ бы шаманъ не лукавѣе другихъ былъ. 1739 году случилось мнѣ видѣть въ Никнемъ Камчатскомъ острогѣ славнаго Укинскаго шамана именемъ Карымляча, котораго не токмо тамошнiе язычники, но и казаки за великаго знатока почитаютъ, наипаче для того, что онъ колетъ себя ножемъ въ брюхо и пьетъ кровь свою: однако все оное было толь грубой обманъ, что всякому бы можно было примѣтить, есть ли бы кто не былъ ослѣпленъ суевѣрiемъ. Спервва билъ онъ нѣсколько времени въ бубенъ на колѣняхъ стоя, послѣ того ножемъ кололъ себя въ брюхо, и выманивалъ рукою кровь изъ раны, коей не было: наконецъ таскалъ

скалъ изъ подъ шубы по цѣлой горьсти крови, и ѣлъ облизыкая персты. Я между тѣмъ довольно смѣялся, что онъ свое дѣло такъ худо знаетъ, что къ нашимъ Танеишпилерамъ не годится и въ школу. Ноялъ, которымъ онъ колотъ себя притворялся, спускалъ онъ внизъ по брюху, а кровь вынималъ изъ пузыря, которой былъ подъ пазухою. По окончаніи шаманства надѣялся онъ насъ привесть въ удивленіе, чего ради поднялъ свою куклянку, и показалъ кровью вымарное брюхо увѣряя насъ, что кровь оная, которая была изъ нерпы, текла изъ его брюха, а рану изцѣлилъ онъ своимъ шаманствомъ. Притомъ сказывалъ намъ, что дьяволы приходятъ къ нему изъ различныхъ мѣстъ и въ различномъ видѣ: иные изъ моря, иные изъ горѣлой сопки, иные большіе а иные малые, иные безрукіе, иные обгорѣлые, а другіе о полубокъ. Морскіе прочихъ богатѣе и въ платьѣ изъ шравы шелковника здѣланномъ, которая по рѣкамъ росшетъ: а онъ ихъ какъ во снѣ видитъ, для того что, когда они приходятъ къ нему, иногда мучатъ его столь жестоко, что онъ бываетъ почти внѣ ума.

Ежели такой шаманъ больнаго лѣчитъ, то по шаманствѣ предписываетъ, чѣмъ болящему выпользоваться можно: иногда приказываетъ ему усить собаку, иногда ставитъ внѣ юрты прутье и другія тому подобныя бездѣлицы. Собакъ въ такомъ случаѣ колютъ въ бокъ ножемъ или копьями, а держатъ ихъ по два человѣка одинъ за голову, а другой за хвостъ. Убитыхъ вшыкаютъ на колъ, и ставятъ обороиня лицемъ къ горѣлой сопкѣ.

Олен-

Оленные Коряки не имѣютъ праздниковъ, а Сидячіе празднуютъ въ одно время съ Камчадалами, но кому и для чего, столь же мало вѣдаютъ, какъ и Камчадалы. Вся причина состоитъ въ томъ, что предки ихъ такъ поступали. Праздникъ недѣли по четыре продолжается; между тѣмъ они ни къ себѣ никого не пускаютъ, ни сами не ѣздятъ, и никакой работы не дѣлаютъ, но ѣдятъ довольно, и веселятся, бросая въ огонь отъ всякой ѣствы по малу въ даръ горѣлой сопкѣ.

Въ другихъ политическихъ дѣлахъ такіежъ они невѣжды, какъ и въ законѣ. Раздѣленіе времени на годы и мѣсяцы имъ неизвѣстно, токмо знаютъ четыре времена въ году, и лѣто называютъ Алáалу, зиму Лáкалянгъ, весну Кúпкепикъ, а осень Гéпига. Вѣтрамъ не болѣе какъ четыремъ имѣютъ названія: Восточной вѣтръ по ихъ Кóнгекатъ, Западной Гéипевкыгъ, Сѣверной Гычиголыгоа, Южной Еутельыгоа. Изъ звѣздъ знаютъ большáго медвѣдя, котораго называютъ дикимъ оленемъ на ихъ языкѣ *Елуе-хыйнгъ*; Плеады или утячье гнѣздо *Атáга*; Орiонъ *Юлтаутъ* криво уронилъ; Юпитеръ *Ичúпаламахъ* красная стрѣла; Млечной путь *Чигéй-паемъ* дресвяная рѣка.

Разстояніе мѣстъ счисляютъ по днямъ, такъ какъ Якуты по днищамъ, то есть, въ сколько дней отъ одного до другаго мѣста перекочевать можно, а на каждой день можно положить отъ тридцати верстъ до пятидесять. У богатыхъ разстояніе одного дня больше, нежели у бѣдныхъ: для того что они надѣются

тѣмъ

пѣмъ доказать, что у нихъ лошади или олени хорошіе, когда они со всѣми своими тяжестьми и съ домомъ столько могутъ переѣхать, сколько бѣдные налегкѣ, по причинѣ худыхъ лошадей или оленей.

Владѣльцовъ до покоренія россійскому скипетру у нихъ не было, но тотъ власть нѣкоторую имѣлъ, которой былъ оленьми богатѣе: чего ради и не знали они до пѣ съ поръ, что есть присяга. Казаки приводятъ ихъ къ присягѣ вмѣсто Креста и Евангелія къ ружейному дулу съ такимъ объявленіемъ, что тому не миновать пули, кто присягаетъ не искренно. Такимъ же образомъ и сумнительныя дѣла рѣшаются: ибо виноватой будучи увѣренъ, что заряженое ружье убьетъ за неправду, охотнѣе признается, нежели предается въ часмую опасность жизни. Въ другихъ случаяхъ клятвы у нихъ нѣтъ бо́льше, какъ *Инмоконъ хепмъ метынметихъ*, то есть правда, что я пебѣ не солгу.

Учтивства въ словахъ и поздравленія не знаютъ; гостей, кто къ кому пріѣдетъ, не встрѣчаютъ, но поступаютъ съ ними, какъ большіе господа съ подчиненными. Гость выпрегши своихъ оленей сидитъ на саняхъ ожидая хозяйскаго повелѣнія войти въ его юрту какъ на аудіэнцію, однакожъ соизволеніе хозяйское не отъ самаго хозяина объявляется, но отъ жены его такими словами: Елкэ, то есть въ юртѣ, или хозяинъ дома. Какъ гость такимъ образомъ встрѣченный войдетъ, то хозяинъ сидя на своемъ мѣстѣ говоритъ ему, *хоіонъ* (сюды); потомъ указываетъ мѣсто, гдѣ сѣсть, съ такимъ учтивствомъ, *хатпа́гапъ* сади́сь.

Въ подчиваньѣ гостéй наблюдаютъ шокмо то, чтобъ ихъ удовольствовать, а по Камчатскому обычаю не поступаютъ, чтобъ гостей принуждать къ обѣденію. Лучшее кушанье жирное мясо и маняло: и сїе не недостойно примѣчанія, что всѣ дикіе и кочевные народы жиръ почитаютъ за пріятнѣйшее кушанье. Якутъ дастъ себѣ глазъ выколоть за жирную кобылятину, а Чукча за жирную собаку. Якутъ хотя вѣдаетъ, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скотину, однако не взирая на то не удержится отъ жирной кобылы, и въ случаѣ нещастія тѣмъ утѣшается, что онъ ѣдалъ жирную кобылятину.

Воровство во всѣхъ дикихъ народахъ кромѣ Камчадаловъ похвально, только бы оно было не въ своемъ родѣ, и такъ искусно, чтобъ не быть пойманнымъ; въ противномъ случаѣ поступается жестоко, не за кражу, но за неумѣніе. Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ получить мужа, ежели въ воровствѣ не окажетъ искусства.

Смертноубивство въ своемъ же родѣ шокмо опасно, для того что сродники не оставляютъ убіеннаго безъ отмщенія, а впрочемъ никому до того нѣтъ нужды. Убійцы тѣмъ великодушнѣе, что не знаютъ о будущемъ воздаяніи.

Всего достохвальнѣе въ семъ народѣ то, что они дѣтей своихъ хотя и чрезмѣрно любятъ, однако издѣтска къ трудамъ пріучаютъ; чего ради и содержатъ ихъ не лучше холопей, посылаютъ по дрова и по воду, приказываютъ на себѣ носить тяжести, пасти оленьи табуны и другое тому подобное дѣлать.

Женятся

Женятся богатые на богатыхъ, а скудные на скудныхъ, не взирая на разумъ и на пригожство. Женъ берутъ наиболѣе изъ своего роду, двоюродныхъ сестръ, тетокъ и мачихъ, токмо не женятся на матеряхъ, на родныхъ дочеряхъ, на родныхъ сестрахъ и на падчерицахъ. Невѣстъ хватаютъ по Камчатски, чего ради и малолѣтныхъ, которые не могутъ хватать невѣсты, не женятъ.

Жениху, каковъ бы кто богатъ оленьми ни былъ, должно работать за невѣсту отъ 3 до 5 лѣтъ, между тѣмъ вмѣстѣ имъ спать дозволяется, хотя невѣста и не схватана, въ прочемъ она до совершенія брачной ихъ церемоніи для обряду бываетъ по надлежащему опутана. При свадьбахъ не бываетъ у нихъ никакихъ обрядовъ досюйныхъ примѣчанія.

Женъ имѣютъ по двѣ и по три, и содержатъ ихъ по разнымъ мѣстамъ давъ пастуховъ и табуны особливые. Все удовольствіе жизни въ томъ полагаютъ, чтобъ переѣжжая съ мѣста на мѣсто осматривать скотъ свой. Притомъ сіе весьма удивительно, что Коряка счету почти незнающей въ великомъ множествѣ оленей тотъ часъ примѣтитъ уронъ свой, и скажетъ, какого оленя нѣтъ и какою шерстью.

Ножницъ у нихъ нѣтъ, токмо нѣкоторые содержатъ коёкчучей, которые по ихъ Кегевъ называются, однако не въ чести, какъ Камчадалы, но въ презрѣніи: ибо у Коряковъ за великую брань почитается назвать кого *Кёгенъ*.

Сидячіе Коряки по странному своему суевѣрію имѣютъ вмѣсто женъ простые камни: одѣваютъ ихъ въ платье, кладутъ спать вмѣстѣ, и временемъ шутятъ съ ними, и забавляютъ, какъ бы чувствующихъ забавы. Такихъ два камня получилъ я отъ Укинскаго жителя Окерача, одинъ изъ нихъ, которой называлъ онъ женою, былъ больше; а другой, которой сыномъ, былъ меньше. Большему имя Яйтель-камакъ (цѣлительной камень), а другому Калкакъ. А какимъ случаемъ и по какой причинѣ понялъ онъ такую достойную жену, разсказывалъ онъ мнѣ слѣдующее обстоятельство: лѣтъ за десять былъ онъ въ огноищѣ немалое время; между тѣмъ будучи на рѣкѣ Адкѣ, которая течетъ въ Уку съ южно-западной стороны отъ устья Уки въ 10 верстахъ, нашелъ онъ помянутой большей камень токмо одинъ, и какъ взялъ въ руки, то камень на него будто человѣкъ дунулъ. Онъ испужавшись бросилъ камень въ воду, отъ чего болѣзнь его такъ усилилась, что онъ лежалъ все то лѣто и зиму. На другой годъ принужденъ онъ былъ искать съ великимъ трудомъ обѣявленнаго камня, и нашелъ его не въ томъ уже мѣстѣ, гдѣ бросилъ, но далеко оттуду лежащей на плитѣ купно съ Калкакомъ или съ малымъ камнемъ, которые онъ взявъ съ радостію принесъ въ острогъ свой, и здѣлавъ имъ платье отъ болѣзни избавился, и съ того времени держитъ онъ ихъ у себя, и любитъ каменную жену паче настоящей, а Калкака всегда беретъ съ собою въ дорогу и на промыслы. Правда ли то, что каменная жена миляе ему настоящей, утверждать не льзя; впрочемъ

чемъ то могу сказать, что онъ камни отдалъ мнѣ не съ охотою, не взирая на мои подарки: ибо говорилъ онъ, что онъ лишаяся ихъ лишается купно и здравія, которое отъ нихъ зависѣло.

Дѣтей своихъ безмѣрно любятъ, однако съ младенчества не нѣжатъ, какъ ужѣ выше объявлено. Какъ скоро родятся, то богатые отдѣляютъ имъ нѣсколько оленей на ихъ щастіе, которыми однакожъ не могутъ дѣти пользоваться до возраста совершеннаго.

Младенцамъ даютъ имена старыя бабы съ слѣдующимъ колдованіемъ: Ставятъ двѣ палочки, и перевязываютъ нитkою, на срединѣ вѣшаютъ на нитkѣжъ камень обшитой въ кожу каменнаго барана, а припомъ невѣдомо что шепчутъ, и спрашиваютъ у камня, какъ звать младенца, напоминая имена его сродниковъ, и на которомъ имени покачается камень, то бываетъ младенцу и имя.

Имена мужескія.	Имена женскія.
А́йга.	Я́кьи, головки у саней.
Ля́кпеле, возвращенъ.	Ямга, моровое повѣтріе.
Кыя́угынгенъ, пробужденъ.	Юимачь.
Гейчале.	Э́кымъ.
Ве́лля, ворóна.	Ва́галъ.
У́ммевы.	Ке́пїонъ.
Я́каякъ, Чайка.	Каля́янъ.

Родильницы дней по десяти не выходятъ изъ юрты и не кажутся. При кочеванье возятъ ихъ въ саняхъ закрытыхъ. Дѣтей кормятъ грудью до трехъ лѣтъ и больше, а послѣ пріучаютъ къ мясу. Пеленокъ и пеленокъ не знаютъ, но кладутъ ихъ на землѣ, а во время кочеванья возятъ ихъ за плечами и за пазухой.

Съ болящими водятся прилѣжно. Всѣ болѣзни шаманы лѣчатъ, какъ выше показано, а травами пользоваться не знаютъ.

Умершихъ тѣла сожигаютъ съ нижеписанными обрядами: Сперьва наряжаютъ ихъ во все ихъ лучшее платье, и отвозятъ на мѣсто сожженія на нѣхъ оленяхъ, кои по суевѣрію ихъ умершимъ любы, кладутъ съ ними на великой костеръ дровъ всю збрую ихъ военную и домашную, то есть, копья, сайдаки, стрѣлы, ножи, топоры, котлы и прочая и зажигаютъ. Между тѣмъ, какъ костеръ горитъ, колютъ они оленей, на которыхъ привозятъ мертвыхъ, и сѣдаютъ, а остатки въ огонь бросаютъ.

Любимыми оленьми почитаются, которые будучи впряжены въ сани перевозятъ ихъ чрезъ нарочно подложенной колъ безъ скрыпу полозья. Такимъ образомъ перемѣняютъ они подъ умершимъ паръ по десяти оленей избирая угодныхъ. Лямки такимъ оленямъ кладутъ на лѣвыя плеча а не на правыя, какъ сами ѣздятъ.

Поминовеніе усопшимъ бываетъ токмо однажды, спустя годъ по смерти ихъ. Сродники ихъ берутъ съ собою двухъ каргинъ, то есть нѣжжалыхъ оленей и

великое

великое множество оленьихъ роговъ, которые во весь годъ нарочно копятъ, и пришедъ на мѣсто сожженія, или на другое какое высокое мѣсто, когда мѣсто сожженія вдальнемъ разстояніи, закалаютъ каргины и сѣдаютъ, а рога втыкаютъ въ землю, которые шаманъ во образъ табуна отсылаетъ къ умершему. При возвращеніи въ домы проходятъ между двумя прутами, которые ставятся нарочно для очищенія, и шаманъ стоя при нихъ бьетъ проходящихъ прутомъ же отговаривая, чтобъ умершіе ихъ къ себѣ не брали.

Что касается до другихъ обстоятельствъ и житія сего народа, то нѣтъ между ими и Камчадалами разности. Военное ихъ ополченіе, збруя, труды мужескіе и женскіе во всемъ сходствуютъ: ибо и Коряки по большей части нечаянно нападаютъ на своихъ непріятелей, и военное ихъ оружіе состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ и копьяхъ, которые прежде сего изъ костей же и изъ камней дѣлали; и женщины ихъ въ такихъ же трудахъ упражняются какъ Камчадалки: ибо на нихъ лежитъ вся кожевная, портная и сапожная работа, токмо Коряцкія бабы и ѣсть варятъ, чего Камчадалки не дѣлаютъ. Кожи выдѣлываютъ онѣ лучше и мяхче Камчатскаго, а вмѣсто икры намазываютъ ихъ оленьимъ каломъ. Шьютъ оленьими становыми жилами.

Оленьимъ кожамъ какъ отъ россіянъ, такъ и отъ Корякъ разныя названія: рослыя кожи россіане постелями, а Коряки наманъ называютъ. Кожи большихъ оленей осенніе по россійски недоросыпи, а по Карякски Гаингай-нагланъ; кожи телячьи, то есть, молодыхъ

дыхъ оленей по россїйски пыжики, а по Коряцки хаюйналгамъ. Кожи выпоротыхъ оленей изъ брюха по нашему выпоротки, а по ихъ кйлкаююналганъ, замша по россїйски ровдуга, а по Коряцки начеиганъ.

Главная разность сего народа опъ Камчадаловъ состоитъ въ языкѣ, въ которомъ по счисленію господина Стеллера три дїалекта: перьвымъ дїалектомъ или кореннымъ языкомъ говорятъ Сидячїе Коряки у Пенжинскаго мо́ря и Оленные; и сей языкъ выговаривается мужественно и крѣпко. Другой дїалектъ, которой употребляется у Олюпоровъ, и опъ россїянъ вторымъ морскимъ Коряцкимъ языкомъ называется, весьма крѣпче помяну́таго. Третей Чукоцкой, которой выговаривается лехче, мяхче и съ свистомъ. Впрочемъ между всѣми дїалектами такое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюторы безъ труда другъ друга разумѣть могутъ.

Но есть ли Олюторской дїалектъ поче́сть за особливой, то столько почти будетъ дїалектовъ въ Коряцкомъ языкѣ, сколько острожковъ: ибо нѣтъ такого острожка, въ которомъ бы не было противъ другихъ знатной отмѣны; такимъ образомъ Укинской, Карагинской, островной Карагинской и Чендонской могутъ назваться особливыми дїалектами. Я за коренной Коряцкой языкъ почитаю тотъ, которымъ говорятъ Оленные Коряки, для того что въ немъ ни гдѣ нѣтъ больше́й разности, какъ можно видѣть въ собранїи Коряцкихъ словъ подъ литерами А и Б. О прочихъ можно вообще сказать, что Сидячїе Коряки чемъ далѣ живутъ къ сѣверу, тѣмъ чище говоряпъ

рятъ по Коряцки, а чемъ далѣ къ югу, тѣмъ больше Камчатскихъ словъ употребляютъ, и больше имѣютъ разности въ окончаніяхъ.

Для удовольствія любопытныхъ читателей прилагается собраніе словъ разныхъ Коряцкихъ нарѣчій. Подъ литерою А содержатся слова Оленныхъ Корякъ, которые живутъ въ Сѣверѣ. Подъ литерою Б слова Оленныхъ же Корякъ, которые не въ давные годы лишась табуновъ своихъ поселились на рѣкѣ Авачѣ. Подъ литерою В слова сидячихъ Корякъ; которые живутъ на Укѣ рѣкѣ, а подъ литерою Г слова островныхъ Карагинцовъ. При чемъ надлежитъ вѣдать 1.) гдѣ пишется глаголь съ палочкою на верху (г̄), тамъ оной произносить должно какъ g латинское. 2.) Гдѣ противъ словъ столба А въ столбѣ Б, или противъ словъ столба В въ столбѣ Г ничего не писано, но токмо точки поставлены, тамъ сходство въ словахъ разумѣется.

Собраніе словъ различныхъ Коряцкихъ нарѣчій

	А	Б	В	Г
богъ	Аганъ	Куйкыняху	Куитхунчучь	(не знаютъ)
Дьяволъ	Ала, Яицештыга.	Нингбетынга	Охткана	Нимфитъ
Небо	Іяганъ.	Хаинѣ.	Когаль.	Шилхенъ.
Облака	Гингай.	Хетча нъ.	Гычаангыча.	Шамкажонъ.
Вѣтръ	Кытилъ.	Кытлыхъ.		
буря	Катвуй-гынтай.	Уталъ.	Шепель.	гышхшачганъ.
Дождь	Кумухату.	мутаиму.	Ечхучь.	Куфылкишенъ.
Снѣгъ	Калатытъ.	Галэа Ъ.	Колаалъ.	Пангулкыша.
Градъ	Реклеунъ.	Ийклаутѣ.	Акомчу.	Кахсхвахпынъ.
Громъ	Кыйгила.	Кукыгылаалы	Гыныхличь.	Кгыгалъ.
Молнія	Кумылгылатъ.	. . . .	Акромшламчь.	Милхжеличь.

	А	б	В	Г
Солнце	Тыи́тыку.	. . .	Кулёачь.	Шагалхъ.
Луна	Геи́лыгенъ.	. . .	Дыкуеа-кулёачь.	Шагалхъ.
Звѣзда	Келя́пичанъ	. . .	Ёженичъ.	Ёнгышъ.
День	Галуй.	. . .	Галлъ.	Телу́хшатъ.
Ночь	Ники́чыкъ.	. . .	Дыкуиль.	Тёнкиты.
Утро	Яками́тыкъ.	. . .	Дымкалель.	Тушинтни́къ
Полдень	Гичона-шалу.	. . .	Кунпу́хилечьки.	Хну-телу́-шатъ
Вечеръ	Ачгевингге.	Аибынгытъ.	Азатынулъ.	Тынгфоутыя.
Полночь	Агу́нна-кыша	. . .	Кунну́-дыкуи́ль	Хну-шенки́-ты
Годъ	Гивынъ	Гевёгынганъ	Колколя-хляшъ	Тиха́ишкикъ.
Земля	Нутёлсканъ	. . .	бышимтъ	Нутынютъ.
Гора	Чаю	. . .	Енжалхенъ	Мыша́нкофи.
Пригорокъ	Тенуппелаку	Гённыветъ-кыю	Пёкухчудъ	Мига́нклфи.
Огонь	Ми́лы анъ	. . .	бильгы-мильчь	Ми́лханулъ.
Дымъ	Ипгипъ	Конгалатъ	Га́жунгажъ	Тга́шка.
Жаръ	Бенеганъ Гемиягали	Выкавылъ-Гемылгитъ	Дичёмтъ	Тха́нкалъ.
Вода	Ми́мель	. . .	Ажамъ	Ёинъ.
Поле	Гёчигынъ	. . .	Ашхадъ	
Дорога	Кетчёна	Гёатъ	Шижичь	Шиши́фи.
Лѣсъ	Утумканъ	Утуутъ	Удъ	Нгуфлинъ.
Дерево	Утепель	Утуутъ.	Уа	Нгуфтъ.
Море	Аиканъ	. . .	Ёжгу	Нюигенъ.
Озеро	Гытыгынъ	. . .	Колхъ	Гычь.
рѣка	Уемъ	. . .	Кигъ	Гыхы.
рѣчка	Кангоямпиль	. . .	Кигычукочь	Гыхымтемъ.
Источникъ	Акиамель	. . .	Куичучукочь	Амлантеу.
Песокъ	Геичаамъ	. . .	быжымтъ.	ооо
Грязь	Гемёлкенъ	Лакавелла	Ишканъ	Аулхафе.
Камень	Гугунъ	. . .	Кулль	ооо
Золото / Серебро	не знаютъ			

Мѣдь

	А	Б	В	Г
Мѣдь	Тештелу	Тéче Пылгунтенъ.	не знаютъ, но все желѣзомъ называютъ съ прибавленіемъ цвѣту металла, напримѣръ красное, бѣлое и проч. такъ какъ и другіе Коряки.	
Тазовая мѣдь	Утéлигеля	Нуутекакъ-пылгунтенъ.		
Олово	Óтага-пылгунтенъ. плавкое желѣзо	. . .		
Свинецъ	Мúлгама.			
Желѣзо	Пылгýнтенъ	. . .	Рáлачь	Валáвалъ.
Сталь	Маль-пылгунтенъ	Ныштаканъ-пылгýнтенъ.	[и сіе слово (не	у нихъ новое] знаютъ)
Человѣкъ	Уúмтагула	. . . .	Келгóла	Ошáмчагалъ.
Отецъ	Émписъ	. . . .	Епъ	Пáпа.
Мать	Éлла	. . .	Илэ̀	Éлли.
Сынъ	Акыкъ	. . .	Пéчь	Икýкýъ.
Дочь	Нгавáкыкъ	. . . .	Укчúпеечь	Гуфикуку.
братъ большой	Енúнецiя	Енúнела	Éчежъ	Енинэ̀хшъ.
—— меньшой	Епчáнгги	Еллáнгги	Éлчекочь	Нúнихшъ.
Сестра большая	Енúнель-чакыгетъ	. . . .	Éчúчь	Гуфтюмшъ.
—— меньшая	Ичáнгги-чакы.	. . .	Éчúчекочь	Нúнихшъ.
Мужъ	Хýякучь (гетъ	. . .	Кéнгиль	Инхелнхылшъ.
Жена	Негуенъ	. . .	Лúнгычь	Ныфныхшъ.
Младенецъ	Лóвела	Каякымúнгенъ	Нáкамхачь	Икýкумтъ.
Отрокъ	Кáякапиль	. . .	Когáмнаханкачь	Уякликафтъ.
Отроковица	Хаянгабакыкъ	Хаянгабыткутъ	Ухчúмкачь	Уфтáлскань.
Господинъ	Аймаклау	Аймачанъ	Уúжачучь	Афкылтнафа.
Слуга	Уúняпиль	Уúнги	Коáлу	Мутáхтамтъ.
Служанка	Елúтенгипъ	Пуéльпиль	Охчякоáлу	Нгафáла.
Голова	Лéутъ	. . . .	Колчь	Тéннакалъ.
Волосы	Кычигýй	. . . .	Челгадъ	Лáухчахъ.
борода	Лелý	. . .	Елунъ	Лúлюфъ.
Глаза	Лелáтъ	. . .	Еледъ	Éллифа.
Уши	Вúлютъ	Вилúгги	Úлюдъ	Флúфи.
Носъ	Énигытштамъ	. . . .	Каякó	Éнку.

ротъ

	А	Б	В	Г
Ротъ	Икы́ингенъ	. . . . .	Ша́кша	Ше́кшенъ.
Губы	Уамы́лкалугенъ	. . . .	Кумоонъ	Ганю́лкалъ.
Языкъ	Гы́гелъ	. . . .	Етчилъ	Ла́кша.
Щоки	Ва́лкалты	Е́лпу	Епе́лудъ	Люхлюхуфе
Подбородокъ	Пеée	Кулпынилиту	Пе́гыша	(не знаютъ)
Плечо	Ге́лпыгенъ	. . . .	Тенодъ	Тыла́йкаланъ.
Рука	Ма́ннагылгенъ	. . . .	Шоподнгъ	Ко́нменегланъ.
Перстъ	Ге́лыгатъ	Гелу́гу	Кике́чь	Тылхуфи.
Грудь	Ма́чу	Уа́имъ	Уая	Ваша́тхашъ.
Сердце	Ли́нгелинъ	. . .	Нугу́лгу	Ла́итага.
Брюхо	На́канъ	. . . .	Ке́лидка	На́икнанъгъ.
Чере́ва	Ги́гынгъ	. . .	Ши́гыжидъ	Ши́хши.
Пузырь	Етпы́учиню	. . .	Ды́колишъ	Ичи́чи.
Тайной удъ мужеской	Алка	. . .	Ка́ллака	Е́лка.
Женской	Пе́ннень	. . . .	Конюнъ	Уа́ша.
Спина	Ка́пшынъ	Гы́лакъ	Ка́лангъ	Йшкткашъ.
Но́ги	Гытка́тъ	. . . .	Ка́тхадъ	Хпка́фе.
Платье русское	Маны́гичаиъ	. .	Ко́абыжъ (ихъ шубы)	Куклянка.
Шапка	Пе́нке	. . . .	Га́лалючь	Ке́лламъ.
Штаны	Хона́итмы	. . . .	Ку́е	Кашкашъ.
Чулки	Па́меадъ	. . . .	Па́йманъ	Ана́нгпамiафъ.
Торбасы, ихъ обувь	Плаку	. . . .	Чи́лхенъ	ООО
Острогъ	Уина	. . . .	Шулдъ	не знаютъ
Займка	Каи́немпиль	Каинму	Алымчанъ	
Юрта	Яя́нга	. . . .	Кистъ	Ши́шту.
Дверь	Ты́ллатылъ	. . .	Ду́хчечь	Ла́хшангъ.
Постеля	Аикулъ	. . . .	Лажунчь	Андчь.
Котелъ	Куке́нга	. . .	Кукъ	(не имѣютъ)
Кужия	Хама́нга	уи́лганъ	бу́мбу	Кco.
Ножъ	Ула	. . .	Ула́чь	Рала́валъ
Ложка	Уинъ	. . . .	Кептъ	Кали́калъ.
Лукъ	Игитъ	. . . .	Е́четъ	Ишпъ.
Стрѣла	Ма́кымъ	. . . .	Калхъ	Ма́кма.
Сани	Уешихъ	. . . .	Шишидъ	Ла́шхы.

Лопка

	А	Б	В	Г
Лотка	Áптвутъ	. . .	Кóтхымъ	ооо
Веревка	Игéлытъ	Учигы	Áнашелъ	ооо
Топоръ	ááлъ	. . .	Кбашу	ооо
Узда оленья	Хоúлгенъ	. . .	(имени нѣтъ)	Áхъ-келкия-вéль. Тожъ узда сабачья.
Трава	Уúай	. . .	Шúлшилъ	Шишúшифи.
Корень	Кúпмакинъ	. . .	Пын҃тылдъ	ооо
Листъ	Ґутуутъ	. . .	бехлýмель	ооо
Мясо	Хоя́тауль	. . .	Талтъ	Тоýлтулъ.
Рыба	Ёнаакъ	Ёнюенъ	Йичудъ	Тага́тага.
Икра	Лéлкигенъ	. . .	Кýйчун҃ъ	Лилин҃ъ.
Соль	Анкáмемиль	новыя имена	не знаютъ	
Вино	Екамемиль	мемIлюгаканъ		
Сытой	Ге҃гéюли	Тын҃гéгукъ	Тымгáуши	Тын҃гéюкъ.
Голодной	Купúлаґетъ	Гетпаґин-ґенъ	Екýжичь (ѣсть хочу)	Текш-тбин҃глшъ
Жаждущей	Немéе҃татекопанъ	Гкбпаанъ	Тыкушхужикъ (пить хочу)	Тáмхшин҃гъ.
Пьяной	Гéллелали	Тыкуллелаатъ	Тыáпкожкъ.	(не знаютъ)
Пить	Мúґучикъ	Кýнки	бúгыликъ	ооо
Ѣсть	Мéвуикъ	Кбпуа	бáлолкъ	ооо
Спать	Мúлкатыкъ	Кейлкатъ	бунгуяку, (спать хочу)	Мамфыл-кышкъ.
Говорить	Камыгумуґатъ	. . .	Кажинухшхажикъ (говорить хочу)	Пáнлкукъ.
Молчи	Кыгýмагы	Кáунтвыгы	Куúшужихчь	Тин҃чин҃ъ.
Ѣхать	Кыгé-кенгелаты	Мынáлакала	Кошхъ кокшхажикъ	Мылкатыкъ-áшко.
на оленяхъ Ѣхать	Коúта-Гынéн кенгелаты	Аптпакаганъ мыналакала	(Ѣхать на сабакахъ)	
Итти	Вúчитп хелкатъ	Мынылáкауда	Алтын-ґылшкъ	Тин҃чин҃ъ.
Я стою	Гымма-тыкотвела	. . .	Кемъ-тыкúлижкъ	Гамъ-тетфúлягачь.
Ты стоишь	Гыча-Кбпвела	. . .	Кыже-жúшунъ	Гелъ Iфúлягачь.
Онъ стоитъ	Гнюлъ-Кбпвела	. . .	Дýгудъ-жúшичь	Гешгýишкінъ Iфúлягачь.

Мы стоúмъ

	А	б	В	Г
Мы стоимъ	Чую-Мытъ-кошвелала	. . .	бужь-Лижилишумкъ	Мушхантенъ-Тешфитлягачь.
Вы стоите	Тучу, или Тую, Котвелала	. .	Шуже-жилижъ	Тушхантъ-Тфитлягачь.
Они стоятъ	Ичу Котвелала	. . .	Тылу-Ежиличчижъ	Ичантъ-Тфитлягачь.
Сплю	Тыкуилкатъ	. . .	Тушгуикулшкъ	Танфилгалшъ.
Вижу	Тыкулогонъ	. . . .	Тылшижкъ	Тухчаганъ.
Не вижу	Елауки-Тыкунтыгъ	Чинга Елкатке	Кальчохъ-Тышхлижа	Ухеклятахъ.
Смѣюся	Тыкачачигатыкъ	. . .	Тыделишхылжкъ	Тышанкычь.
Плачу	Тыкотеингатынъ	. . .	Тулижкъ	Тахтытфашъ.
бѣлой	Нилгакынъ	. . . .	Датхало	Ляплянъ.
Черной	Нуукынъ	. . .	Дыжелунгъ	Лвуклекъ.
Красной	Ничичакынъ	. . .	Чачальъ	Лишамфль.
Зеленой	Аплеля	Нуутелякъ	Духлкаралло	Ихчичи.
Синей	Нуутелигыякъ	Нуукынъ	Килхткежу	(не знаютъ)
Желтой	Лиилиль . .	. . . . .	не знаютъ	Шемечемъ.
большой	Немеынкынъ	. . .	Кутхолунъ	Лукаклинъ.
Малой	Еппулукынъ	. . .	Куамкалунъ	Лямклингамтъ.
Высокой	Негенгелохенъ	Нулакынъ	Дашелу	Лыхнблянъ.
Низкой	Дигытпакы	Нутакынъ	Дыжулу	Люхтлю.
Свѣтлой	Нечигакынъ	. . .	Дахылу	Лахплянъ.
Темной	Нувуткакынъ	. . .	Ухта	Лвуклингъ.
Теплой	Номкынъ	. . .	Номлингъ	ooo
Студеной	Накялгакынъ	Ничаккынъ	Дыкелингъ	ooo
Мокрой	Гиткалули	Нилакынъ	Кыжуалингъ	Жегаплька.
Сухой	Гапалинъ	Никичигакынъ	Демелингъ	Гыкшкытынъ.
Живой	Кукюлаатту	. . .	Кыжунылинъ	Юлгачь.
Мертвой	Віала	. . .	Ижа	Висигла.

Рано

	А	Б	В	Г
Рано	Чу́нча-кы-мы̄ты	. . .	Бенкóманъ	ооо
Поздо	А́йгывынгē-ты	. . .	Ухта́ (темно)	ооо
Сего дня	Учéчинъ	Е́чигы	Дéнгу	И́нгутъ.
Завтра	Мы̄ты́у	. . .	Лы́мкочаку	Га́слунгатъ.
Послѣ завтра	Мы́туяняккынякъ	Голы́нъ-мы́ттынъ	Кóлатажъ	(не знаютъ)
Вчера	А́йгыве	. . .	Е́тынумъ	Ты́нгфи.
Третьяго дня	Явеколеалъ	Нгпока́лгунъ	Кóлгатажъ	(не знаютъ)
Впередъ	Яноты́нъ	. . .	Дукакъ	Нупе́ланъ.
Назадъ	Ява́летъ	А́валъ	Шалкъ	Калгы́шилкышъ.
1	Е́ннень	. . .	. . .	И́н шинякъ.
2	Нгнегъ	. . .	. . .	Нитшякавъ.
3	Нпокынъ	. . .	. . .	Нгжóкавъ.
4	Ни́аденъ	. . .	. . .	Нгжа́кавъ.
5	Мы̄лленгē	. . .	счи	Мы́нланка.
6	Е́нанъ-мыленге	. . .	. . .	Ингы̄нашитъ
7	Ни́колетенгакъ	. . .	сленіе	Нгы̄шты-акашитъ
8	Нпóколементакъ	. . .	. . .	Нгы̄шпакашитъ
9	Хоня́аичинканъ	. . .	все	Нгы̄шаакашитъ.
10	Мынигы̄ткенъ	. . .	. . . ни	Тама́лгаша.
11	Мынигы̄ткенъ-Е́ннень	Е́ннень-копаюлангы̄и	. . .	Прочее по
12	—— Нпегъ	Нпегъ-копаюлангы̄и	вчемъ	примѣру
13	—— Нпокынъ	Нпокынъ		корякъ людьми
19	Мынигы̄ткенъ-хоняаничинканъ	Хоняаничинкавъ-копаюланги	отъ	считаютъ,
20	Олъ-калы́къ [цѣлой	Опта-кала́у человѣкъ]	сѣверныхъ	какъ двадцать

30

	А	Б	В	Г
30	Калы́ка-мынпыгы̄ткенъ	Ніокы мынпыгыткенъ	Как	одинъ человѣкъ, а по ихъ учáмчагалъ, 40 два человѣка и прочая, а къ неравному числу прилагаютъ 10 какъ напримѣръ 30 по ихъ одинъ человѣкъ и десять
40	Ніегъ-ка́ла-улатъ (два человѣка	Ніáкенъ-мынигы̄ткенъ	ча	
50	Ніегъ-калыкатъ (два человѣка	Мы̀лленте-мынни-гы̄ткенъ и десять)	да	
60	Ніокъ-кала́улатъ	Е́ннанъ-мылленте-мынигытткенъ	ловъ	
70	Ніокъ-калыкатъ-мынни-гыткенъ	Ніáколемен-гакъ-мынни-гы̄ткенъ	ие	
80	Ніа-калыкатъ	Ніоколемен-гакъ-мынни-гы̄ткенъ	разнствуетъ	
90	Ніа-калыкатъ-мынни-гыткенъ	Хоняанчин-канъ-мынни-гы̄ткенъ		
100	Мыллен̄ге-калы́катъ (пять	Мылле-генъ-колау человѣкъ)		

Коряцкія Званія рыбамъ, звѣрямъ, птицамъ, плодамъ и произрастающимъ, которыя имъ знаемы.

Красная рыба, у́ювай.
Чавыча, с́вочь.
Кета, кепáакатъ.
Горбуша, ка́лалъ.
Мальма, унты́вытъ.
Мыкызы, я́мколанъ.
Харїузы, кы́пчагу.
бѣлая рыба, иканнаканъ.
Кунжа, ока́нча.
Гольцы рѣчные, ка́нивышыгу
Камбала, Алпа.
Вахня, Уя́канъ.
Уйкѝ, гушыгыкъ.

Рамжа или быкъ, ы́лаалъ.
Мокой, ма́каю.
Касатка, ину́ату.
Сука рыба, а́ттаганъ.
Раки морскіе, яе́тъ.
Киты, ю́унги.
Тюлени обыкновенныя, ме́мель.
—— лахтаки, калы́ла.
—— малые, у́итувытъ.
—— полосатые, му́тчунъ.
Бѣлуги, Ги́ттыгыитъ.
Сивучи, у́лу.
Бобры, ка́лага.
Коты, та́лача.
Соболи, кыпыгымъ.
Лисицы, я́юнъ.
Медвѣди, Ка́ингга.
Волки, сгы́лунгунъ.
Горностаи, и́мягчакъ.
Выдры, не́нгетъ.
Зайцы, ми́лутъ.
Песцы, иппунъ.
Россомахи, хае́ппей.
бараны каменные, кыпы́пъ.
Олени, лу́гаки.
Тарбаганы, гете́у.
Евращки, [illegible]лаакъ.
бѣлки, яву́лла.
Лебеди, ка́нчанъ.
Гуси, гейто́анпъ.
Селезни, Воспрохвосты, } Гейчогачи.
Чернети, Аингагалъ.
Плутоносы, уалпигали.
Чирки, у́галгапылъ.
Крохали, я́ллалъ.
Го́голи, и́лыгали.
Гагары, ёова́ю.
Лутки, яла́лгалгапинъ.
Немки, Вечопоалъ.
Орлы, ти́лмыпи.
Соколы, ты́лмыпылъ.
Мышеловы, ече́учики.
Ястребы, ихуланъ.
Во́роны, тоха́учававалууе́лле.
Воро́ны, нимелла-уе́лле.
Соро́ки, уикыпыгынъ.
Ласточки, Стрижи, } Кавалингекъ.
Тресогуски, говы́нку.
Куропатки, ёе́уевъ.
Теперевы глухіе, кына́ту.
Дятлы, Желны, } у́икычикычанъ.
Кулики, чеёея.
Снигири, и́лкываша.
Жаворонки, ге́ачесй.
Кокушки, ка́икукъ.

Чайки, я́каякъ.
Маргышки, каны́чуӯгу.
Кедровки, кака́чу.
Савки, а́алыкъ.
Игылмы, кы́чуӯгунӯаллы.
Ару, каю́ку.
Урилы, ӯи́лкулъ.
Спарики, и́ныпилалапъ.
Березникъ, лугу́нъ.
Тополникъ, яка́лъ.
Вѣтельникъ, ты́кылъ.
Ольховникъ, ни́кылӯонъ.
—— каменной, у́ичугуй.
Ребинникъ, ело́енъ.
Сланецъ, капчивокъ.
Можжевельникъ, ва́лвакычу.
Боярышникъ, пи́шкича.
Черемошникъ, елоенъ, тожъ по ихъ что рябина.
Шиповникъ, пичку́чанъ.
Жимолосникъ, ны́чивоу.
Тальникъ, ӯаи.
Морошка, еттыетъ.
Голубица, Ли́нӯалъ.
Водяница, ӯечу́бана.
Брусница, ӯыи́наанъ.
Княженица, у́яитъ.
Толокнянка, Кычи́ммуна.
Клюква, емелкевына.

Сими именами рыбу, птицъ и прочая называютъ Сидячіе Коряки; а Оленные не столь любопытны, чтобъ они и то знать или называть могли, чемъ не пользуются. И хотя впрочемъ много изъ того имъ извѣстно, однако какъ ихъ имена писать, такъ Укинскія и Карагинскія разсудилось мнѣ за излишнее: ибо Укинцы называютъ всѣ вещи отчасти по Камчатски а отчасти по Курильски, а Карагинцы по Коряцки съ нѣкоторою малою отмѣною: такъ на примѣръ, гусь по Камчатски кейшугышь, по Укински кейшугашь, по Коряцки гейтуанъ, а по Карагински ейегету.

Которые живутъ на рѣкѣ Карагѣ, а не на острову, тѣ отъ жителей островныхъ въ томъ наипаче

отмѣн-

отмѣнны, что вмѣсто ф произносятъ г̄, вмѣсто в въ началѣ произносятъ И: такъ на примѣръ, вмѣсто вихуфи ногти вегевуги, вмѣсто стегету гусь итуитъ.

Тигильскіе сидячіе Коряки также какъ и Укинскіе болыпе имѣютъ сходства въ языкѣ съ Сѣверными Камчадалами, нежели съ Оленными Коряками, хотя слова ихъ такъ испорчены, что едва и узнать можно, а особливо въ разговорахъ. Кратко сказать, всѣ сидячіе Коряки чѣмъ ближе живутъ къ Камчадаламъ, тѣмъ больше имѣютъ и сходства съ ними, а чѣмъ къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ по Коряцки.

ГЛАВА 22.

О Курильскомъ народѣ.

Курильской народъ житіемъ своимъ такъ сходенъ съ Камчадалами, что не надлежало бы особо и писать о немъ, естьли бы въ тѣлесномъ видѣ и въ языкѣ не было различія. Откуду сей народъ имѣетъ произхожденіе, о томъ столь же мало извѣстно, какъ и о другихъ Камчатскихъ народахъ; а можно ли по ихъ языку сколько ни будь изслѣдовать, оное оставляется такимъ людямъ, кои въ томъ трудятся по искусству своему и по должности: чего ради и пріобщено на концѣ сей главы собраніе словъ Курильскаго языка.

Сей народъ ростомъ средней, волосомъ черенъ, лицемъ кругловатъ и смуголъ, но гораздо пригоже другихъ народовъ. Бороды у нихъ большія окладистыя

стыя. Тѣло мохнатое, въ чемъ состоитъ знатная разность отъ Камчадаловъ.

Мужеской полъ волосы напереди бреетъ до самой верхушки, а назади ростятъ, въ чемъ съ Японцами имѣютъ сходство, отъ которыхъ, можетъ быть, по причинѣ бывшей прежде сего комерціи и обычай оной приняли; а женской токмо подрѣзываетъ ихъ спереди, чтобъ глаза не закрывали. Губы у мунщинъ на срединѣ токмо, а у женщинъ всѣ вычернены, вкругъ разшиты узорами. Сверьхъ того и руки разшиваютъ онѣ почти по локоть, вчемъ нѣсколько сходствуютъ съ Чукчами и Тунгусами. Всѣ вообще носятъ въ ушахъ большія серебреныя кольца, которыя прежде сего получили отъ Японцовъ же.

Платье носятъ изъ кожъ морскихъ птицъ, также лисье, бобровое и изъ другихъ морскихъ звѣрей, которое шьютъ по Тунгусскому образцу, то есть распашное, а не по Камчатскому; причемъ не наблюдаютъ того, чтобъ платье было изъ одной матеріи, но шьютъ изъ чего прилучится, такъ что и понынѣ рѣдкую Курильскую парку увидишь, которая бы не изъ лоскутья разныхъ звѣрей и птицъ была здѣлана.

До богатаго по тамошнему мѣсту платья, каково на примѣръ суконное, камчатое и прочая, великіе охотники, токмо весьма небережливы. Въ лучшемъ аломъ кармазинномъ кафтанѣ тюленя на себѣ нести не устыдится, не взирая на то, что измаретъ платье, которое ему стоитъ дорого. На покрой не много же смотрятъ: все имъ равно, мѣшкомъ ли платье сшито или по-кости, только бы ему цвѣтъ

былъ

былъ любъ, да надѣть на себя льзя было. Стеллеръ пишетъ, что нѣкоторому Курильцу камчатая тѣлогрѣя понравилась, въ которой онъ ходилъ озираяся и любуясь ею, не смотря на то, что другіе казаки смѣялись надъ нимъ, что онъ носитъ женское платье. Ему, можетъ быть, казалось равно всякое платье: ибо у нихъ въ своемъ платьѣ разности нѣтъ между мужескимъ пóломъ и женскимъ.

Живутъ въ такихъ же юртахъ какъ Камчадалы, токмо ихъ держатъ нѣсколько чище, убирая стѣны и пóлки травяными рогожами. Питаются наибольше морскими звѣрями, а рыбы промышляютъ мало.

Бога столь же мало знаютъ, какъ и Камчадалы. Въ юртахъ имѣютъ вмѣсто идоловъ кудрявыя стружки, которыя они весьма хитро дѣлаютъ. Сіи стружки называютъ они Йнгулъ или Иннаху, содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи, однако не могъ я того вывѣдать, за бѣсовъ ли они ихъ вмѣняютъ или за бога. Въ жертву приносятъ имъ перьвопромышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами сѣдаютъ, а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за ветхостію оставляютъ, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жертвенныхъ кожъ, ни стружекъ, впрочемъ носятъ они съ собою оныя стружки во всякія опасныя пути на море, и бросаютъ въ случаѣ бѣдствія въ воду, а наипаче въ сувóи, что между перьвымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, которыя тѣмъ умилостивить надѣются. Такой образъ идолослуженія приняли отъ Курилъ и южные Камчадалы, кои живутъ на перьвомъ Курилскомъ острову и на лопаткѣ, какъ

надежное средство къ безопасному плаванію по мо́рю.

Лѣтомъ ѣздятъ на байдарахъ, а зимою ходятъ на лыжахъ, ибо сабакъ не держатъ и не имѣютъ. Мужескіе главные труды, промыселъ морскихъ звѣрей: женщины по примѣру Камчадалокъ въ шитьѣ и въ плетеньѣ чиреловъ упражняются, а въ лѣтнее время ѣздятъ съ мужьями и на промыселъ въ греблѣ.

Что касается до ихъ обычаевъ, то они не сравненно учтивѣе другихъ народовъ: а притомъ постоянны, праводушны, честолюбивы и кротки. Говорятъ тихо не перебивая другъ у друга рѣчи, какъ сидячіе Коряки. Старыхъ людей имѣютъ въ великомъ почтеніи. Между собою живутъ весьма любовно, особливо же горячи къ своимъ сродникамъ. Пріятное, сказываютъ, позорище, когда бываетъ между живущими по разнымъ островамъ свиданіе: Пріѣжжіе съ байдаръ своихъ, а жители изъ юртъ съ великими обрядами сходятся; объ стороны одѣты бываютъ въ военное платье и съ оружіемъ махая саблями и копьями, натягивая другъ противъ друга лу́ки, такъ какъ бы быть сущему сраженію, а притомъ всѣ пляшутъ. Сошедшись вмѣстѣ оказываютъ всякіе знаки радости: обнимаютъ, лобызаютъ и плачутъ отъ радости. Послѣ того приводятъ гостéй въ свои жилища, сажаютъ ихъ, подчиваютъ предстоя и слушая вѣстей о ихъ приключеніяхъ случившихся въ разлученіи. Должность разсказывать никому не поручается кромѣ старшаго. Онъ какъ ораторъ объявляетъ о всѣхъ мѣлочахъ, какъ промышляли, какъ жили, куда ходили, что видѣли, съ кѣмъ учинилось щастіе и нещастіе, кто

не

немогъ или умеръ и отъ какой притчины ; и иногда болѣе трехъ часовъ продолжаетъ рѣчь свою, а прочіе слушаютъ со вниманіемъ. Когда гость окончитъ рѣчь свою, то изъ тупошнихъ лицелей старшей подобнымъ образомъ сказываетъ про свое житье и промыслы, и прежде того никому другъ съ другомъ говорить не льзя. Послѣ того или сѣтуютъ, или веселятся по вѣстямъ смотря, а наконецъ торжествуютъ по своимъ обычаямъ, ѣдятъ, пляшутъ, поютъ и сказываютъ скаски.

Что касается до прочихъ обрядовъ; каковы напримѣръ сватанье, свадьбы, родины, дѣтей воспитаніе, впомъ они отъ Камчадаловъ не разнствуютъ. Женъ имѣютъ по двѣ и по три, и вмѣстѣ съ ними никогда не спятъ, но въ ночное время приходятъ къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру Татаръ Махометанскаго закона, кои къ невѣстамъ своимъ приходятъ аки бы тайно, пока калыму не заплатятъ по договору. Есть же у нихъ и Коёкчучи, какъ у Корякъ и Камчадаловъ.

Буде кто у нихъ приличится въ прелюбодѣяніи, то бываетъ странной поединокъ, на которомъ бьются они палкою, а вызываетъ на оной прелюбодѣецъ мужа прелюбодѣйницы: раздѣваются оба до нага, и разятъ другъ друга по спинѣ. Которой вызываетъ, тотъ сперва три раза отъ вызваннаго долженъ вытерпѣть, а потомъ беретъ у него палку, и бьетъ равнымъ образомъ, и такъ перемѣняются до трехъ разъ. Сіе побоище много у нихъ вѣку уноситъ: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бываетъ толщиною въ руку, а длиною близко аршина. Иейти

на

на поединокъ такоежъ безчестіе, какъ у нѣкоторыхъ Европейскихъ народовъ. Ежели же кто предпочтетъ свое здоровье, и отречется отъ бою, тотъ долженъ заплатить мужу прелюбодѣйцы такое безчестіе, какого онъ потребуетъ, звѣрьми, платьемъ, кормомъ и другими вещами.

Родины у женщинъ ихъ гораздо тяжелѣ Камчатскихъ: ибо онѣ, по объявленію самихъ Курильцовъ, мѣсяца по три оправляются. Младенцамъ имена даютъ бабки повивальныя, которыхъ они никогда не перемѣняютъ. Изъ двойнишныхъ одного всегда убиваютъ.

ИМЕНА МУЖЕСКІЯ,	ИМЕНА ЖЕНСКІЯ.
Липа́га.	А́фака.
Етеханъ.	Заагше́мъ.
Таталъ, черной.	Чека́ва.
Пиканкуръ.	Ка́зукчь, плачущая, отъ того, что родилась она въ самое время покоренія страны ихъ.
Галга́лъ.	
Темпше.	

Умершихъ зимою хоронятъ въ снѣгъ, а лѣтомъ въ землю. Самоубивства и въ семъ народѣ не меньше бываетъ какъ у Камчадаловъ, токмо того не слышно, чтобъ они морили себя голодомъ.

Курильцовъ, которые живутъ на первомъ острову и на лопаткѣ, съ сими Курилами за одинъ народъ почитать не должно, ибо оные сущіе Камчадалы, какъ уже выше показано.

Собраніе

Собраніе словъ Курильскаго языка.

Богъ, камýй.
Дьяволъ, уи́нъ-камуй.
Небо, ниссъ.
Облака, уура́ръ.
Вѣтръ, ксера.
Буря, и́сїупу.
Дождь, сируге́нъ.
Снѣгъ, у́пашъ.
Градъ, кауки́гъ.
Громъ, умъ.
Молнія, камуй-сїуунѐ.
Солнце, Луна, } чуппу́.
Звѣзда, кета.
День, то.
Утро, нисїа́тъ.
Полдень, то́ананашкй.
Вечеръ, онуума́нъ.
Ночь, сиркуннѐ.
Полночь, упаканнашкй.
Годъ, тыюанъ.
Земля, котанъ.
Гора, отгу́ръ.
Пригорокъ, о́ннанъ-отгу́ръ
Огонь, ашй.
Дымъ, сїупу́я.
Жаръ, а́пїушатъ.
Вода, пи.
Поле, Сїсшъ.
Дорога, ру.
Лѣсъ, ни.
Дерево, янтурасній.
Море, Атуйка.
Озеро, то.
рѣка, петъ.
рѣчка, мемъ.
Песокъ, ота.
Грязь, шейнитой.
Камень, поина.
Желѣзо, кааній.
Человѣкъ, аину.
Отецъ, ми́чи.
Мать, а́апу.
Сынъ, кпугу.
Дочь, кпоммачй.
Братъ большой, кіупй.
—— меньшой, какй.
Сестра большая, кса.
—— меньшая, уарма́тъ.
Мужъ, какаїо.
Жена, кмачй.
Отрокъ, пу́мпу.
Дѣвочка, пу́матъ.
Господинъ, тоно́.
Слуга, усйху.
Служанка, кусїугѐ.
Голова, паопъ.
Волосы, чу.

Борода, трекъ.
Глаза, сикъ.
Уши, ксаръ.
Носъ, стӯ.
Ротъ, чаръ.
Губы, чаашо́и.
Языкъ, а́ху.
Щоки, нуткиху.
Подбородокъ, сеурѐ.
Плечо, тапсӯтъ.
Рука, текъ.
Перстъ, моакѝ.
Грудь, рамутӯръ.
Сердце, сампѐ.
Брюхо, псе.
Внутреннее, канкà.
Пузырь, псе́хчингы́чу.
Тайной удъ мужеской, чи.
—— —— женской, чипъ.
Спина, сетӯръ.
Но́ги, кемà.
Платье, уръ.
Шапка, ко́нчи.
Шпаны, оїо̀.
Обӯвь, киръ.
Остро́гъ, котанунѝ.
Юрта, че.
Дверь, пӯюръ.
Постеля, со.
Котелъ, сю.
Деревянная ихъ посуда, кишѝ.

Ножъ, епира.
Ложка, пасӯй.
Лукъ, ку.
Стрѣла, а́хи.
Санки, Шкенѝ.
Байдара, чипъ.
Причалъ, туръ.
Топоръ, укàръ.
Рыба, сїйчипъ.
Икра, омà.
Мясо, камъ.
Соль, сиппӯ.
Трава, мунъ.
Листъ, Нїепъ.
Корень, синрѝпъ.
Яицо, но́ки.
Сытъ, касинӯ.
Голоденъ, исїарѐ.
Жаженъ, ипекрейкѐ.
Ѣсть, ишамà.
Пить, кпекреинӣуà.
Спать, кмо́конросива.
Говорить, ки́токросива.
Молчи, си́н-кипокросива.
Ѣхать, око́мокросива. (ва.
Иттти, сачи́пеека-комснроси-
Я стою, ка́нига-ка́сїануа.
Ты стоишь, еà сїанà.
Онъ стоитъ, еà сїануа.
Мы стоимъ, ро́ски-еараскгà.

Вы стойте

Вы стоите, синкечь-роски-
еирана.
Они стоятъ, ока я-роски чуа
Сплю, кмукуруа.
Вижу, Кинкаруа.
Не вижу, еинъ-кинкаруа.
Не сплю, еинъ-кмукаруа.
Смѣюся, кмеинуа.
Плачу, кчиштануа.
Бѣлой, ретаноо.
Черной, екуроко.
Красной, ураштиткива.
Зеленой, теунинуа.
Желтой, ураштиткиканану.
Большой, Порого.
Малой, моіого.
Высокой, тріива.
Нискій, орамуа.

Свѣтлой, сирбикируа.
Темной, серикуроко.
Теплой, исеасекка.
Студеной, имеранки.
Мокрой, рикануа.
Сухой, сатгуа.
Живой, сикнуха.
Мокрой, раіуа.
Рано, насіаатъ.
Поздо, окунуменаку.
Сего дня, Тани.
Завтра, Насіаатпіа.
Послѣ завтра, икусіуаитто.
Вчера, нууманъ.
Третьяго дня, икусіуаитто
(тожъ что послѣ завтра.)
Впередъ, ириси.
Назадъ, енокауа.

счетъ ихъ.

1, синенъ.
2, туупъ.
3, репъ.
4, инеипъ.
5, асикъ.
6, иванъ.
7, аруанъ.
8, тубисъ.
9, синеписъ.
10, ууписъ.
11, синепъ-икаемуа.
12, туупича } икасмуа.
13, реепичь }
19, синеписанъ.

20, туампе.
30, реуампе.
40, инеуампе.
50, асикнеуампе.
60, ивануампе.
70, аруануампе.
80, тубисануампе.
60, синеписануампе.
100, уануампе.
200, туануампе.
1000, уаноппеуампе.
2000, туаноппеуампе.
10000, тевановнеуампе.

званія Звѣрямъ птицамъ и рыбамъ и другимъ извѣстнымъ имъ вещамъ натуральнымъ.

Лисицы, кимутпѣ.
Волки, ортїу.
Горностаи, таннерумъ.
Собака, спапў.
Мышь, ермў.
Китъ рика.
Кеты морскіе, оннѣлъ.
Сигучи, етаспѣ.
Бобры морскіе, раккў.
Нерпы большія, ретаткоръ.
—— пестрыя, спантораси.
—— полосатыя, каанень.
—— голыя, амуспѣ.
Свинки морскія, окў.
Бѣлуги, бе́зчурика.
Гуси, куйпупъ.
Селезни, саанчичь.
Востроxвосты, паакариху.
Чернети, яичйрь.
Чирки, туурїуѣ.
Гоголи, чахчирь.
Крохали, ту́ипе.
Гагары, сесь.
Немки, ну́кеспу.
Орлы, сурїўрь.
Я требы, кикисўпъ.
Мышеловы, расамай.
Вороны, па̀скурь.
Сорбки, какуькъ.
Ласточки } куякана.
Стрижи }
Синицы, пайкаичйрь.
Куропатки, ніе́пуе.
Кулики, е́чкумамуе.
Зуйки, пе́торой.
Жаворонки, ри́кинчирь.
Кекушки, какъокъ
Чайки бѣлыя большія, о́ннемасъ.
Чайки чорныя большія по́нгапифъ.
—— малыя, керо.
Мартышки, си́чаача.
Савки, аанга.
Игылмы, е́тубирга.
Ару, аара.
Уриль, урйль.
Спарики, гекачичирь.
Красная рыба, Си́чипъ.
Камбала, таптака.
Чавыча, чивырра.
Кета, сіипѣ.
Горбуша сіакипа.
Гольцы, у́суркума.
Быки сійсяшки.
Бѣлая рыба, ки́рурпа.
Кунжа, окорра.
Скатъ, у́пшапупару.
Сука рыба, раунипѣ.
Налимъ морской, сирбўкъ.
Раки морскіе, сирїарь.
Ольховникъ, ась.
Рябинникъ, ко́ксунени.
Сланецъ, паксепни.
Жимолосникъ па́шкурачкумамай
Шиповникъ, ко́поконъ
Жимолосникъ, е́нумитанне.
Тальникъ, сусў.
Морошка, а́пнуменпъ.
Голубица, е́нумукупа.
Водяница, е́чкумамай.
Брусиница, ніпопкинъ.
Княженица, нукару́рь.
Толокнянка, акагкапу.
Клюква, асытъ.
Капуста морская большая, ктусасъ.
—— малая съ краснымъ листьемъ, ма́руай.
—— особливаго роду, ирпѣтъ.

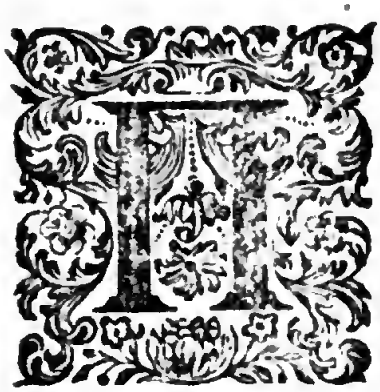
ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О покоренїи Камчатки, о бывшихъ въ разныя времена бунтахъ и измѣнахъ, и о нынѣшнемъ состоянїи Россїйскихъ остроговъ.

ГЛАВА I

О первомъ извѣстїи про Камчатку, о походахъ Камчатскихъ и о заведенїи въ той странѣ россїйскаго поселенїя.



О распространенїи россїйскаго владѣнїя въ сѣверѣ, и позаведенїи селенїя по знатнѣйшимъ рѣкамъ впадающимъ въ Ледовитое море, отъ Лены рѣки къ востоку до Анадырска, часъ отъ часу болѣе старанїя было прилагаемо, чтобъ отъ

Анадырска далѣе провѣдывать зе́мли, и живущихъ тамъ иновѣрцовъ приводить въ подданство; чего ради всякому прикащику накрѣпко было подтверждаемо, чтобъ всѣми мѣрами домогаться получить извѣстіе, гдѣ какой народъ живетъ, сколь многолюденъ, какое имѣетъ оружіе, какое богатство и прочая. Такимъ образомъ не могла Камчатка не быть извѣстна еще въ то время, когда нѣсколько Корякъ Пенжинскаго и Олюторскаго морей изъ Анадырска были объясачены, ибо имъ какъ сосѣдямъ Камчатскимъ, а паче Оленнымъ корякамъ, которые часто кочуютъ внутрь самой Камчатки, тамошней народъ довольно былъ знаемъ. Но кто первой изъ россійскихъ людей былъ на Камчаткѣ, о томъ не имѣю достовѣрнаго свидѣтельства; а по словеснымъ извѣстіямъ приписывается сіе нѣкакому торговому человѣку Ѳедоту Алексѣеву, по котораго имени впадающая въ Камчатку Никулъ рѣчка Ѳедотовщиною называется: будто онъ пошелъ изъ устья рѣки Ковымы Ледовитымъ моремъ въ семи кочахъ, будто погодою отнесенъ отъ другихъ кочей и занесенъ на Камчатку, гдѣ онъ и зимовалъ со своимъ кочемъ, а на другое лѣто обшедъ Курильскую лопатку дошелъ Пенжинскимъ моремъ до рѣки Тигиля, и отъ тамошнихъ Корякъ убитъ зимою со всѣми товарищи, къ которому убивству аки бы они причину сами подали, когда одинъ изъ нихъ другаго зарѣзалъ: ибо Коряки, которые по огненному ихъ оружію выше смертныхъ почитали, видя что и они умирать могутъ, не пожелали имѣть у себя гостей толь страшныхъ. Извѣстіе

стӥе въ разсужденіи морскаго его пути съ Ковымы рѣки подтверждается отпискою служиваго Семена Дежнева : ибо Дежневъ объявляетъ , что морское ихъ путешествіе было не благополучно , торговаго человѣка Ѳедота Алексѣева разнесло съ нимъ погодою безъ вѣсти , его носило по мо́рю долгое время , а напослѣдокъ выбросило на берегъ въ передней конецъ за Анадырь рѣку. Но въ разсужденіи бышности его на Камчаткѣ , и что Никулъ рѣчка Ѳедоповщиною по имени его называется , нѣсколько сумнительно : ибо въ той же его отпискѣ показано , что въ 7162 году ходилъ онъ Дежневъ возлѣ мо́ря въ походъ , и опзилъ у Корякъ Якутскую бабу помянутаго Алексѣева, которая ему сказывала , что Ѳедотъ съ однимъ служивымъ цынгою умерли , а иные товарищи ихъ побиты , и остались невеликіе люди , и побѣжали въ лодкахъ одною душею , а куды невѣдомо. Что́жъ касается до построенныхъ на рѣкѣ Никулѣ зимовей , то и отъ самихъ Камчадаловъ подтверждается , что оныя Россійскими людьми поставлены , а развалины ихъ до нашихъ временъ были видимы.

Но сія разность въ извѣстіяхъ кажется отвращена быть можетъ , ежели положить , что Ѳедотъ съ товарищи не на Тигилѣ погибъ , но между Анадыремъ и Олюторскимъ ; ибо такимъ образомъ не противно будетъ извѣстіямъ , когда представимъ себѣ , что онъ и на Камчаткѣ зимовалъ съ кочемъ своимъ, и въ кругъ лопатки доходилъ до рѣки Тигиля , что оттуду обратно слѣдовалъ къ Анадырску или моремъ , или сухимъ путемъ по Олюторскому бе́регу , и на пу-

ши

ти умерѣ, а прочіе его товарищи или побиты, или безвѣстно пропали, хотя отъ убивства избавившься. Но какъ бы то ни было, однако сей походъ и невеликой былъ и невеликой важности; для того что не послѣдовало отъ него никакой пользы, не токмо въ разсужденіи государственнаго интереса, но ниже въ разсужденіи надежнѣйшаго извѣстія о землѣ Камчаткѣ: ибо, какъ выше показано, никого изъ объявленнаго походу не явилось выходцовъ; чего ради первымъ походомъ на Камчатку можно почесть походъ казачья пятидесятника Володимера Атласова.

Оной Атласовъ въ 7203 году присланъ былъ изъ Якутска прикащикомъ въ Анадырской острогъ, и велѣно ему было, такъ какъ прочимъ прикащикамъ, ясакъ збирать съ присудныхъ къ Анадырску Корякъ и Юкагирей, и стараться о пріискѣ вновь людей, и о приведеніи ихъ подъ самодержавную Государеву руку. Въ 7204 году посланъ отъ него былъ къ Анаулскимъ Корякамъ Лука Морозко въ 16 человѣкахъ за ясашнымъ зборомъ, которой по возвращеніи своемъ объявилъ, что онъ не только былъ у оныхъ Корякъ, но и до Камчатки не доходилъ токмо за 4 дни, и въ томъ походѣ взялъ онъ Камчатской острожекъ, а на погромѣ получилъ не вѣдомо какія письма, которыя объявилъ Атласову.

По сему извѣстію Атласовъ взявъ съ собою 60 человѣкъ служивыхъ, да такожъ число Юкагирей, а въ Анадырскомъ оставя 38 человѣкъ служивыхъ, отправился въ 7205 году послѣ ясашнаго збору на Камчатку, и въ томъ походѣ склонилъ онъ лестію къ ясаш-

къ ясашному плателжу Акланской, Камен-ной и усть-Таловской острожки, да одинъ боемъ взялъ. *Послѣ того, какъ сказываютъ, раздѣлилъ онъ партію свою на двое, половину послалъ на Восточное море подъ командою Луки Морозки, а съ другою самъ по Пенжинскому морю слѣдовалъ. На Палланѣ измѣнили ему союзники его Юкагири, 3 человѣкъ служивыхъ убили, да 15 человѣкъ и его Атласова ранили, однакожъ намѣренія своего, чтобъ всѣхъ побить, не исполнили: ибо казаки справясь отбили прочь оныхъ злодѣевъ, и не взирая на то, что лишились ихъ помощи, предпріятія своего не оставили; но продолжали походъ свой далѣе къ югу. На Тигилѣ рѣкѣ соединились паки обѣ партіи, и собрали ясакъ съ иноземцовъ живущихъ по Напанѣ, Кигилю, Ичѣ, Ступчѣ и Харьузовой рѣкахъ, а до **Каланской рѣки не дошли они токмо за три дни. Будучи же на Ичѣ взялъ онъ у Камчадаловъ полоненика Узакинскаго (Японскаго) государства.

Оттуду возвратился онъ назадъ, и шелъ тоюже дорогою до рѣки Ичи, а съ Ичи перешедъ на Камча-

ш пку

*Атласовъ въ отпискѣ своей въ Якутскъ о раздѣленіи партіи не упоминаетъ, но пишетъ, что по потомленіи острога пошелъ онъ въ Олюторскую землю Февраля 1 дня, однако словесное извѣстіе, что не самъ онъ туда ходилъ, но партія, отъ достовѣрныхъ людей подтверждается.

**Понеже нынѣ никакой рѣки на Камчаткѣ Каланкою не называютъ, чего ради заподлинно знать не возможно, до которыхъ мѣстъ доходилъ Атласовъ: а по словеснымъ извѣстіямъ Камчатскихъ старожиловъ, доходилъ оной до рѣки Нынгычу, что нынѣ Голыгиною называется, по имени казака Голыгина, которой въ ономъ Атласовомъ походѣ пропалъ безвѣстно: чего ради думать должно, что Атласовъ подъ именемъ Каланской рѣки разумѣетъ Игдыгъ или рѣку Озерную, на которую съ Голыгиной переѣзжаютъ въ третій день; а Каланскою назвалъ онъ ее, можетъ быть, по бобрамъ морскимъ, которые тамъ промышляются, и прежде сего писались Каланами.

шку рѣку построилъ верхней Камчатской острогъ, и оставя въ немъ служиваго Потапа Серюкова въ 15 человѣкахъ выѣхалъ въ Якутскъ 7208 году Іюля 2 дня, и вывезъ съ собою Японскаго плѣнника и ясачную Камчатскую казну, которая состояла въ 80 сорокахъ соболей, въ собольей паркѣ, въ 10 бобрахъ морскихъ, въ 7 лоскутахъ бобровыхъ, въ 4 выдрахъ, въ 10 лисицахъ сиводущепыхъ, въ 191 лисицѣ красныхъ; да у него было собственныхъ соболей на товары, какъ пишетъ, вымѣненныхъ, 11 сороковъ соболей. А изъ Якутска онъ отправленъ съ тою казною къ Москвѣ, гдѣ за помянутую свою службу пожалованъ казачьимъ головою по городу Якутску, и велѣно было ему паки на Камчатку слѣдовать, набравъ 100 человѣкъ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изъ тамошнихъ казачьихъ дѣтей въ казачью службу, и для того походу указано было снабдить его какъ въ Москвѣ, такъ и въ Тобольскѣ небольшими пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ, и притомъ дать ему изъ Тобольска полковое знамя, барабанщика и Сиповщика. Но Атласовъ на Камчатку не отправленъ по 1706 годъ за бывшимъ надъ нимъ слѣдствіемъ: ибо онъ ѣдучи изъ Тобольска судами въ 1701 году разбилъ на рѣкѣ Тунгускѣ дощаникъ съ Кипайскими товарами гостя Логина Добрынина, въ чемъ на него прикащикъ того гостя въ Якутскѣ билчеломъ, и по тому челобитью онъ Атласовъ съ главными заводчики въ 10 человѣкахъ посаженъ въ тюрму, а на мѣсто его въ 1702 году отправленъ на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьевъ, которой

которой бывалъ на Камчаткѣ, какъ въ отпискѣ изъ Якутска объявлено, еще прежде Атласова, можетъ быть съ Морозкою.

Между тѣмъ оставленной на Камчаткѣ служивой Потапъ Серюковъ жилъ въ верхнемъ Камчатскомъ остро́гѣ три года безъ всякаго утѣсненія отъ Камчадаловъ; ибо онъ за малолюдствомъ ясаку собирать не отважился, но подъ видомъ купца торговалъ съ ними; наконецъ и тотъ въ Анадырскъ поѣхалъ, однакожъ Коряки не допустя его до Анадырска со всѣми товарищами убили. А выѣздъ его по видимому учинился, какъ сынъ боярской Тимоѳей Кобелевъ на Камчатку пріѣхалъ, которой почитается перьвымъ прикащикомъ оныхъ остро́говъ.

Въ бытность свою перенесъ онъ жилье верхняго Камчатскаго остро́га на рѣку Кали-кыгъ, которая отъ прежняго острожнаго мѣста въ полуверстѣ, да вновь построилъ зимовье на рѣкѣ Еловкѣ; а ясакъ, какъ по рѣкѣ Камчаткѣ, такъ по Пенжинскому и Бобровому мо́рю, сбиралъ онъ повольной, и съ ясашною казною выѣхалъ въ Якутскъ въ 1704 году благополучно. Въ тожъ время партія Анадырскихъ служивыхъ людей подъ командою служиваго Андрея Купына построила шесть зимовей на впадающей въ Восточное море Укѣ рѣкѣ, и начала сбирать ясакъ съ тамошнихъ Корякъ.

Кобелева смѣнилъ вышеписанной Михайло Зиновьевъ, которой отправленъ изъ Якутска вмѣсто Володимера Атласова, а правилъ онъ Камчатскими остро́гами до прибытія казачья пятидесятника Василья

Колесова съ 1703 по 1704 годъ. Во время сытности своей первой онъ завелъ ясачныя книги, въ которыя Камчадаловъ поимянно началъ вписывать. Нижнія Камчатскія зимовья за неспособностію мѣста перенесъ на ключи, и на большей рѣкѣ острогъ построилъ. Онъ же перевелъ изъ Укинскихъ зимовей на Камчатку Анадырскихъ служивыхъ людей по прозбѣ ихъ: такимъ образомъ приведши Камчатскія дѣла въ нѣкоторой порядокъ, щастливо въ Якутскъ возвратился съ ясачною казною.

Въ 1704 году подъ осень пріѣхалъ изъ Якутска на мѣсто Михайла Зиновѣева казачей пятидесятникъ Василей Колесовъ, которой сидѣлъ на приказѣ по Апрѣль мѣсяцъ 1706 году, для того что отправленные на смѣну ему Якутской сынъ боярской Василей Протопоповъ въ 1704, да служивой Василей Шелковниковъ въ 1705 году убиты на дорогѣ отъ Олюторовъ, а съ ними по десяти человѣкъ служивыхъ. Во время его правленія былъ перьвой походъ въ Курильскую землицу, и человѣкъ съ 20 Курильцовъ объясачено, а прочіе Курильцы, которыхъ было немалое число, врозь разбѣжались.

И сей прикащикъ съ ясачною казною въ Якутскъ пріѣхалъ благополучно, хотя на него Августа въ послѣднихъ числахъ помянутаго году около Пенжины рѣки и было умышленіе отъ немирныхъ Сидячихъ Коряковъ Косухина острожка, которой состоитъ на усть-Таловки: ибо онъ будучи о томъ увѣдомленъ заблаговремянно отъ Сидячихъ же корякъ Акланскаго острожка, которой отъ Косухина верстахъ въ 15, слѣдовалъ съ надлежащею осторожностію Въ

Въ Акланскомъ жилъ онъ 15 недѣль, ожидая пути зимняго, въ которое время Коряки Косухина острожка, и нѣкоторые другіе покушались паки убить его со служивыми, токмо не допущены отъ Акланскихъ жителей. Колесовъ въ помянутомъ остроґѣ засталъ семь человѣкъ служивыхъ оставшихъ послѣ Шелковникова съ подарочною и пороховою казною посланною въ Камчатскіе остроги, которыхъ онъ, вѣдая на Камчаткѣ скудость въ свинцѣ и порохѣ, отправилъ съ двацатью однимъ человѣкомъ своей команды, а команду поручилъ надъ ними выборному служивому Семену Ломаеву, которому и ясакъ приказалъ сбирать во всѣхъ трехъ Камчатскихъ остроґахъ.

По отъѣздѣ Василья Колесова съ Камчатки не бывало у ясашныхъ иноземцовъ знатной измѣны, а послѣ его въ бытность закащиками въ Верхнемъ остроґѣ Ѳедора Анкудинова, въ Нижнемъ Ѳедора Ярыгина, а въ большерѣцкѣ Дмитрея Ярыгина, взбунтовали большерѣцкіе Камчадалы: большерѣцкой Россійской остроґъ сожгли, и бывшихъ въ немъ служивыхъ безъ остатку побили. Въ тожъ время и на бобровомъ морѣ убитъ ясашной зборщикъ въ 5 человѣкахъ. Причина бунту ихъ была можетъ быть та, что имъ ясашной зборъ, которой ужѣ былъ и съ принужденіемъ, показался тягостенъ, пѣмъ наипаче, что у нихъ тогда прежняя вольность изъ памяти еще не вышла, которую они надѣялись возвратить убивствомъ Россійскихъ людей; ибо по объявленію тамошнихъ старожиловъ Камчадалы думали, что Россійскіе казаки какіе нибудь бѣглецы; для того что всегда почти одни

къ нимъ приходили, а вновь не прибывало: чего ради не сумнѣвались они всѣхъ ихъ перевесть безъ остатку, а въ непропускѣ вновь изъ Анадырска надѣялись на Корякъ и Олюторовъ, будучи извѣстны, что они двухъ прикащиковъ Пропопопова и Шелковникова съ командами на дорогѣ побили. Однако они въ томъ весьма обманулись: ибо вмѣсто пріобрѣтенія прежней вольности многіе потеряли животъ свой, отчего и число ихъ умалилось противъ прежняго, какъ ниже сего пространнѣе будетъ объявлено.

Казаки за малолюдствомъ своимъ принуждены тогда были жить съ крайнею осторожностію оставя до времени измѣнниковъ въ покоѣ. Между тѣмъ въ помянутомъ же 1706 году Атласовъ свобожденъ изъ подкараулу и отправленъ изъ Якутска на Камчатку прикащикомъ съ тѣми же преимуществами, которыя даны ему были въ 1701 году, чтобъ имѣть ему полную власть надъ служивыми, и винныхъ смотря по дѣлу батогами и кнутомъ наказывать; а велѣно ему прежнюю свою вину, что учинилъ разбой, заслужить, и въ пріискиваніи вновь земель и неясашныхъ людей оказать крайнюю ревность: обидъ и налоговъ никому не чинить, и противъ иноземцовъ не употреблять строгости, когда можно будетъ обойтися ласкою, въ противномъ случаѣ и смертная казнь ему предписана. Но Атласовъ отправившись изъ Якутска съ немалымъ числомъ служивыхъ людей, и съ военными припасами, между которыми были и двѣ небольшія мѣдныя пушки, вскорѣ возвратился на прежнее: ибо не доѣхавъ еще до Анадырска безвинными побоями и другими предосу-

предосудительными поступками привелъ служивыхъ въ такое огорченіе, что всѣ почти послали на него въ Якутскъ челобитныя. За всѣмъ однакожъ тѣмъ пріѣхалъ онъ на Камчатку щасливо въ 1707 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, и принялъ въ команду верхней и нижней Камчатскіе остроги у прежнихъ закащиковъ, купно съ собранною на тотъ годъ ясачною казною.

Въ Августѣ мѣсяцѣ тогожъ года отправилъ онъ въ походъ на бобровое море для усмиренія измѣнниковъ, которые ясашныхъ сборщиковъ побили, служиваго Ивана Тарапина человѣкахъ въ 70, которые были на службѣ Ноября по 27 число тогоже году. Помянутые походчики отъ самаго Верхняго острогу до Авачи не имѣли никакого сопротивленія: но какъ они близъ Авачинской губы, что нынѣ гавань Петра и Павла, ночевать стали, то служивые Камчадаловъ и Камчадалы служивыхъ усмотрѣли. А понеже измѣнниковъ было въ собраніи сотъ съ восемь, то уговорились они, чтобъ служивыхъ не бить, но по рукамъ разбирать и вязать; чего ради и каждой измѣнникъ по ремню при себѣ имѣли: такая была у нихъ надежда на великое свое множество.

Слѣдующаго дня Тарапинъ пошелъ къ Авачинской губѣ, гдѣ измѣнничьи лодки и байдары стояли. Измѣнники между тѣмъ скрывшись въ лѣсу по обѣ стороны дороги ожидали его прибытія, и пропустя нѣсколько переднихъ, на самую средину напали, и бились съ служивыми такъ долго, пока большая ихъ часть легла на мѣстѣ, а прочіе принуждены были спасаться бѣгствомъ. Служивыхъ притомъ убито 6 человѣкъ, да нѣсколько ранено

ранено. Камчадаловъ взято въ полонъ токмо три человѣка изъ лучшихъ людей, изъ за которыхъ собрано съ оставшихъ измѣнниковъ ясаку не болѣе какъ 10 соболей, 4 лисицы красныхъ, да 19 бобровъ морскихъ. Однако пѣмъ оная страна совершенно не покорена: ибо до самаго главнаго Камчатскаго бунта, которой учинился въ 1731 году, тамошніе жители почти всегда въ измѣнѣ были. Оттуду походчики возвратились въ Верхней острогъ съ ясачною казною и съ помянутыми аманатами Ноября 27 дня 1707 году, какъ выше показано. До сего времени правленіе въ Камчатскихъ остро́гахъ нѣсколько было порядочно; для того что подчиненные командировъ своихъ такъ, какъ надлежало, почитали, и повиновались имъ безъ всякаго сопротивленія; а потомъ начали у нихъ отнимать команды, обирать пожитки, сажать въ тюрьмы и убивать до смерьти, какъ въ слѣдующей главѣ пространнѣе будетъ объявлено.

ГЛАВА 2.

О бунтѣ Камчатскихъ казаковъ, о убивствѣ трехъ прикащиковъ, о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія острововъ и Японскаго государства для заслуженія винъ своихъ.

Коимъ образомъ служивые люди огорчены были на дорогѣ отъ Атласова, въ прежней главѣ упомянуто. Оное огорченіе, также нападки его, и собственное служивыхъ людей своевольство побудило ихъ къ

къ умышленію, чтобъ Атласова лишить команды, что они въ Декабрѣ мѣсяцѣ тогоже 1707 году и учинили. А въ оправданіе свое писали въ Якутскъ, будто Атласовъ не давалъ имъ свѣстныхъ припасовъ, которые съ Камчадаловъ збираются; будто самъ пользовался оными, а они прогулявъ рыбную пору претерпѣвали голодъ; будто изъ корысти своей выпустилъ аманатовъ, и отъ того во всѣхъ ясачныхъ иноземцахъ учинилась такая шатость, что ясачные зборщики посыланные на Пенжинское море едва спаслися бѣгствомъ; будто кололъ онъ на смерть служиваго Данила Бѣляева, и когда ему отъ служивыхъ представлено было, чтобъ онъ безвинно палашемъ не кололъ, но наказывалъ бы ихъ за вины батогами или кнутомъ, какъ Государевы указы повелѣваютъ; а онъ на то во отвѣтъ сказалъ, что Государь ему въ вину не поставитъ, хотя онъ ихъ и всѣхъ прирубитъ; будто онъ желая мстить казакамъ за мнимыя грубыя ихъ рѣчи, призвалъ къ себѣ лучшаго Камчадала, и говорилъ ему, аки бы кололъ помянутаго служиваго за то, что служивые хотятъ всѣхъ Камчадаловъ прибить, а женъ ихъ, дѣтей и кормы по себѣ раздѣлить; будто по той вѣдомости Камчадалы жилища свои оставили, и соединясь въ тѣсномъ мѣстѣ убили трехъ человѣкъ служивыхъ, и многихъ переранили, будто онъ посланную изъ Якутска подарочную казну почти всю употребилъ въ собственную пользу, такъ что на Камчаткѣ въ привозѣ явилось у него бисеру, а потамошнему одекую, и олова не больше полупуда, а мѣдь всю передѣлалъ онъ въ винокуренную

посуду ; и будто у новокрещенаго Камчадала вымучилъ онъ нападками лисицу чернобурую, которая въ казну была приготовлена.

Сіе оправданіе ясно показываетъ прежную злобу служивыхъ людей на Атласова , хотя не можно сказать , чтобъ небольше правды писано на него было : ибо Атласовъ могъ не давать имъ свѣстныхъ припасовъ казенныхъ , могъ аманатовъ изъ корысти выпустить , могъ съ палашемъ метаться пьяной, и корыстоваться ясачною казною , какъ человѣкъ лакомой , которое лакомство видимо будетъ изъ обранныхъ его пожитковъ, въ краткое время пріобрѣтенныхъ. Но кто тому повѣритъ , чтобъ онъ желалъ возбудить иноземцовъ къ бунту , вѣдая что по убивствѣ казаковъ и самому отъ смерьши не избавиться. Чтожъ Камчадалы на Пенжинскомъ морѣ ясачныхъ зборщиковъ едва живота не лишили , что въ другомъ мѣстѣ трехъ человѣкъ убили, а иныхъ переранили , оное могло учиниться и безъ Атласова возмущенія , пѣмъ наипаче , что казаки, можетъ быть, чемъ огорчили ясачныхъ людей : ибо и на Пенжинскомъ морѣ ясачнаго зборщика хотѣли убить Камчадалы за то , что онъ вмѣсто одного соболя , требовалъ ясаку по два и по три съ человѣка. Что до чернобурой лисицы касается , то при обыскѣ не явилось ея у Атласова.

По сверженіи Атласова съ приказу выбрали служивые коммандиромъ верхняго остроґа прикащика Семена Ломаева, которому по памяти бывшаго прикащика Колесова велѣно было быть при зборѣ ясака во всѣхъ острогахъ. Атласова посадили въ тюрму, по ихъ въ казенку, и пожи-

пожитки его въ казну обрали, которыя кромѣ множества мѣховъ собольихъ и лисьихъ, состояли въ 30 сорокахъ въ 34 соболяхъ, въ 400 лисицахъ красныхъ, въ 14 сиводушетыхъ, въ 75 бобрахъ морскихъ.

Но Аплáсовъ невѣдомо какимъ образомъ изъ тюрьмы ушелъ, и сбѣжалъ въ Нижней Камчатской острогъ, хотя тамъ принять команду; однако бывшей тогда въ помянутомъ остроґѣ закащикомъ Ѳедоръ Ярыгинъ команды ему не отдалъ: чего ради Аплáсовъ принужденъ былъ жить праздно до прибытія нижеписаннаго прикащика.

Между тѣмъ дошли въ Якутскъ посланныя на него отъ служивыхъ людей съ дорóги челобитныя, изъ которыхъ Якутская канцелярія тогда еще предвидѣла, что на Камчаткѣ между служивыми и Аплáсовымъ послѣдуетъ вящшее несогласіе: чего ради опасаясь вреда въ разсужденіи государственной пользы, писала о всемъ въ Москву съ обстоятельствомъ; и въ 1707 году отправила на его мѣсто прикащикомъ сына боярскаго Петра Чирикова съ 1 пятидесятникомъ, съ четырмя десятниками, съ пятьюдесятъ человѣками рядовыхъ. А военнаго снаряду дано ему двѣ пушки мѣдныя, 100 ядеръ, пять пудъ свинцу, всемь пудъ пушечнаго пороху. Но какъ въ 1709 году въ Генварѣ мѣсяцѣ получены съ Камчашки вѣдомости о худыхъ поступкахъ Аплáсовыхъ, и сбѣ отняти у него команды; то Якутская канцеляр'я отправила въ слѣдъ за Чириковымъ указ ую память, чтобъ ему по дѣлу Аплáсов у учинить слѣдств'е, и оное дѣло прислать на разсмотрѣніе въ Якутскую Воевод. скую канцелярію съ выборнымъ прикащикомъ Семеномъ

Ломаевымъ, также зборную ясачную казну на 1707, 1708 и 1709 годы. Однако оная указная память Чирикова не застала въ Анадырскѣ, и на Камчатку не отправлена за малолюдствомъ служивыхъ людей въ Анадырскомъ остроґѣ: ибо малыхъ людей посылать въ тотъ путь было опасно, для того что по Олюторскому и по Пенжинскому морю дорога отъ многихъ измѣнниковъ заперта была, такъ что они въ 1709 году Іюля 20 числа не взирая на знатную Чирикову команду, днемъ напасть на него отважились: бывшаго при казнѣ сына боярскаго Ивана Панюшина съ товарищи въ 10 человѣкахъ убили, казну и военную аммуницію разграбили, а остальныхъ служивыхъ принудили сидѣть въ осадѣ на пустомъ мѣстѣ, отъ которой они 24 числа тогожъ мѣсяца учиня выласку и Олюторовъ щастливо отбивъ свободились, потерявши двухъ человѣкъ на сраженіи. Чего ради Чириковъ прибывъ на Камчатку не производилъ слѣдствія, довольствуяся одною командою.

Въ бытность его учинились два обстоятельства достойныя примѣчанія, 1) нещастливой походъ на болыпую рѣку казачья пятидесятника Ивана Харитонова, которой посланъ былъ для усмиренія тамошнихъ измѣнниковъ въ 40 человѣкахъ: ибо измѣнники собравшись во многолюдствѣ 8 человѣкъ убили, а большую часть переранили; чего ради оставшіе принуждены были сидѣть въ осадѣ недѣли съ 4, и едва спаслися бѣгствомъ, 2) разбитіе на бобровомъ морѣ Японской бусы, къ которой Чириковъ въ 50 человѣкахъ самъ ходилъ И понеже Японцы полонены были немирными

мирными Камчадалами, которые близъ онсй бусы жили, то Чириковъ имѣлъ случай четырехъ бывшихъ унихъ Японцовъ выручить: ибо измѣнники увидѣвъ служивыхъ въ бой съ ними вступить не отважились; но оставя Японцовъ разбѣжались по лѣсу. Въ томже своемъ походѣ усмирилъ онъ измѣнниковъ отъ Жупановой до самой Островной рѣки, и привелъ въ ясачной платежъ по прежнему.

Между тѣмъ какъ Чириковъ изъ походу своего въ верхней Камчатской острогъ возвратился, пріѣхалъ въ Августѣ мѣсяцѣ тогожъ году на смѣну къ нему казачей пятидесятникъ Осипъ Мироновъ, которой отправленъ изъ Якутска по выбору 1709 году въ 40 человѣкахъ. Такимъ образомъ собрались на Камчаткѣ три прикащика, Аплáсовъ, Чириковъ и помянутой Мироновъ, онъ же и Липинъ.

Чириковъ здавъ Миронову острогъ, и все, что надлежало; въ Октябрѣ мѣсяцѣ поплылъ въ нижней Камчатской острогъ батами со служивыми и съ казною своего збору, чтобъ тамъ перезимовавъ слѣдующаго году итти съ казною Пенжинскимъ моремъ. А Осипъ Мироновъ пробывъ въ Верьхнемъ до зимы, Декабря 6 числа въ Нижней же острогъ отправился, для разряду служивыхъ людей къ судовому строенію, и къ препровожденію ясачной казны, оставя закащикомъ въ томъ остро́гѣ Алексѣя Александровыхъ. Но какъ онъ исправя дѣла свои въ Нижнемъ, ѣхалъ обратно въ Верьхней острогъ съ прежнимъ прикащикомъ Чириковымъ, то 20 человѣкъ служивыхъ, которые давно уже были въ злоумышленіи на прикащиковъ, не до-

пустя до остроґу, зарѣзали его на дорогѣ. А происходило оное убивство 1711 году Генваря 23 числа. Послѣ того удумали они и Чирикова живота лишить; однакожъ по прозбѣ его дали ему время къ покаянію. Между тѣмъ сами въ 31 человѣкѣ поѣхали въ Нижней Камчатской острогъ, чтобъ убить Аплáсова, и не доѣхавъ за полверсты до онаго остроґу стали они въ прикрытѣ, а въ острогъ послали трехъ человѣкъ, и дали имъ составное письмо къ Аплáсову съ такимъ приказаніемъ, чтобъ убить его въ ту пору, когда онъ письмо читать имѣетъ; но посланные вечеромъ застали его спящаго и зарѣзали. Тогда вся партія ихъ въ острогъ вступила, и стали десятками своими на три двора съ ружьемъ и съ копьями, а главные изъ нихъ были Данило Анцыфоровъ, да Иванъ Козыревской. Живучи въ острогѣ дѣлили они пожитки убитыхъ прикащиковъ, заводили казачьи круги, выносили знамя, призывали къ себѣ въ сообщеніе другихъ людей, и такимъ образомъ умножили до 75 человѣкъ свою партію. Данила Анцыфорова назвали Атаманомъ, Козыревскаго ясауломъ, иныхъ верстали въ ясаулыжъ и десятники, и многія другія наглости дѣлали; перевезли съ Тигиля пожитки Аплáсовы, копырыя отправилъ было онъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ весть ему Пенжинскимъ моремъ, пограбили съѣстные припасы служивыхъ людей, которые на морской путь были заготовлены, расхитили парусы и снасти, которыя оставлены были отъ прикащика Осипа Миронова для отправленія Чирикова съ казною тѣмже Пенжинскимъ моремъ; а потóмъ въ Верхней острогъ уѣхали, и Марта 20 числа Чирикова оковавъ въ воду бросили. Того

Того же 1711 году Апрѣля 17 дня подали они въ Верьхнемъ остр́гѣ для отсылки въ Якутскъ повинную челобитную, въ которой объявляютъ притчины, за что они побили двухъ прикащиковъ, Петра Чирикова и Миронова, а объ Атла́совѣ не упоминаютъ. Вся важность челобитья ихъ состоитъ въ лакомствѣ прикащиковъ, коимъ образомъ корыстовались они Государевою казною покупая на оную товары, и тѣмъ получая себѣ непомѣрную прибыль, какъ утѣсняли служивыхъ и ясачныхъ людей, и вымучивали изъ за побоевъ и пристрастія пожитки ихъ, какъ жалованье денежное за себя переводили, а имъ неволею давали товары по тамошней Камчатской цѣнѣ: за полной пѣшей казачей окладъ за 9 рублей за 25 копѣекъ по 12 аршинъ холстины, или табаку Китайскаго по 6 золотниковъ; да сверхъ того съ каждаго окладу брали себѣ скупу по два рубли: а они служивые въ росходныхъ книгахъ росписывались не въ товарахъ, но въ деньгахъ, и прочее тому подобное. А такое дерзновеніе учинили они для того, что жалоба ихъ на прикащиковъ недойдетъ за дальнимъ разстоянїемъ, особливо же что прикащики челобитчиковъ до Якутска не допустилибъ. При томъ сообщили они и опись пограбленнымъ пожиткамъ Чирикова и Миронова, а по описи ихъ досталось имъ на артель; пожитковъ Петра Чирикова 15 со́роковъ соболей, 500 лисицъ красныхъ, 20 бобровъ морскихъ; Осипа Миронова 20 со́роковъ соболей, 400 лисицъ красныхъ да 30 бобровъ морскихъ.

Изъ

Изъ Верьхняго остр҃га пошли они весною того году въ помянутомъ числѣ въ 75 человѣкахъ на болыпу́ю рѣку, чтобъ тамошнихъ измѣнниковъ усмирить, большерѣцкой острогъ построить, и тѣмъ заслужить вины свои. Въ первыхъ числахъ Апрѣля разбили они Камчатской острожекъ между впадающими въ б лыпу́ю рѣку съ правой стороны быстрою и Гольцовкою рѣками, гдѣ нынѣ россійской большерѣцкой острогъ, въ которомъ они засѣли, и жили по Май мѣсяцъ безъ всякаго нападенія отъ Камчадаловъ. А Маія 22 числа приплыло къ ихъ острожку съ верху и съ низу большей рѣки великое множество Камчадаловъ и Курильцовъ для взятья онаго острожка, и истребленія служивыхъ людей, и обступя оной всякимъ образомъ осажденныхъ страшили, и похвалялись шапками ихъ замести безъ оружія.

Маія 23 дня казаки отслужа молебенъ, ибо взятъ ими былъ въ объявленной походъ Архимандритъ Мартіанъ, которой отъ Филовея Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго въ 1705 году на Камчатку отправленъ для проповѣди слова божія, выслали половину партіи своей на выласку, которые выпаля нѣсколько разъ по Камчадалахъ изъ винтовокъ, бились съ ними на копьяхъ до самаго вечера; на конецъ одержали побѣду. На сраженіи побито и перетонуло измѣнниковъ такое великое множество, что трупами ихъ большая рѣка запрудилась, а съ россійской стороны три человѣка убиты, да нѣсколько ранено. Сія побѣда тѣмъ напаче важна была, что всѣ большерѣцкіе острожки безъ бою покорились, и стали ясакъ давать попрежнему.

Ходили

Ходили же бунтовщики и въ Курильскую землицу, были за проливомъ на первомъ Курильскомъ острову, и жителей тамошнихъ въ ясакъ облоя или, а до того времени никто не бывалъ на острову Курильскомъ.

Между тѣмъ въ 1711 году пріѣхалъ на смѣну Осипу Миронову казачей десятникъ Василей Савастьяновъ, онъ же и Щепешкой, не вѣдая о убивствѣ прехъ причащиковъ: ибо отписки не дошли еще до Якутска при его отправленіи, и собиралъ ясакъ въ верьхнемъ и въ Нижнемъ остроґахъ, а въ Большерѣцкомъ главной бунтовщикъ Анцыферовъ; которой подъ видомъ должности своей самъ пріѣжалъ въ Нижней острогъ съ Большерѣцкою ясашною казною; однако въ такомъ числѣ своей партіи, что могъ быть безопасенъ отъ тюрьмы и отъ слѣдствія: чего ради и отпущенъ отъ Щепешкаго на большую рѣку паки зборщикомъ. На обратномъ пути по Пенжинскому морю пришелъ онъ въ Ясашной плашежъ Конпаковой и Воровской рѣки измѣнниковъ; которые оплоялись было за нѣсколько времени; но въ 1712 году въ февралѣ мѣсяцѣ и самъ убитъ отъ Авачинскихъ измѣнниковъ обманомъ: ибо какъ онъ въ 25 человѣкахъ на Авачу поѣхалъ, а иноземцы о томъ свѣдали; то здѣлали они крѣпкой и пространной балаганъ съ потайными подъемными дверьми для его пріятія. Съ пріѣзду приняли его честно, отвели помянутой балаганъ, дарили щедрою рукою, довольствовали, согатой ясакъ платить совѣщались безъ пререканія, и дали нѣсколько человѣкъ въ Амчатцы изъ людей лучшихъ: но слѣдующей ночи сожгли ихъ въ помянутомъ балаганѣ купно съ своими

Аманатами. Злобу, какову имѣли Камчадалы на служивыхъ людей, можно видѣть по рѣчамъ помянутыхъ Аманатовъ ихъ: ибо сказываютъ, что при зажженіи балагана Камчадалы кричали имъ поднимая двери, чтобъ они, какъ можно, вонъ выбросились; но Аманаты отвѣтствовали, что они скованы, и приказывали жечь балаганъ не щадя себя, покмо бы служивые згорѣли. Такимъ образомъ бунтовщичей Атаманъ Анцыфоровъ съ нѣкоторыми смертноубійцами предупредилъ казнь свою, доказавъ смертію своею истинну пословицы, которую бунтовщики обыкновенно употребляли, что на Камчаткѣ можно прожить семь лѣтъ, что ни здѣлаешь, а семь де лѣтъ прожить, кому богъ велитъ. И правда что до провѣданія пути Пенжинскимъ моремъ, за дальнимъ разстояніемъ, и труднымъ проѣздомъ чрезъ землю немирныхъ Корякъ, въ пересылкѣ репортовъ въ Якутскъ, и въ полученіи указовъ проходило много времени; что бездѣльникамъ онымъ подавало немалой поводъ къ наглостямъ.

По смерти Данилы Анцыфорова, нетакая уже, какъ видно, опасность была прикащикамъ отъ бунтовщиковъ: ибо Щепеткой нарочныхъ посылалъ въ Верхней острогъ, чтобъ ловить убійцовъ, гдѣ попадутся, при которомъ случаѣ одинъ и поиманъ, и въ Нижнемъ острогѣ розъискиванъ, и во многихъ злоумышленіяхъ кромѣ убивства трехъ прикащиковъ винился, а именно; что намѣрены они были разбить верхней и нижней Камчатскіе остроги, прикащика Щепетковъ убить, ясашную казну и многихъ прожиточныхъ служивыхъ людей пограбить, а потомъ уйтить на остро-

ва острова и поселиться ; чего ради и Анцыфоровъ пріѣжжалъ къ Щепеткому не столько для отдачи ясашной казны , какъ для похищенія собранной , и для его убивства ; однако за многолюдствомъ служивыхъ противной стороны предпріятія своего въ дѣйство произвесть не отважилися.

Щепеткой оставя въ Верхнемъ прикащика Константина Козырева , а въ Нижнемъ Ѳедора Ярыгина отправился съ Камчатки въ 1712 году Іюня въ 8 день , и шелъ съ Камчатскою казною по Олюторскому морю до Олюторской рѣки , и вверхъ оной рѣки 4 дни , и не доходя за 2 днища до Глотова жилья остановился ; для того что выше того за мѣлью рѣки и за быстротою судами итти не можно было. Для защищенія казны отъ Олюторовъ , огородился онъ за оскудѣнїемъ лѣсу вмѣсто острогу земляными юртами, ибо Олюторы на дорогѣ съ ними бой имѣли , а почти по всякой день приступъ чинили. Въ остроѣ сидѣлъ онъ съ 84 человѣками команды своей Генваря до 9 числа 1713 году. Между тѣмъ послалъ онъ нарочныхъ въ Анадырскъ съ требованїемъ помощи и подводъ для перевозу ясашной казны , которая помощь въ 60 человѣкахъ состоящая , и довольное число оленей подъ казну ему и прислано. Такимъ образомъ ясачная казна едва спаслася отъ немирныхъ Коряковъ ; въ Якутскъ дошла она въ Генварѣ мѣсяцѣ 1714 году , а въ вывозѣ не было ея за объявленными бунтами и замѣшательствами , и за трудномъ отъ Коряковъ проѣздомъ съ 1707 году по самое объявленное время ; было же ея всякихъ зборовъ прежнихъ прика-

щиковъ 332 сорока соболей, 3289 лисицъ красныхъ, въ томъ числѣ семь бурыхъ, сороковъ одна сиводущетыхъ, да морскихъ бобровъ 259.

По выѣздѣ съ Камчатки Василья Щепешкова взбунтовалъ верхняго Камчатскаго остроґу закащикъ Кыргызовъ, и собравшись со служивыми людьми того остроґа, приплылъ башами въ нижней Камчатской остроґъ, мучилъ тамошняго закащика Ярыгина свинцовыми кистенями, и клячемъ верпѣлъ ему голову, пожитки ево разграбилъ, и раздѣлилъ съ своими служивыми: такоежъ нещастіе претерпѣлъ тамошней священникъ и нѣсколько казаковъ Нижношантальскихъ, которыхъ они били, и подъимали на дыбу; чего ради Ярыгинъ принужденъ былъ команду оставить, и въ монахи постричься, а остроґъ здалъ служивому богдану Канашеву, которой правилъ онымъ до вторичнаго прибытія Василья Колесова, что прежде былъ казачьимъ пятидесятникомъ, но тогда уже былъ пожалованъ дворяниномъ по Московскому списку. А Кыргызовъ подговоря къ себѣ въ злоумышленіе 18 человѣкъ Нижношантальцовъ возвратился въ верьхней Камчатской остроґъ, и былъ страшенъ Нижнему остроґу долгое время, не токмо до пріѣзду прикащика Колесова, но и въ бытность онаго.

Помянутой Колесовъ отправленъ изъ Якутска на смѣну Василью Савастьянову въ 1711 году, а въ нижней Камчатской остроґъ пріѣхалъ Сентября 1 числа 1712 году, получа на дороґѣ указъ о розыскѣ бунтовщиковъ, кои убили трехъ прикащиковъ: по которому указу два человѣка смертію казнены, инымъ вставливаны

ливаны клейма. Асаулъ ихъ Иванъ Козыревской, которой по смерти атамана Данилы Анцыфорова былъ въ Большерѣцкѣ прикащикомъ, съ большею частію единомышленниковъ штрафованы. Но послѣдняго бунта начальникъ Кыргызовъ, не токмо не пошелъ подъ судъ къ Колесову, но и остро́га ему не отдалъ, а притомъ угрожалъ быть въ Нижней острогъ, и взявъ пушки збить дворъ его; по которому обѣщанію и пріѣхалъ въ 30 человѣкахъ своей партіи, въ то самое время, какъ большерѣцкіе казаки пріѣхали къ слѣдствію; однако не могъ совершенно исполнить своего предпріятія.

Колесовъ опасаясь обѣихъ партій, не приказалъ было вѣѣжжать имъ въ острогъ многолюдствомъ; но Кыргызовъ несмотря на то сталъ на квартиру, и содержалъ у себя денно и ночно караулъ крѣпкой. Между тѣмъ подзывалъ Нижношантальскихъ казаковъ въ сообщеніе, и съ угрозами требовалъ отъ прикащика указу, чтобъ ѣхать ему для провѣдыванія морскаго Карагинскаго о́строва; однако и казаки къ нему не приспали, и указу не дано: чего ради возвратился онъ въ Верьхней острогъ безъ всякаго успѣха, и вскорѣ потомъ отъ своихъ сообщниковъ лишенъ команды, и посаженъ въ казенку: ибо оные видя постоянство Нижношантальскихъ служивыхъ, и не имѣя никакой надежды, чтобъ здѣлавъ суда мимо Нижнаго остро́гу проплыть въ море, раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна держала Колесову сторону, а другая стояла за Кыргызова; но первая верьхъ одержала. По сей причинѣ Колесовъ принялъ верьхней Камчат-

ской острогъ въ команду уже въ 1713 году, бунтовщиковъ, кого надлежало, штрафовалъ; Кыргызова съ главнымъ его сообщникомъ казнилъ смертію; и такимъ образомъ бунты и розыскъ окончаны. Служивые, которые къ прежнимъ бунтовщикамъ не приспали, всѣ пожалованы въ конные казаки, а бывшіе тогда въ Верьхнемъ и въ Нижнемъ остро́гахъ закащиками, въ дѣти боярскіе.

По́слѣ того въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1713 году отправилъ Колесовъ бывшаго ясаула К. зырскаго съ 55 человѣками служивыхъ и промышленыхъ, да съ 11 человѣками Камчадаловъ на большу́ю рѣку, давъ имъ двѣ пушки и нѣсколько военнаго снаряду, и приказалъ на болше́й рѣкѣ небольшія суда построить, и заслуживать вины свои въ пріискиваніи морскихъ острововъ и провѣданіи Японскаго царства. Однако изъ онаго отправленія дальной пользы не учинилось, токмо покорено и объясачено нѣсколько жителей Курильской лопатки, и Курильцовъ перьваго и втораго острововъ, да получены нѣкоторыя извѣстія о дальнихъ островахъ Курильскихъ, что пріѣжжаютъ какъ на дальніе оные, такъ на второй и перьвой острова изъ го́рода Матмая съ торгомъ, и продаютъ имъ желѣзные и чугунные котлы, всякую лаковую деревянную посу́ду, сабли и бумажныя и шелковыя матеріи, которыхъ товаровъ Козыревской нѣсколько привезъ съ собою.

ГЛАВА

ГЛАВА 3.

О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта, что при которомъ досто-йнаго примѣчанія здѣлалось; о приключеніяхъ при вывозѣ ясашной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море.

Въ 1713 году въ Августѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ на смѣну Колесову дворянинъ Иванъ Енисейской, которой въ бытность свою, кромѣ правленія всякихъ дѣлъ и ясачнаго збору, заложилъ на ключахъ церковь, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ со временемъ Нижнему Камчатскому остроґу быть на ономъ мѣстѣ, что и воспослѣдовало: ибо казаки не въ долгомъ времени переселились на новое, а прежнее мѣсто неспособно было къ строенію потому, что около онаго болота, и что оно водою понимается. И стоялъ нижней Камчатской остроґъ на томъ мѣстѣ до главнаго въ 1731 году учинившагося Камчатскаго бунта; а во время бунта сожженъ купно съ церковью и со всѣмъ строеніемъ, какъ въ перьвой части сего описанія упомянуто.

При егоже бытности былъ походъ на Авачинскихъ измѣнниковъ, которые Данила Анцыфорова въ 25 человѣкахъ убили; а было въ томъ походѣ служивыхъ 120, да Камчадаловъ 150 человѣкъ. Измѣнники сидѣли въ осадѣ въ такомъ крѣпкомъ остроґѣ, что казаки недѣли съ двѣ стоялъ подъ нимъ принуждены были; и два раза приступали безъ всякаго успѣ-

ху:

ху: наконецъ огнемъ сожгли, и всѣхъ Камчадаловъ, которые выбѣгали во время пожара, побили, оспавя токмо тѣхъ, которые до зажженія къ нимъ вышли, и ясакъ платить обѣщались. Тоже учинили они и съ жителями Парапуна острожка, которой приступомъ взяли. Съ того времени Авачинскіе Камчадалы начали ясакъ платить погодно, а прежде служивые довольны бывали тѣмъ, что Камчадалы имъ давали, и то не повсягодно: ибо они по большей части бывали въ измѣнѣ.

Енисейской собравъ ясакъ на 1714 годъ, весною того-же году на судахъ по Олюторскому морю отправился, купно съ преждебывшимъ прикащикомъ Васильемъ Колесовымъ, который въ 1713 году со зборомъ своимъ въ Якутскъ не поѣхалъ за малолюдствомъ, опасаясь Коряковъ немирныхъ. И тогожъ 1714 году Августа въ послѣднихъ числахъ дошли они благополучно до рѣки Олюторской, и застали тамъ дворянина Ѳеодосья Петрова, которой погромя Олюторовъ и разоря славной острогъ ихъ большей посадъ называемой, строилъ Олюторской россійской острогъ съ немалымъ числомъ Анадырскихъ казаковъ и Южагирей. Во ономъ острогѣ жили они съ ясашною казною до зимняго пути; а казны у обоихъ прикащиковъ было 141 сорокъ и одинъ соболь, 751 лисица красныхъ, 10 сиводущетыхъ, 137 бобровъ морскихъ, 11 пластинъ лисьихъ, 2 выдры, 22 золотника золота въ кускахъ и въ платкахъ съ Японскою надписью; которыя взяты прежде сего на разбитыхъ Японскихъ бусахъ, да денегъ сорокъ рублевъ.

Какъ

Какъ зимней путь насталъ, то всѣ трое дворяне со служивыми и ясашною казною поѣхали въ Анадырскъ. Въ Олюторскѣ оставлено служивыхъ 55 человѣкъ; а съ ними было казачьихъ сотниковъ 4, рядовыхъ человѣкъ около пятидесяти, да двое священниковъ.

Декабря 2 дня 1714 году, бывшіе съ Аѳанасьемъ Петровымъ Юкагири, не доходя до Акланскаго острожка, на Таловской вершинѣ убили его Петрова со служивыми, и Камчатскую казну разграбили, а Камчатскіе прикащики Колесовъ и Енисейской въ 16 человѣкахъ ушли въ Акланской острогъ; но и тѣмъ отъ смерьпи не избавились: ибо Юкагири обступя помянутой острогъ склонили тамошнихъ Корякъ угрозами къ измѣнѣ и убивству Камчатскихъ прикащиковъ. А учинилась помянутая измѣна, какъ послѣ сами Юкагири и нѣкоторые казаки показывали, отъ несносныхъ обидъ и налоговъ Аѳанасья Петрова; особливо же, что онъ будучи при осадѣ Олюторска, не отпускалъ ихъ по указу изъ Анадырска на промыслы, но взялъ подъ Камчатскую казну въ подводы, чего ему по тому указу дѣлать не надлежало, а должно было весть на Корящихъ подводахъ, которыя были дѣйствительно уже собраны.

Вышеписанная казна отыскивана была съ крайнимъ спарѣемъ, однако она такъ была разсѣяна, что въ сыску происходили крайнія запрудненія: много ея досталось не токмо Корякамъ, но и Камчадаламъ, и Анадырскимъ служивымъ, бывшимъ въ новопостроенномъ Олюторскомъ острогѣ: ибо Юкагири при-

ы шедъ

шедъ по́слѣ измѣны подъ оной о́строгъ торговали со служивыми ; однако такъ , что другъ къ другу не подходили на лучной выстрѣлъ : мѣняли пѣ соболи и лисицы на табакъ Кипайской , и отдавали соболя по три и по четыре трубки табаку , а трубокъ ихъ изъ одного золотника по малой мѣрѣ 50 будетъ. Такимъ образомъ одинъ пятидесятникъ Алексѣй Петриловской , которой вскорѣ по́слѣ поѣхалъ на Камчашку прикащикомъ , намѣнялъ , кромѣ другой мяхкой рухляди , соболей двашцать со́роковъ , которые однакожъ послѣ на немъ въ казну доправлены. Нѣсколько соболей и лисицъ сами измѣнники приносили , иное отдавали посыланнымъ для уговору ихъ служивымъ людемъ ; а сколько той казны сыскано и утрашилось , того заподлинно мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ Юкагири и Коряки были въ измѣнѣ немалое время , какъ видно изъ Анадырскихъ о́писокъ въ Якутскъ, по которымъ явствуетъ , что Коряки Пенжинскаго мо́ря въ 1720 году уговорены , и въ ясакъ приведены по прежнему Якутскимъ дворянином Степаномъ Трифоновымъ , которой съ знатнымъ числомъ служивыхъ нарочно для того присланъ былъ , а до того времени , особливо же въ первыхъ го́дахъ по убіенїи прикащиковъ , угрожали они нападенїемъ на Анадырской о́строгъ , и намѣрены были призвать къ себѣ на по́мочь Чукчей.

По́слѣ объявленнаго убивства прикащиковъ , Камчатской казны чрезъ Анадырскъ больше уже́ не высылали: ибо между шѣмъ провѣданъ изъ Охотска на Камчашку морской путь , которой по близости , способности и без-

безопасности несравненное имѣетъ преимущество противъ прежняго: чего ради и путь изъ Якутска чрезъ Анадырскъ, кромѣ нужныхъ посылокъ съ письмами, почти со всѣмъ оставленъ. А погибло по той дорогѣ съ 1703 году до провѣданія морскаго пути человѣкъ съ 200, которой уронъ по дальности мѣста, и по малолюдству казаковъ, можно почитать за весьма чувствительной. Объявленной морской путь провѣдалъ въ 1715 году команды отправленнаго для сысканія острововъ морскихъ, Полковника Якова Елчина, чрезъ Якутскаго служиваго Козму Соколова, въ бытность Камчатскимъ прикащикомъ казачья пятидесятника Алексѣя Петриловскаго.

При семъ прикащикѣ паки начались между казаками возмущенія: ибо казаки по согласію съ Соколовымъ смѣнили его съ приказу, и посадили подъ карауль, а пожитки его въ казну обрали. Причиною тому былъ самъ Петриловской, которой по ненасытному своему лакомству не имѣлъ уже мѣры въ грабленіи, хищеніи и мучительствѣ; рѣдкой прожиточной человѣкъ могъ избѣжать раззоренія по какимъ ни будь его припадкамъ, а одинъ служивой бѣдственнымъ образомъ въ вилахъ скончалъ и животъ свой. Такимъ образомъ награбилъ онъ въ краткое время такое богатство, которое превосходило похищенную двугодовую ясашную казну со всей Камчатки збору убитыхъ двухъ прикащиковъ: ибо взято у него, кромѣ многаго числа собольихъ и лисьихъ шубъ, одной мягкой рухляди болѣе 140 сороковъ соболей, около 2000 лисицъ, 207 бобровъ да 169 выдеръ.

Что касается до тамошнихъ народовъ, то отъ нихъ не было большаго возмущенія, кромѣ что на Камчатской лопаткѣ между самыми Курильцами учинилось несогласіе, по притчинѣ котораго одинъ родъ Курильцовъ, которой былъ начинателемъ несогласія и раззоренія многимъ ясашнымъ иноземцамъ, не похотѣлъ ясаку платить, и не отдался на разговоръ служивымъ, опасаясь достойнаго наказанія; да на Харіузовой рѣкѣ убиты 4 человѣка служивыхъ, которые посланы были съ казною къ морскому судну: однако всѣ помянутые мятежники вскорѣ принуждены были покориться по прежнему. Впротчемъ поступки нѣкоторыхъ прикащиковъ и служивыхъ людей еще въ то время были столь предосудительны, что безъ сумнѣнія надлежало опасаться худыхъ слѣдствій отъ Камчадаловъ, которые тѣми ихъ поступками весьма не довольны были.

Послѣ Петриловскаго былъ прикащикомъ Козьма Вѣжливцовъ, послѣ Вѣжливцова присланной изъ Анадырска служивой Григорей Камкинъ, а въ 1718 году прислано изъ Якутска уже три прикащика изъ дѣтей боярскихъ; Иванъ Уваровской въ нижней Камчатской острогъ, Иванъ Поротовъ въ верхней, а въ Большерѣцкой Василей Кочановъ, котораго однакожъ казаки скоро команды лишили, и въ тюрму посадили по обыкновенію, гдѣ онъ болѣ полугода былъ мученъ, а наконецъ избавился бѣгствомъ. Но Кочановъ видно безъ довольной причины съ приказу сверженъ: ибо мятежники взяты были въ Тобольскъ, и наказаны за своевольство. Между такими замѣшательствами здѣлалась

измѣна

измѣна на Воровской рѣкѣ; побиты ясачные зборщики, и ясачная казна разграблена; но оные тогожъ году усмирены военною рукою.

1719 году присланъ былъ на смѣну пѣмъ прикащикамъ дворянинъ Иванъ Харитоновъ, которой ходилъ въ походъ противъ немирныхъ сидячихъ Коряковъ на Палланъ рѣку, и во ономъ походѣ убитъ обманомъ: ибо Коряки сперва приняли его честно, дали ясакъ и аманатовъ, и такимъ образомъ исплоша, за ужиною съ нѣсколько человѣками закололи; однако тотъ подлогъ не со всѣмъ имъ удался: ибо большая часть казаковъ справясь имѣли щастіе изъ юрты выпти, и измѣнниковъ сожечь безъ остатку въ острóгѣ.

Въ слѣдующіе годы до самаго главнаго Камчатскаго бунта, въ разсужденіи прикащиковъ и Камчатскихъ народовъ, ничего особливаго не происходило, кромѣ нѣкоторыхъ мѣлкихъ возмущеній въ Курилахъ и на Авачѣ: ибо прикащики ежегодно перемѣнялись попрежнему, и на другой годъ выѣжжали съ собранною казною, а Камчадалы временемъ били по два и по три человѣка зборщиковъ: но въ разсужденіи экспедиціи достопамятны 1720, 1728 и 1729 годы. Въ 1720 году по имянному указу ѣздили для провѣданія и описанія Курильскихъ острововъ Навигаторы Иванъ Евреиновъ да Ѳедоръ Лузинъ, которые съ нарочитымъ плодомъ назадъ возвратились въ Якутскъ 1721 году: ибо они первые доѣжжали почти до Матмая. Въ 1728 году первая Камчатская експедиція ходила въ море для провѣдыванія и описанія сѣверныхъ береговъ до 67° и 17′ сѣверной ширины, слѣду-

ющаго году выѣхала на Ламу, а 1730 году въ Санктпетербургъ. Въ 1729 году прибыла въ тамошнія мѣста такъ называемая Партія, подъ командою Капитана Дмитрія Павлуцкаго, да Якутскаго казачья головы Аѳанасья Шестакова, которой велѣно было всѣ берега сѣверные и южные описать по всѣмъ обстоятельствамъ, всѣхъ тамошнихъ Корякъ и Чукочь, кои въ ясакъ не положены, привесть въ подданство ласкою или оружіемъ, въ пристойныхъ мѣстахъ остроги построить, провѣдывать вновь зе́мли, и стараться о заведеніи съ окрестными комерціи; котораго однакожъ предпріятія не могла партія произвесть въ дѣйство, такъ какъ надлежало, кромѣ того что нѣкоторые остроги построила, нѣсколько немирныхъ Корякъ покорила, описала берега къ Кипайскому владѣнію до рѣки Уди, и нѣсколько ходила въ Курильскую сторону: ибо Шестаковъ убитъ отъ Чукочь въ 1730 году, которые приходили громить во многолюдствѣ ясашныхъ Оленныхъ Корякъ; а Капитанъ Павлуцкой, что послѣ Маеромъ былъ, опредѣленъ къ слѣдствію Камчатскаго бунта къ Подполковнику Мерлину въ товарищи: въ томъ только онъ щастливѣе былъ Шестакова, что на многихъ сраженіяхъ перевелъ великое множество упорнаго Чукоцкаго народу, и на нѣсколько времени учинилъ безопасными Корякъ и Анадырскихъ жителей.

Въ томже 1729 году лѣтнимъ временемъ принесло къ Камчатскимъ берегамъ между Курильскою лопаткою и Авачею *Японскую бусу, на которой было 17 человѣкъ

* Оное судно по Японски называлось Фаянкмаръ, было изъ го́рода Сацмы, отправлено съ сорочинскимъ пшеномъ, съ камками, полот-

вѣкъ и нѣсколько товаровъ ; но оные нещастливые люди побиты отъ случившагося въ тѣхъ мѣстахъ пятидесятника Штинникова, кромѣ двухъ человѣкъ, которые въ Санктпетербургъ высланы, и имѣли безъ сумнѣнія случай къ удовольствію своему слышать о казни сего злодѣя за неповинное убивство земляковъ своихъ въ

комъ, пищею бумагою, и другими вещами въ городъ Азаку ; и слѣдуя къ оному Окіаномъ сперьва бѣжали благополучнымъ вѣтромъ, потомъ претерпѣло оно противную жестокую погоду восемь дней, которою отнесло ихъ въ открытое море, гдѣ уже пути своего не узнали. Въ морѣ носило ихъ такъ какъ вѣяли вѣтры, шесть мѣсяцовъ и 8 дней, считая Ноября отъ 8 Іюня по 7 число : между тѣмъ принуждены они были выметать всѣ свои товары, снасти, якори и срубить мачту, а руль отбило погодою, вмѣсто котораго употребляли они долгія бревна привязавъ ихъ за корму. Въ толь бѣдственныхъ обстоятельствахъ не оставили они просить помощи у боговъ своихъ, а особливо у морскаго, котораго называютъ фнадама, однако не много успѣли своею молитвою : наконецъ принесло ихъ къ Камчатскимъ берегамъ близъ Курильской лопатки, гдѣ они отъ берегу верстахъ въ 5 брося остальные свои якори, остановились, и начали свозить нужныя вещи на берегъ. Потомъ и всѣ съѣхали на землю, а числомъ было ихъ 17 человѣкъ, и поставя шалаши 23 дни покой имѣли, не видавъ никого изъ Камчатскихъ обывателей, а между тѣмъ большее ихъ судно унесло погодою.

Послѣ того нашелъ на нихъ Казачей пятидесятникъ Андрей Штинниковъ съ Камчадалами. Японцы обрадовались людямъ, хотя языку не разумѣли. Начали имъ оказывать всякую склонность и привѣтство, дарить платьемъ, и что у нихъ было : напрошивъ чего и съ другой стороны пріятствовали, только подъ видомъ, и Штинниковъ стоялъ въ 10 саженяхъ отъ стану цѣлые два дни ; наконецъ онъ съ Камчадалами скрылся отъ Японцовъ въ ночное время къ немалому ихъ сожалѣнію. Слѣдующаго дня собрались Японцы въ малое свое судно, погребли близъ берега съ тѣмъ, чтобъ сыскать жилье какое, и отъѣхавъ версть съ 30, нашли на берегу большее свое судно, которое Штинниковъ ломалъ съ Камчадалами, и обиралъ желѣзные припасы. Японцы не смотря на гибель своего судна продолжали далѣе путь свой стороною ; но какъ завидѣлъ ихъ Штинниковъ, тотъ часъ приказалъ Камчадаламъ перенять и побить ихъ. Японцы видя легкое судно за ними гоняцее, и предвидя свою погибель, въ началѣ стали ублажать и умилостивлять поклонами, но какъ вмѣсто склонности увидѣли пускаемыя стрѣлы, то иные помета лись въ воду, а остальные отъ части копьями переколоты, отчасти собственными своими саблями, которые подарили Штинникову, въ знакъ

Въ 1730 году сбиралъ Ясакъ на Камчаткѣ служивой Иванъ Новогородовъ, а на 1731 годъ Казачей пятидесятникъ Михайло Шехурдинъ, о которыхъ надлежитъ упомянуть для того, что они за главную причину Камчатскаго бунта почитаются, которой вскорѣ по выѣздѣ Шехурдина и послѣдовалъ.

ГЛАВА

своей покорности, перерублены и въ море помешаны; тожмо въ живыхъ оставлены двое, одинъ малолѣтной 11 лѣтъ отъ роду, именемъ Гонза, которой былъ при отцѣ своемъ Шпурманѣ для обученія мореплаванія, но и тотъ въ руку раненой; а другой старой, именемъ Соза, которой взятъ былъ отъ купечества для провожанія помянутаго судна, и которой было бросился въ море.

Шпининиковъ получа малое ихъ судно, все что на ономъ ни было, себѣ взялъ: большее судно для желѣза сжегъ, Японцовъ захолопилъ, и со всею тою корыстью въ верьхней острогъ поѣхалъ, надѣясь пользоваться варварствомъ пріобрѣтенною добычею, которою и пользовался до прибытія изъ Якутска прикащика: ибо отъ закащиковъ откупался онъ Японскими вещами. Но прикащикъ, какъ скоро услышалъ о помянутомъ приключеніи, приказалъ взять у Шпининикова Японцовъ, закащика, которой бралъ подарки, предъ ними наказывалъ жестоко, Шпининикова посадилъ въ тюрьму, и писалъ о немъ въ вышшую команду, а Японцовъ содержалъ до указу на казенномъ коштѣ

По смѣнѣ съ приказу отвезъ онъ Японцовъ въ нижней Камчатской острогъ, и отдалъ на руки Шпурману Якову Генсу, а самъ поѣхалъ въ Анадырскъ, и донесъ о всемъ бывшему въ Анадырскѣ тогдашнему главному командиру партіи господину Маеору Павлуцкому, отъ котораго къ Генсу немедленно присланъ былъ ордеръ, чтобъ Японцовъ въ Якутскъ отправить, куда они въ 1731 году и отправлены Въ Якутскѣ жили они недѣль съ пять на казенномъ же коштѣ, а потомъ отправлены въ Тобольскъ по указу присланному за рукою Губернатора Алексѣя Львовича Плещеева. Въ Тобольскѣ содержаны они были во всякомъ удовольствіи, а по прошествіи четырехъ недѣль посланы въ Москву съ нарочными провожатыми, которые ихъ въ Сибирскомъ приказѣ представили, а Сибирской приказъ съ тѣмиже провожатыми отправилъ ихъ въ Санктпетербургъ въ Правительствующій Сенатъ, которой немедленно донесъ объ нихъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО указавъ представить ихъ въ Лѣтнемъ домѣ, САМА изволила спрашивать о ихъ приключеніяхъ: ибо младшей изъ нихъ нехудо уже говорилъ по россійски: и тогда же повелѣла Своему Генералу Адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову объявить въ Сенатѣ указъ Свой, чтобъ ихъ и деньгами и платьемъ довольствовать.

Въ 1734 году по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отданы они въ Кадетской корпусъ Іеромонахамъ, для ученія христіанскаго

ГЛАВА 4.

О измѣнѣ Камчадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго остро́га, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ.

Хотя тамошніе народы давно намѣреніе имѣли искоренить всѣхъ россійскихъ жителей на Камчаткѣ, чтобъ получить прежнюю вольность; однако за многолюдствомъ ихъ, а особливо что по сысканіи морскаго пути чрезъ Пенжинское море, ежегодно суда приходили со служивыми, и что послѣдовали експедиціи, одна за другою въ скорости, не оказывали злобы своей до способнаго времени. Но какъ Капитанъ господинъ берингъ и вся Камчатская експедиція отбыла въ Охотскъ, а партіи, которая жила на Камчаткѣ въ немаломъ числѣ, велѣно слѣдовать на ботѣ Гавриłѣ къ Анадырю, чтобъ соединиться съ Капитаномъ Павлуцкимъ, которой главную команду имѣлъ надъ партіею, и ипти бы съ нимъ вмѣстѣ противъ

ь не-

закону, а потомъ сподоблены святаго крещенія октября 20 дня объявленнаго году, въ церкви воскресенія господня, что въ Кадетскомъ корпусѣ; и Сеза наречень Козмою, а Гонза Даміаномъ. Въ 1735 году Даміанъ отданъ въ Александровскую Семинаріи для обученія Россійской грамотѣ, а вскорѣ потомъ оба присланы по указу въ Академію Наукъ для ученія по рассмотрѣнію Академіи. Въ 1736 году послѣдовалъ указъ, чтобъ Японцы не токмо Россійскому языку обучались, но и своего бы не забывали, и для того бы обучали своему языку малолѣтныхъ изъ Россійскаго народу, которыхъ къ нимъ опредѣлить велѣно. По которому указу помянутое ученіе до кончины ихъ и происходило, а скончался Козма Сентября 18 дня 1736 году на 43 году отъ рожденія, а Даміанъ въ 1739 году Декабря 15 дня, и погребены, первой у церкви Вознесенія господня, что на Адмиралтейской сторонѣ, а другой въ Калинкиной. Для памяти сего случая, что изъ толь отдаленнаго мѣста были люди въ Россіи, приказала Академія сриповать ихъ, и снять съ лицъ алебастровыя формы, которыя въ Императорской кунсткамерѣ понынѣ находятся.

немирныхъ Чукочь, то Камчадалы согласились произвесть умышленіе свое въ дѣйство въ то самое время, когда партія изъ устья Камчатскаго на суднѣ выдетъ; и сіе тѣмъ болѣе не сумнѣвались исполнить, что на Камчаткѣ оставалось Казаковъ весьма малолюдно. Чего ради Нижнопанпальскіе, Ключевскіе и Еловскіе Камчадалы во всю зиму разъѣзжали, подъ видомъ поученія, по всей Камчаткѣ; дѣлали совѣты между собою, уговаривали нежелавшихъ итти къ нимъ въ согласіе, и угрожали погубленіемъ всего ихъ роду: такимъ образомъ привели они всю Камчатку въ возмущеніе, а между тѣмъ вѣдая, что Шестаковъ убитъ отъ Чукочь, пустили слухъ, аки бы Чукчи на Камчатку войною идутъ, можетъ быть для того, чтобъ въ случаѣ неудачи въ ихъ предпріятіи казаки не подумали, что они тому злу начальники, или что бы казаковъ привесть въ такую робость, чтобъ они ихъ измѣнниковъ содержали при себѣ, какъ надежную помощь.

Правда, что изъ тѣхъ казаковъ, которые оставались на Камчаткѣ, не осталось бы ни единаго человѣка, но всѣ бы побиты были, или поморены голодомъ, есть ли бы не поспѣшествовало особливое къ народу нашему божіе милосердіе: да и партіи бы надобно было много трудиться и много потерять людей, чтобъ вновь покорить такой отдаленной народъ, тѣмъ наипаче, что они вѣдая свое злодѣяніе могли жить всегда въ осторожности, при томъ умѣли изъ ружья стрѣлять, имѣли винтовокъ и пороху довольно, а многіе знали всѣ россійскія тамошнія ополченія, и коимъ образомъ защищать себя, и по тому имѣли

невар-

неварварскія уже предпріятія и совѣты, но подлинно хитрыя: ибо хотѣли они стараться всѣми мѣрами, чтобъ не пропустить вѣдомости до Анадырска; у морскихъ гаваней намѣрены были содержать многочисленные караулы, и съ приходящихъ морскихъ судовъ принимать служивыхъ раболѣпно, подъ видомъ перевозу въ остроги, и на дорогѣ побивать порознь всѣхъ безъ остатку: а главные того бунта начальники были Еловской Тоіонъ Ѳедька Харчинъ, которой часто при ясашныхъ зборахъ толмачемъ бывалъ, да дядя его Голгочь, Ключевской Тоіонъ.

Между тѣмъ послѣдней прикащикъ Шехурдинъ выѣхалъ съ Камчатскою казною благополучно; партія вся съѣхала на устье Камчатки для походу къ Анадырю, со всѣмъ сгрузились на судно, и вышли въ море; однако близъ самаго устья на якорь стали за нечаянно учинившимся противнымъ вѣтромъ. А Камчадалы, которые у нихъ въ подводахъ были, и которымъ велѣно было объ отбытіи партіи дать вѣдомость бунтовщичьимъ Тоіонамъ, которые на ключахъ ожидали оной въ собраніи и во всякой готовности къ нападенію на нижней Камчатской острогъ; не дождавшись совершеннаго ихъ отбытія, и не чая ихъ возвращенія, Іюля 20 дня 1731 году устремились въ батахъ своихъ вверхъ по Камчаткѣ, начали Казаковъ бить, кого ни встрѣтятъ, начали плѣнить и жечь ихъ лѣтовья, женъ и дѣтей брать въ холопство и въ наложницы, а съ вѣдомостью объ отбытіи судна, къ главнымъ своимъ отправили наскорѣ, которые тогожъ вечера въ острогъ и приплыли, зажгли поповъ дворъ съ тѣмъ

намѣреніемъ, чтобъ казаковъ, какъ охотниковъ ходить на пожары, способнѣе побить и безопаснѣе; въ чемъ имъ такъ пощастилось, что они безъ всякаго сопротивленія почти всѣхъ бывшихъ въ острогѣ побили, не щадя и малыхъ дѣтей и женскаго полу, надъ которыми чинили до убивства всякія наругательства, и дворы всѣ пожгли кромѣ церькви и крѣпости, въ которой все имѣніе жителей лежало въ сохраненіи. Немногимъ удалось избавиться и пріѣхать на устье съ извѣстіемъ. Такимъ образомъ морской путь къ Анадырю остановился: ибо сперьва надлежало свое удержать, нежели вновь покорять немирныхъ.

Между тѣмъ знатной измѣнникъ Ключевской Есаулъ Чегéчь, которой оставался у мóря, слыша что Нижней Камчатской острогъ взятъ, побѣжалъ къ объявленному остróгу, плѣня все, что отъ передніхъ осталось, и побивая всѣхъ, которые попадались на встрѣчу; наконецъ соединился съ Харчинымъ, и объявилъ, что партія на суднѣ стоитъ еще при устьѣ Камчатки. Чего ради измѣнники предостерегая себя отъ оной, засѣли въ Нижнемъ Камчатскомъ острóгѣ, вкругъ котораго изъ церьковной трапезы здѣлали другую стѣну, а въ верьхъ по Камчаткѣ послали ко всѣмъ Камчадаламъ вѣдомость о взятіи остróга съ такимъ приказомъ, чтобъ всѣ сбѣжались въ завоеванной острогъ Россійской.

На другой день разграбили они всѣ пожитки казачьи, нарядились въ самое ихъ лучшее платье, въ томъ числѣ иные въ женское, а иные въ священническія ризы; отправляли великое торжество по обы-

кно-

кновенію въ обѣденіи, пляскѣ и шаманствѣ; а Ѳедька Харчинъ, какъ новокрещеной, призвавъ новокрещенажъ умѣющаго грамотѣ, приказалъ ему пѣть молебенъ въ священномъ одѣяніи, и за тотъ молебенъ велѣлъ выдать ему 30 лисицъ, записавъ въ книгу такимъ образомъ: По приказу Комисара Ѳедора Харчина выдано за молебенъ Савѣну; изо шакъ оной новокрещ ной назывался 30 лисицъ красныхъ: чего ради послѣ до самаго выѣзду моего называли его попомъ поганымъ.

На другой день по взяпіи острога, то есть Іюня 21 числа, командиръ партіи штурманъ Яковъ Генсъ отправилъ для отнятія у Камчадаловъ острога партію въ 60 человѣкахъ состоящую, которые пришедъ подъ острогъ разговаривали ихъ всѣми мѣрами, чтобъ они покорились, и обнадеживали ихъ Императорскою милостію и прощеніемъ; но они не хотѣли того и слышать: напротивъ того ругали ихъ, и укоряли, а особливо Харчинъ, которой насмѣхаясь имъ со стѣны кричалъ: *за чемъ вы пришли, развѣ не вѣдаете, что я Комисаромъ Камчатскимъ, я буду самъ ясакъ збирать, а вы казаки здѣсь въ землѣ не надобны.* Чего ради казаки принуждены были съ судна требовать пушекъ; по полученіи которыхъ Іюля 26 дня тогожъ мѣсяца по острогу стрѣлять начали, и пробили великіе проломы, такъ что плѣнныя женщины при розсыпи осажденныхъ могли выбѣгать изъ острогу.

Харчинъ видя, что ему въ острогѣ не защититься, одѣвшись въ женское платье ушелъ изъ острогу; и хотя за нимъ былі погоня, однако не могли догнать: изо онъ такъ рѣзво бѣгалъ, что могъ по-

стягать дикихъ оленей, какъ о томъ сказываютъ многіе казаки и братъ его, котораго я засталъ въ живѣ. Послѣ того человѣкъ съ 30 осажденныхъ здался, прочіе въ остроґѣ перестрѣлены. Одинъ Ключевской Есаулъ Чегечь съ малымъ числомъ подчиненныхъ даже до смерти оборонялся: при которомъ случаѣ отъ стрѣльбы загорѣлась пороховая казна, и крѣпость совсѣмъ бывшимъ въ ней богатствомъ обратилась въ пепелъ: одна уцѣлѣла церковь, но и та сожжена отъ Камчадаловъ по отплытіи казаковъ къ морю. На приступѣ Казаковъ убито четыре человѣка, но много переранено, а сколько погибло Камчадаловъ про то не извѣстно, для того что трупы ихъ погорѣли въ остроґѣ. Не спаслись же и тѣ, которые здались во время приступу: ибо казаки будучи огорчены насиліемъ женъ своихъ, и тратою имѣнія, перекололи ихъ безъ остатку.

Къ толь скорому разбитію бунтовщиковъ много способствовало неукоснительное отправленіе партіи, которая не допустила имъ въ остроґѣ умножиться: ибо въ противномъ случаѣ соединились бы съ ними Камакова остроґа Камчадалы, которыхъ считалось человѣкъ до ста или болѣе, а малолюдные бы остроґи и по неволѣ поспѣшили въ сообщеніе, опасаясь бѣдствія: но тогда видя отправленіе партіи, принуждены были ждать окончанія дѣла подъ видомъ людей безпристрастныхъ и вѣрныхъ Россіи. За всѣмъ тѣмъ походомъ дѣло не приведено къ совершенству: ибо Харчинъ собравшись съ другими Тоіонами во многолюдствѣ, намѣренъ былъ плыть къ морю, и дать бой со слу-

служивыми; токмо встрѣченъ отъ партіи при самомъ отправленіи въ путь свой, и по маломъ сраженіи принужденъ былъ отступить на отъемное высокое мѣсто, и укрѣпляться по лѣвую сторону Ключевки рѣчки, гдѣ сраженіе происходило, а казаки стали по другую сторону той рѣчки.

И хотя Харчинъ всякіе способы употреблялъ, какъ бы устрашить казаковъ, и принудить возвратиться къ морю, однако они вмѣсто робости не переставали совѣтовать ему и сообщникамъ, что бы здался, и наконецъ убѣдили, что Харчинъ съ другимъ Тоіономъ и съ братомъ своимъ на переговоръ вышелъ, и стоя при рѣчкѣ показывалъ свою охоту, что онъ желаетъ быть въ стану казачьемъ, токмо требовалъ за себя аманатомъ одного служиваго, что съ казачей стороны учинено безпрекословно. А Харчинъ будучи въ стану ихъ требовалъ, чтобъ они Камчадаловъ не раззоряли, для того, что онъ болѣе воевать не хочетъ, и поѣдетъ уговаривать сродниковъ своихъ и подчиненныхъ: но будучи назадъ отпущенъ прислалъ отвѣтъ, что сродники его къ миру не склоняются, а братъ его и Тоіонъ Тавачь, которые приходили вмѣстѣ съ Харчинымъ, къ своимъ возвратившися не пожелали.

На другой день Харчинъ пришедъ на сѣрегъ съ другими Тоіонами пресовалъ, чтобъ его казаки къ себѣ перевезли, а въ аманаты бы за него дали двухъ человѣкъ, въ чемъ ему казаки и вторично не отказали, однако умышленно: ибо какъ онъ къ нимъ переѣхалъ, то они взяли его подъ карауль, а своимъ за-

закричали, чтобъ въ рѣку бросались. для предосторожности же, чтобъ оставшіе на берегу ихъ не закололи, приложились на нихъ ружьями, чего Камчадалы устрашась разбѣжались. Такимъ образомъ главной измѣнникъ пойманъ, даваные въ аманаты спаслись, а остальные Тоіоны съ своими подчиненными по двоекратномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ разогнаны. Верхоеловской Тоіонъ Тигиль со своимъ родомъ побѣжалъ въ Еловскія вершины, Ключевской Тоіонъ Голгочь въ верхъ по Камчаткѣ, а другіе по другимъ мѣстамъ, однако вскорѣ всѣ погибли: ибо казаки многими партіями устремились въ слѣдъ за бѣгущими, и били, кого ни поспигали. Тоіонъ Тигиль по долговременномъ сопротивленіи переколовъ женъ и дѣтей своихъ самъ себя живота лишилъ. А Голгочь по погромленіи Камчатскихъ острожковъ на рѣкѣ Козыревской и на Шапиной за то, что жители не хотѣли итти къ нему въ сообщеніе, убитъ отъ нихъ при своемъ оттуду возвращеніи.

Между тѣмъ какъ слухъ прошелъ о раззореніи Нижняго Камчатскаго остро́га, то Камчадалы по большей части взбунтовали, всѣхъ, кто въ ихъ острожкахъ изъ казаковъ ни прилучился, убили, размуча шпански: на́чали соединяться вмѣстѣ, чтобъ итти подъ оставшіе остро́ги подъ Верхней и большерѣцкой, начали призывать къ себѣ въ сообщеніе всѣхъ своихъ сосѣдей грозами и ласкою, при чемъ много изъ тѣхъ, которые къ нимъ не пристали, и побито. А казаки принуждены были жить въ великомъ страхѣ, пока не получили помощи изъ Нижняго: однако партіи изъ обоихъ

ихъ остроговъ ходили въ походъ по Пенжинскому мо-рю и громили всѣхъ безъ пощады и милости. А ко-гда прибыла команда изъ Нижняго, тогда они соеди-ненными силами пошли на Авачинскихъ измѣнни-ковъ, которыхъ было болѣе 300, брали приступомъ крѣпкіе и нарочно здѣланные оспрожки ихъ, побивали измѣнниковъ купно и съ невинными, женъ ихъ и дѣ-тей въ холопство брали: и такимъ образомъ погубя ихъ множество и успокоя, паки на Камчатку возврати-лись по своимъ мѣстамъ съ великою прибылью. И съ того времени небывало уже убивства на Камчаткѣ по 1740 годъ, въ которомъ по разнымъ мѣстамъ чело-вѣкъ съ семь отъ Корякъ перекололы, въ томъ чи-слѣ одинъ матрозъ команды покойнаго Капитана Ко-мандора господина Беринга.

Послѣ того вскорѣ прибылъ на Камчатку для розыску Якутскаго полку Маеоръ, что потомъ былъ Подполковникъ, Василей Мерлинъ съ однимъ офице-ромъ, съ капральствомъ салдатъ и съ малымъ чи-сломъ Иркутскихъ служивыхъ, а по немъ въ товари-щи ему Маеоръ Павлуцкой, которымъ велѣно было слѣдовать о притчинѣ бунта, о убивствѣ Японцовъ, и о другихъ тамошнихъ непорядкахъ, а изслѣдовать оное дѣло прислать съ подписаніемъ своего мнѣнія въ Иркутскъ для конфирмаціи, и притомъ новой острогъ построить, которые и жили тамъ по Августъ мѣ-сяцъ 1739 году. Въ бытность свою построили они нижней Камчатской острогъ немного ниже устья ра-пуги рѣчки, изслѣдовали о помянутомъ бунтѣ, и по полученіи конфирмаціи на слѣдственное дѣло ка-

знены смертію трое изъ россійскихъ, а имянно Комисаръ Иванъ Новогородовъ, пятидесятникъ Андрей Шпинниковъ, которой убилъ Японцовъ, и Михайла Сапожниковъ, въ каждомъ острогѣ по человѣку, да съ ними человѣка по два Камчадаловъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, въ томъ числѣ и Ѳедька Харчинъ, прочіе казаки по состоянію винъ штрафованы. Служители ихъ Камчадальскаго народа, которыхъ они боемъ, куплею и за долги получали, и владѣли какъ крѣпостными, отпущены на волю, и впредь кабалить ихъ запрещено накрѣпко. Безстрашіе, съ какимъ тамошней народъ къ смерти ходитъ, можно всякому разсудить по одному сему примѣру, что при помянутой казни одинъ смѣючись жаловался на свое нещастіе, что ему на висилицѣ послѣднему быть надлежало. Подобно безстрашію жестокосердіе ихъ въ терпѣніи тѣлеснаго наказанія. Какъ ихъ ни мучь, болѣе не услышишь какъ ни ни, и то отъ перваго удара, а потомъ какъ безчувственные молчатъ закуся языкъ, и болѣе того допытаться у нихъ пристрастіемъ не можно, какъ токмо что въ допросѣ добровольно сказали.

Съ того времени миръ, покой и тишина въ Камчаткѣ, да и впредь опасаться нѣчего; ибо по высокоматернему Всемилостивѣйшія Государыни нашея Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ о подданныхъ Своихъ попеченію здѣланы такія учрежденія, что тамошнимъ жителямъ лучшаго удовольствія желать не возможно. Ясаку они платятъ токмо по одному звѣрю съ человѣка, какой гдѣ промышляется, то есть

по

по лисицѣ, бобру или соболю, а другихъ они зборовъ уже не знаютъ. Судъ и расправа, кромѣ криминальныхъ дѣлъ поручены Тоіснамъ ихъ, а Комисарскому суду они не подвержены. Старыхъ долговъ, которые казаки на нихъ почитали, править на нихъ подъ жесточимъ истязаніемъ не велѣно; а что всего паче, всѣ почти они приведены въ Христіанскую вѣру чрезъ проповѣдь слова божія, къ чему способствовали отмѣнныя щедроты и милосердія Всеавгустѣйшія Монархини нашея, что новокрещенымъ дана отъ ясаку на 10 лѣтъ свобода. Для умноженія же ихъ въ православіи опредѣлены учители, и во всѣхъ почти острогахъ заведены школы, въ которыхъ невозбранно обучаться какъ дѣтямъ казачьимъ, такъ и Камчадальскимъ безъ всякой платы; и нынѣ Христіянская вѣра въ тамошней сторонѣ къ сѣверу до Корякъ, а къ югу до третьяго Курильскаго острова распространилась: но можно твердо надѣяться, что вскорѣ и Коряки просвѣщены будутъ Святымъ Крещеніемъ, и тѣмъ наипаче, что многіе изъ нихъ приняли Христіанскую вѣру. Сіе же между славными и великими дѣлами Всепресвѣтлѣйшія Самодержицы нашея почитать должно, что звѣрской оной народъ, изъ котораго до времянъ щастливаго владѣнія Ея ни ста человѣкъ крещеныхъ не было, въ краткое время познавъ истинну оставилъ свое заблужденіе такъ, что каждой нынѣ съ сожалѣніемъ и съ смѣхомъ воспоминаетъ прежнее житіе свое.

ГЛАВА 5.

О нынѣшнемъ состояніи Камчатскихъ остроговъ, о ихъ преимуществахъ и недостаткахъ въ сравненіи между собою.

Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ пять, какъ уже выше показано: 1 большерѣцкой, 2 верхней Камчатской, 3 нижно-Шантальской, 4 при гавани Петропавловской, а 5 при рѣкѣ Тигилѣ.

Большерѣцкой острогъ стоитъ на сѣверномъ берегу Большой рѣки между впадающими во оную посторонними рѣками Быстрою и Гольцовкою въ 33 верстахъ отъ Пенжинскаго моря. Крѣпость во ономъ острогѣ четвероугольная, во всѣ стороны по 10 саженъ, съ востоку и сѣверу огорожень полисадникомъ, южную и западную стѣну составляетъ строеніе, а имянно ясачная изба, аманатская казенка, между которыми здѣланъ анбаръ для содержанія аманатской школы, да двоежилой анбаръ, въ которомъ ясашная казна хранится. Входъ въ острогъ съ западной стороны небольшими воротцами. За острогомъ строенія часовня, что нынѣ уже церковь, во имя Николая Чудотворца, съ колокольнею на столбахъ, а при ней церковной анбаръ; обывательскихъ домовъ по разнымъ островамъ тридцать, кабакъ съ винокурнею, служивыхъ 45 человѣкъ, да казачьихъ дѣтей положенныхъ въ подушной окладъ, которые однакожъ служатъ въ рядѣ съ казаками, 14 человѣкъ.

Въ разсужденіи крѣпости сей острогъ всѣхъ хуже, но и нужды нѣтъ въ укрѣпленіи: потому что подвластные сему острогу Камчадалы издавна на-

дежны и вѣрны. Въ разсужденіи же мѣстоположенія имѣетъ оной передъ другими великую выгоду: 1) что морскіе суда пристаютъ на большей рѣкѣ, чего ради жители всегда получаютъ привозные товары изъ первыхъ рукъ; 2) что жители содержатъ у себя пріѣжжихъ на квартирахъ и довольствуютъ столомъ изъ платы, отъ чего получаютъ немалую прибыль; 3) что кладь оттуду въ другіе остроги подымаютъ на своихъ сабакахъ, а за перевозъ берутъ немалыя деньги; 4) что морскихъ бобровъ, которые нынѣ за главной Камчатской товаръ почитаются, получаютъ они больше жителей другихъ остроговъ; 5) что въ лѣтнее время имѣютъ они рыбы со излишествомъ, и ловятъ съ малымъ трудомъ и коштомъ: ибо по состоянію рѣки не употребляютъ они сѣтей больше 20 саженъ; чего ради и главной командиръ Камчатскихъ остроговъ по большей части живетъ въ Большерѣцкомъ, а въ другіе остроги посылаетъ отъ себя закащиковъ. Тѣмъ токмо сей острогъ недостаточенъ, что въ лѣтнее время, когда рыба изъ моря идетъ, и запасается въ зиму, всегда бываетъ морская погода, отъ чего происходитъ въ пріуготовленіи кормовъ великое запруднѣніе: ибо отъ неказаннаго множества рыбы съ нуждою запасается столько, чтобъ на зиму стало, а по большей части къ веснѣ бываетъ великая дороговизна свѣстныхъ припасовъ и голодъ. Есть ли бы лѣсомъ сія рѣка была довольна, то бы сей недостатокъ отвратить можно было копченіемъ и сушеніемъ рыбы въ шелашахъ по примѣру Охотскихъ жителей, но такой шелашь здѣлать не мало денегъ надобно:

ибо лѣсъ къ строенію годной издалека плавится съ великимъ трудомъ и опасностію. Къ каждой лодкѣ привязывается не болѣе десяти бревенъ, да и такимъ образомъ на быстрыхъ мѣстахъ часто разбиваетъ ихъ. Для большаго изъясненія трудности въ плавленіи лѣсу довольно только то объявить, что отъ моря не по лѣсъ годной, но по сухіе дрова, которыя употребляютъ на варенїе соли и жиру, ѣздятъ по трои и по четверы сутки, а привозятъ только, что не сваритъ и пуда, отъ чего тамъ и соли не столь довольно, какъ въ нижнемъ Камчатскомъ остроґѣ или на Авачѣ. У котораго казака одна лодка, тотъ мѣсяцъ и балаганъ строитъ у моря, къ котораго строенію токмо колье, трава да 9 подставовъ потребны.

Верьхней Камчатской остроґъ, которой прежде всѣхъ построенъ, и былъ нѣсколько лѣтъ главнымъ острогомъ, для того что Комисары въ немъ жили, а въ другіе остроги посылали закащиковъ, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Камчатки при устьѣ рѣчки Калѝ, отъ Камчатской вершины въ 69 верстахъ отъ Большерѣцка по прямой дорогѣ въ 242, а по дорогѣ чрезъ Оглукоминской хребетъ въ 436 верстахъ въ 50 саженяхъ. Крѣпость въ немъ четвероугольная съ полисадникомъ во всѣ стороны по 17 саженъ. Ворота съ рѣчную сторону стѣны, а надъ воротами анбаръ, въ которомъ хранится ясачная казна. Внутрь крѣпости строенія ясачная изба съ каморкою, въ которой аманаты содержатся, два анбара двоежилые, въ которыхъ кладется жиръ на свѣтъ и аманатская юкола. За крѣпостію часовня, что нынѣ церковь, во имя Николая

чюдо-

чудотворца, Государевъ домъ съ принадлежащимъ строеніемъ, кабакъ съ винокурнею, обывательскихъ домовъ 22, а служивыхъ и казачьихъ дѣтей 56 человѣкъ.

Сей острогъ въ разсужденіи погоды и лѣсу великое имѣетъ предъ большерѣцкимъ преимущество: ибо тамъ всегда бываетъ изрядная погода, а лѣсъ хотя тополовой, однако толстой, и съ малымъ трудомъ получить можно, чего ради и хоромное строеніе въ ономъ остро́гѣ гораздо лучше большерѣцкаго. Имѣетъ же помянутой острогъ и въ томъ преимущество, что земля тамъ способна къ плодородію, и пахатныхъ мѣстъ больше и лучше тѣхъ нигдѣ не находится. Но въ разсужденіи рыбныхъ промысловъ бѣденъ: для того что рыбы по дальности разстоянія его отъ мо́ря, и не много туда доходятъ и весьма поздо, такъ что Нижношантальскіе жители тогда кормомъ со всѣмъ исправляются, когда въ Верьхнемъ начинается промыселъ. Чего ради жители по всякую почти весну претерпѣваютъ голодъ, и принуждены бываютъ весною закупать рыбу по Пенжинскому и бобровому мо́рю. Соль и жиръ они покупаютъ въ нижнемъ Камчатскомъ остро́гѣ, или сами на устье Камчатки для варенія ея ѣздятъ, не взирая на великое разстояніе: ибо отъ верхняго Камчатскаго остро́га до устья Камчатки болѣе 400 верстъ. Прежде сего помянутые недостатки награждаемы бывали морскими бобрами съ боброваго мо́ря, которыхъ казаки получали довольно; но нынѣ и та ихъ польза миновала, для того что на бобровомъ морѣ мало приваловъ бываетъ, при которомъ случаѣ самой лучшей того звѣ-

ря

ря промыселъ. Есть ли же у помянутаго остр҃га Бобровое море приписано по близости къ Авачинскому остр҃гу, то жителямъ сего остр҃га вся надежда на земледѣліе останется, чѣмъ они, ежели не полѣнятся, болѣе прибыли получать будутъ, нежели отъ торгу съ Камчадалами; въ противномъ случаѣ и жить имъ тамъ почти не у чего будетъ.

Нижней Камчатской или Нижнеканпальской остр҃гъ отъ верхняго Камчатскаго остр҃га въ 397 верстахъ, стоитъ на томже берегу рѣки Камчатки не доѣжжая за 30 верстъ до ея устья. Кр҃пость въ немъ четвероугольная, огорожена полисадникомъ длиною 42, а шириною 40 саженъ съ проѣжжею рубленою башнею, которая здѣлана посреди стѣны западной. Внутрь кр҃пости строенія церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ предѣломъ Николая Чудотворца, ясашная изба съ сѣньми и амункою, домъ Государевъ, въ которомъ живутъ прикащики, два анбара кладовые, въ которыхъ содержится ясашная казна и военные припасы. Все строеніе въ разсужденіи другихъ остр҃говъ изрядное и прочное, для того что все изъ лиственишнаго дерева. За кр҃постью строенія обывательскихъ домовъ 39, да кабакъ съ винокурнею. Жителей всякаго чина 92 человѣка.

Сей остр҃гъ въ разсужденіи вещей потребныхъ къ человѣческому содержанію по тамошнему обстоятельству, можно почесть преизобильнымъ и преспособнымъ мѣстомъ; 1) что тамъ довольно преизрядной рыбы, которой жители и соляпъ и сушатъ со излишествомъ. 2) что въ лѣсу не токмо къ хоромному

Digitized by Google

остр҃га не меньше четырехъ рублевъ на пудъ приходитъ.

Четвертой острогъ заведенъ при Авачинской губѣ въ 1740 году, а жители переведены туда изъ нижняго и верхняго Камчатскихъ остроговъ. Тамъ построены преизрядные домы, особливо же великолѣпно по тамошнему состоянію строеніе Камчатской Экспедиціи, которое стоитъ около Петропавловской гавани Вящшее еще украшеніе придаетъ ему церковь съ пристойнымъ зданіемъ, что на изрядномъ мѣстѣ воздвигнута.

Преимущества и недостатки сего мѣста почти тѣже что и большерѣцкаго остр҃га; въ томъ токмо есть нѣкоторая отмѣна, что на Авачѣ бобровые промыслы передъ руками, напротивъ того вода не столь хороша и здорова, какъ въ большей рѣкѣ. Многіе отъ ней хворали одышкою, чего ради знатнѣйшіе изъ Камчатской Экспедиціи не рѣдко за водою посылать принуждены бывали на рѣку Авачу, которая въ Авачинскую губу впадаетъ.

Въ какомъ состояніи пятой острогъ, что при рѣкѣ Тигилѣ, про то объявить нельзя: ибо оной зачатъ строить уже по выѣздѣ моемъ съ Камчатки, токмо то извѣстно, что отправлено во оной 37 человѣкъ на поселеніе. Господинъ Стеллеръ пишетъ, что помянутой острогъ заблаго разсуждено строить для трехъ причинъ: 1) чтобъ бунтующихъ сидячихъ Корякъ содержать въ послушаніи, 2) чтобъ оттуда проложить дорогу вкругъ Пенжинскаго м҃оря до Охотска, 3) чтобъ защищать въ нужномъ случаѣ Оленныхъ

ныхъ Коряк̀ъ отъ Чукочь, которые ихъ всегда раззоряютъ. Жители сего остро́га могутъ много пользы отнять у Нижношантальцовъ: 1) что имъ не столь способно будетъ получать соболей Тигильскихъ; 2) что Коряпскіе товары прежде Тигильцамъ доставаться имѣютъ; 3) что ясашные Коряки Пенжинскаго мо́ря, которые были подъ Нижнимъ, чаятельно къ Тигильскому остро́гу какъ къ ближайшему приписаны будутъ.

ГЛАВА 6.

О житіи тамошнихъ казаковъ, о изобрѣтеніи травянаго и ягоднаго вина, о куреніи, о прежней винной продажѣ и о доходахъ казачьихъ.

Казачье житье на Камчаткѣ не разнствуетъ почти отъ Камчадальскаго: ибо какъ тѣ, такъ и другіе питаются кореніемъ и рыбою, и въ пѣхже трудахъ упражняются: лѣтомъ промышляютъ рыбу и запасаютъ въ зиму, осенью копаютъ коренье, дерутъ кропиву, а зимою вяжутъ изъ оной сѣти. Вся разность состоитъ въ томъ: 1) что казаки живутъ въ избахъ, а Камчадалы по большей ча́сти въ земляныхъ юртахъ; 2) что казаки ѣдятъ больше варену́ю нежели сухую, а Камчадалы больше сухую; 3) что казаки изъ рыбы дѣлаютъ различныя кушанья, какъ напримѣръ, тельныя, пироги, блины, оладьи и прочее, чего Камчадалы до россійскихъ людей не знали. Но понеже въ такомъ житіи безъ женскаго полу обойтись никакъ не возможно, для того что больша́я часть помянутыхъ трудовъ лежитъ на ономъ, какъ

на примѣрѣ, чищеніе рыбы, копаніе коренья, портная и сапожничья работа, сученіе пряжи и прочая, а казаки поселились на Камчаткѣ безъ женскаго пола, для того что по трудности пути и одни проходили съ нуждою; того ради сообщу я средства, которыя они употребляли.

Что казакамъ новое оное мѣсто не все ласкою, но иногда и силою покорять надлежало, о томъ всякому довольно разсудить можно. Изъ острожковъ покоренныхъ силою брали они довольное число въ полонъ женскаго полу и малолѣтныхъ, которыхъ раздѣляя по себѣ владѣли ими какъ холопами. Оные холопы должны были стараться о всемъ потребномъ къ содержанію, а они какъ господа довольствовались готовымъ ни за какіе труды не принимаясь. Для присмотру за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на которыхъ они по прижитіи дѣтей по большей части и женивались. А которые желали чрезъ супружество свойство имѣть съ вольными Камчадалами, тѣ давали имъ на себя записи, что они по прибытіи священника дочерей ихъ за себя возмутъ. Такимъ образомъ случалось, что у казака крестины невѣсты, свадьба, молитва и крестины дѣтей отправлялись вмѣстѣ: ибо во всѣхъ остро́гахъ одинъ былъ священникъ, которой жилъ въ Нижнемъ остро́гѣ, а въ другіе пріѣзжалъ черезъ годъ или черезъ два года; между тѣмъ многіе женившись по вышеписанному обыкновенію давъ на себя запись дѣтей раждали, которыхъ дьячку должно было крестить, а священнику пріѣхавъ и родителей вѣнчать и совершать тайну крещенія.

Камчат-

Камчатское житіе казакамъ, какъ такимъ людемъ, которые не видали лучше, не непріятно казалось, пѣмъ наипаче, что жили они какъ дворяне за холопами. Соболей, и другой мягкой рухляди получали довольно. Въ карты, которая ихъ вящшая была забава, имѣли что проигрывать. Одно ихъ мучило, что винъ достать было имъ не гдѣ, однако и тотъ недостатокъ отъ охотниковъ награжденъ вскорѣ, какъ ниже сего объявлено будетъ: а здѣсь надобно упомянуть о картошномъ ихъ увеселеніи, какое они получали удовольствіе и прибыль. Прежде сего лучшее сходбище у нихъ было въ ясашной избѣ: тамъ были суды, совѣты, споры и зерновое мѣсто; а когда завелись кабаки, тогда все помянутое въ нихъ произходить начало. Игроки приходили туда съ соболями или лисицами; а когда того не доставало, приводили холопей. Лучшее у нихъ мѣсто на палатяхъ: игрывали въ великую сумму по пѣхъ поръ, пока оба оставались наги, ибо соболи и лисицы разходились на вино, на картеное и на свѣтовое; а кто въ выигрышѣ оставался, тотъ доволенъ бывалъ мнимою прибылью, что бралъ письмо въ долгу, которой они кабалой называли. Почти повѣрить тому не льзя, какое при томъ бѣдные ихъ холопи терпѣли мученіе, часто случалось, что въ одинъ день доставалось имъ имѣть по двацати хозяевъ, о чемъ и понынѣ многіе съ горестію воспоминаютъ.

Что касается до изобрѣтенія вина, то оное нашли казаки большерѣцкіе такимъ образомъ: обычай у нихъ есть всякія ягоды заготовлять въ зиму, какъ

уже выше объявлено. Нѣкогда случилось, что ягоды къ веснѣ окисли, и ни въ какую потребу кромѣ квасу не были годны; между тѣмъ нѣкоторые пьючи окислой цѣльной росолъ почувствовали хмель въ себѣ, чего ради приготовя котелъ перегонили оныя съ желаемымъ успѣхомъ къ великой радости всѣхъ жителей. Съ тѣхъ поръ на Камчаткѣ безъ вина уже не было, а особливо когда провѣдано, что и изъ сладкой травы вино родится. Когда у нихъ не доставало на вино ягодъ, тогда мочили они сладкую траву въ водѣ, и положа въ сусло толченыхъ кедровыхъ орѣховъ, и сквася пили вмѣсто меду. Но какъ и отъ того почувствовали шумъ въ головѣ, тотъ часъ устремились на опыты. Въ началѣ квасили сладкую траву въ кипрейномъ суслѣ, и то сусло перегоняли, но безъ успѣху; потомъ начали и самую траву въ котлы класть, тогда получили, чего искали. Но понеже сладкую траву въ кипрейномъ суслѣ мочить убыточно было, то отвѣдывали они гнать вино и изъ одной сладкой травы, въ чемъ неменьшей успѣхъ имѣли. И сей способъ какъ непроторной понынѣ въ употребленіи.

Какимъ образомъ сладкая трава заготовляется, о томъ во второй части сего описанія упомянуто, а здѣсь осталось объявить, какъ изъ заготовленной травы вино выгоняютъ.

Сухую траву пластинами мочатъ они въ теплой водѣ, наливъ воды въ небольшее судно столько, чтобъ трава могла погрузиться; и положа въ оную жимолостныхъ ягодъ или пьяницы, замазываютъ кругомъ, и

ставятъ въ теплое мѣсто. И сіе называютъ они приголовкомъ, которой киснетъ съ превеликимъ шумомъ. Знакъ его совершенства: какъ перестаетъ гремѣть, тогда мочатъ они сладкой травы въ большихъ кадяхъ пуда по два и по три, и квасятъ объявленнымъ приголовкомъ, и при всемъ поступаютъ, какъ выше показано, а сіе называютъ они брагою. Когда брага гремѣть перестаетъ, тогда кладутъ оную въ чугунные или мѣдные котлы, накрываютъ деревянною крышкою, въ которой вмѣсто трубы обыкновенно вмазывается ружейной стволъ, и гонятъ раку по пѣхъ поръ, пока въ ней есть кислость. Сія рака крѣпостію подобна хорошему вину, чего ради и пьютъ оную за вино, не переганивая въ другой разъ. А ежели перегнать, то вино столь крѣпко бываетъ, что можно травить желѣзо. Дѣлаютъ же брагу и безъ приголовку заквася водою, въ которой мочена негодная трава, что по выгнаніи вина въ котлахъ остается. Изъ трехъ пудъ или и изъ двухъ съ половиною выходитъ рака печатное ведро, которое изъ казны по 20 рублевъ продавалось.

Есть ли кому неизвѣстны тамошнія обстоятельства, тотъ въ разсужденіи помянутаго пространнаго казачья житья безъ сумнѣнія пожелаетъ вѣдать, откуда получаютъ толь великіе доходы; чего ради сообщу я здѣсь для такихъ любопытныхъ краткое о прибыткахъ ихъ извѣстіе. Съ начала завоеванія Камчатки имѣли они довольной случай богатиться: 1) отъ частыхъ находовъ на немирныхъ Камчадаловъ, которыхъ они покоряли военною рукою; 2) отъ ясашнаго

сбору,

збору, при которомъ каждому рядовому казаку по нѣскольку мягкой рухляди доставалось на пай, ибо каждой Камчадалъ кромѣ ясаку долженъ былъ дать имъ четыре лисицы или соболя, одного звѣря зборщику, другаго подъячему, третьяго толмачу, четвертаго на рядовыхъ казаковъ: а такіе излишніе поборы назывались у нихъ чащинами, а въ Якутскѣ бѣлякомъ; 3) отъ торгу съ Камчадалами, которымъ они при зборѣ всякіе мѣлочные товары продавали, или въ долгъ отдавали дорогою цѣною. И хотя по бывшемъ слѣдствіи оные излишніе зборы отвращены, однако торгъ съ Камчадалами повольной состоитъ за казаками. Они снимаютъ товары у купцовъ, и развозя по Камчадаламъ продаютъ имъ двойною цѣною и свыше, но не всѣ на мяхкую рухлядь: ибо берутъ они по цѣнѣ и потребное къ своему содержанію, какъ на примѣръ, лодки, сѣти, съѣстные припасы и прочая. И сіе есть одно средство; что казаки въ безхлѣбныхъ оныхъ и всѣмъ скудныхъ мѣстахъ могутъ содержать себя жалованьемъ пѣшихъ казаковъ, котораго денежной окладъ 5 рублей, да за хлѣбъ денегъ по Якутской цѣнѣ, а каждому исправному казаку кромѣ нужнаго къ пропитанію на одно платье лѣтнее и зимнее, на сабакъ и на военные припасы надобно не меньше 40 рублевъ на годъ: ибо пара куклянокъ продается по 6 по 7 и по 8 рублей, штаны теплые рубли по 2 и по 3, на тарбасы зимніе и лѣтніе, на шапку и рукавицы не меньше четырехъ рублей положить должно, на чулки шерстяные рубль, на двѣ рубахи пестрединныя или холстинныя 4 рубли: ибо тамъ пе-

спреди

спреди и холста по 4 аршина на рубль продается, на лѣтніе ровдужные штаны 2 рубли, нарту самыхъ плохихъ сабакъ съ приборомъ ниже десяти рублевъ достать не можно, винтовка по тамошнему мѣсту не малой цѣны стоитъ, а пороху и свинцу и за великія деньги достать не безъ трудности.

ГЛАВА 7.

О подчиненныхъ каждому россійскому острогу Камчатскихъ и Коряпскихъ острожкахъ, о посылаемыхъ къ нимъ зборщикахъ, и о другихъ казенныхъ Камчапскихъ доходахъ.

Понеже выше сего показано, что россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ нынѣ пять, а есть ли къ нимъ приписные Камчатскіе и Коряпскіе острожки или нѣтъ, про то неизвѣстно; того ради сообщу я здѣсь извѣстіе, какіе иноземческіе острожки въ бытность мою къ тремъ старинпымъ острогамъ къ большерѣцкому, Верхнему и Нижнопанпальскому принадлежали, кто имены въ нихъ Тоіоны были, и сколько имѣли подчиненныхъ, и какихъ окладовъ; а наконецъ по скольку зборщиковъ изъ каждаго россійскаго острога, и въ которыя имянно мѣста отправлялись.

Большерѣцкой присудъ, какъ выше сего писано, по берегу Пенжинскаго моря отъ устья большей рѣки къ югу до рѣки Опалы, къ сѣверу до Воровской, по берегу Восточнаго моря отъ Авачи до Налачевой рѣки простирается, а всѣхъ острожковъ въ тѣхъ мѣстахъ по переписнымъ книгамъ считается осмнатцать, а имянно:

	Соболь-ники	Лисич-ники	Число душ
На большéй рѣкѣ,			
1) Кученичевъ острогъ, въ немъ Тоіонъ Кученичь, ясашныхъ - - -	6	17	25
2) Сикушкинъ, Тоіонъ Курухтачь, ясашныхъ - - - - - - -	12	15	27
3) Апачинъ, Тоіонъ Апача, ясашныхъ	4	10	14
4) Начикинъ, Тоіонъ Начика, ясашныхъ	6	3	9
	30	45	75
По рѣкѣ быстрой,			
5) Карымаевъ, Тоіонъ Карымай, ясашныхъ	7	9	16
По Пенжинскому мóрю отъ рѣки Опалы до Воровской,			
6) на рѣкѣ Оаплѣ Тоіонъ Хантай, ясашныхъ - - - - - -	5	9	14
7) на Уткѣ рѣкѣ, Тоіонъ Келюга, ясашныхъ - - - - - -	4	10	14
8) на рѣкѣ Кыкчикѣ у Тоіона Шемкочя	13	29	42
9) на тойже рѣкѣ у подчиненнаго Тоіона Тавача - - - - -	10	20	30
10) на рѣкѣ Немтикѣ у Тоіона Налача	5	5	10
11) на рѣкѣ Корѣ у Тоіона Савачилки	8	12	20
12) на Воровской рѣкѣ у Тоіона Тонача	27	53	80
По рѣкѣ Авачѣ и Авачинской губѣ и оттуды на сѣверъ до рѣки Налачевой,			
13) на Авачѣ у Тоіона Пинича - -	2	7	9
14) въ Паратунѣ острожкѣ у Тоіона Карымчи, въ томъ числѣ одинъ кошлока плашитъ - - - - -	6	19	25

15)

	Соболь-никовъ	Лисич-никовъ	Число душъ
15) Въ Купкиномъ острожкѣ у Тоёона Тареи да сверьхъ того одинъ платитъ бобра, другой кошлока, и того - -	17	37	54 / 56
16) Въ острожкѣ у Тоёона Ніаки двое платятъ по кошлоку - - -	6	12	20
17) Въ Колахтыряхъ у Тоёона Апауля одинъ платитъ бобра - - - -	3	8	12
18) На Налачевой у Тоёона Мгапа трое платятъ по бобру, двое по кошлоку	8	14	27
Да Въ 1738 году по разнымъ рѣкамъ вновь объясачено, одинъ въ соболиной, 45 человѣкъ въ лисичной, да 1 въ окладъ лисицы сиводущатой.			
И того большерѣцкаго вѣденія въ 17 острожкахъ боброваго оклада 5			
кошлаковаго - - - 6			
собольниковъ - - - 151			
лисишниковъ - - - 288			
А всего съ новообъясаченными 47 человѣками - - - - - -			497

За зборомъ въ помянутыя мѣста присылается нынѣ изъ Охотска ежегодно Комисаръ изъ тамошнихъ служивыхъ людей, которой на Авачу и по Пенжинскому морю самъ ѣздитъ, а съ Опалы и изъ другихъ

гихъ посторонніхъ острожковъ сами Камчадалы въ остроґъ пріѣжжаютъ. Сколько же ясаку самому Комисару добрать не случится, то по возвращеніи въ остроґъ посылаетъ онъ отъ себя служивыхъ за недоборомъ, одного по Пенжинскому мо́рю, другаго на Авачу, третьяго на Опалу, а иныхъ къ тѣмъ Камчадаламъ, которые оставя прежнія жилища поселились въ вѣденіи другихъ россійскихъ остроговъ.

Прежде сего и Курильцы состояли подъ большерѣцкимъ острогомъ, и туда посылался изъ большерѣцка зборщикъ, но нынѣ изъ Охотска нарочной присылается. При каждомъ зборщикѣ бываетъ пищикъ, толмачь, цѣловальникъ, да нѣсколько человѣкъ служивыхъ людей, которымъ казну караулить должно. Ясакъ принимаетъ Комисаръ при всѣхъ обьясненныхъ людяхъ съ совѣту ихъ, которой годенъ или негоденъ, причемъ толмачь переводитъ что надобно, пищикъ вписываетъ въ шнуровыя книги, и даетъ отписи. Ясакъ отдается на руки цѣловальнику, а хранится за егожъ и за Комисарскою печатьми. И сіе о всѣхъ Комисарахъ разумѣть должно.

Къ верьхнему Камчатскому остроґу, котораго вѣдомство отъ вершины Камчатки до Выпылгиной рѣчки, по берегу Пенжинскаго мо́ря отъ Конпановой на сѣверъ до рѣки Коврана, а по бе́регу Восточнаго мо́ря отъ Кронацкого носу на югъ до Шипунскаго острожку простирается, принадлежатъ слѣдующіе острожки:

По

	Особ.	Дисс.	Всего
По рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до Выпылгиной рѣчки,			
1) Чаничевъ острогъ, Тоіонъ въ немъ Ганала, ясачныхъ - - - -	37	57	94
2) Ирюмлинъ, Тоіонъ Шипкамакъ, ясачныхъ - - - - -	19	24	43
3) Машуринъ, Тоіонъ Начика Машуринъ	84	70	153
4) Шапинъ или Шепенъ лучшей мужикъ Начика, людей - -	8	5	13
5) Тулуачь Тоіонъ Канач Кукинъ, ясачныхъ - - - - -	3	9	12
6) Козыревской, Тоіонъ Накша, ясачныхъ - - - - - -	5	9	14
7) Выпылгинской, лучшей мужикъ Быргачь, ясачныхъ - - - -	4	2	6
По Пенжинскому морю отъ Конпановой рѣки до Коврана,			
8) Конпаковской, Тоіонъ Акетъ, ясачныхъ - - - - - -	11	42	53
9) Крутогоровской, Тоіонъ новокрещенъ Иванъ Павлутской -	11	30	41
10) Оглукоминской, Тоіонъ новокрещенъ Иванъ Опласовъ, ясачныхъ	15	34	49
11) Ининской, въ немъ Тоіонъ Тынешга, ясачныхъ - - -	23	61	84
12) Сопошной, Тоіонъ Тонячь, ясачныхъ - - - - - -	14	36	50
13) Морошечной, Тоіонъ Вийхо, ясачныхъ - - - - - -	3	10	13

	Бобровщики	Соболь-щики	Диких-вики	число людей
14) бѣлоголовой, Тоіонъ Тарея, ясачныхъ		11	33	44
15) быстрой рѣки острожекъ, Тоіонъ Хомлитъ, ясачныхъ		10	26	36
16) Харіузовской, Тоіонъ брюмча, ясачныхъ		16	34	50
17) Ковранской, Тоіонъ Игинякъ, ясачныхъ		6	20	26
По бе́регу боброваго мо́ря,				
18) Кроноцкаго острожку, что въ губѣ, Тоіонъ Гатальча, ясачныхъ	6	8	30	44
19) Усть-Кроноцкаго острожку Тоіонъ брючь, ясачныхъ	1	2	6	9
20) Кемпча острожка у Тоіона Ижу́ры	5		15	20
21) Шемячинскаго острожка у Тоіона Тени́вы	1	1	12	14
22) березовскаго острожку у Тоіона Тукача	1	1	12	14
23) Жупановскаго острожка у Тоіона Пишкаля	2	4	12	18
24) Калигарскаго острожка у Тоіона Кужаки	1	2	8	11
25) Островной рѣки у Вахиля въ острожкѣ		9		9
26) Тойже Островной рѣки на морскомъ острову у Тоіона Апачи	9	1	35	45

27)

	Бобров-ских	Соболь-ских	Лисич-ских	Всего ясаку
27) Шипунскаго острожка у Тоіона Кушуги - - - - - -	1		10	11
Да сверьхъ того ясачныхъ Корякъ, которые живутъ на Авачѣ -		3	9	12
И того въ 27 острожкахъ, подсудныхъ верьхнему Камчатскому остроґу	27	302	651	982

За ясакомъ въ помянутые острожки обыкновенно посылывались по три зборщика; одинъ на бобровое, другой на Пенжинское море, а третей по рѣкѣ Камчаткѣ: но нынѣ присылаемые изъ Охотска зборщики иногда по всѣмъ мѣстамъ сами ясакъ збираютъ, а отъ себя уже посылаютъ токмо за недоборомъ.

Къ Нижношантальскому остроґу принадлежатъ слѣдующіе иноземческіе острожки.

По рѣкѣ Камчаткѣ

	Соболь-ских	Лисич-ских	Всего ясаку
1) Усть-Камчатской; Тоіонъ Тавачь, ясачныхъ - - - - - -	15	77	92
2) На озерѣ Колко-кро; Тоіонъ Намахаручь, ясачныхъ - - -	2	12	14
3) Шантальской, Тоіонъ Тумучь, ясачныхъ - - - - - - -	5	26	31

4)

		Соболи-ныхъ	Лисич-ныхъ	Всего ясаку
4)	Хапичинской, Тоіонъ Лемшинга, ясачныхъ - - - - -	9	23	32
5)	Пеучевъ или Шваноломъ, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ - - -	17	85	102
6)	Щечкинъ, Тоіонъ щечка, ясачныхъ	9	15	24
7)	Каменной, Тоіонъ новокрещеной Иванъ Карбагановъ, ясачныхъ -	6	63	69
8)	Ключевской, Тоіонъ Ликочь, ясачныхъ	11	34	45
9)	Каначевъ, Тоіонъ Налачь, ясачныхъ	12	39	51
10)	Итателевъ; Тоіонъ Итатель, ясачныхъ - - - - -	17	27	44
	По рѣкѣ Еловкѣ			
11)	Усть-Еловской, или Коаннымъ, Тоіонъ Степанъ Харчинъ - -	4	11	15
12)	Верхо-Еловской, Тоіонъ Тавачь Тенивинъ, ясачныхъ - - -	40	77	77
	По берегу Восточнаго моря			
13)	Столбовской, Тоіонъ Чегага, ясачныхъ	4	19	23
14)	Укинской Тоіонъ Коричь, ясачныхъ	9	15	24
15)	Пильчингылыпъ, онъ же и Маймлянской, Тоіонъ начика, ясачныхъ	8	24	32
16)	Уакамелянъ, онъ же и Кахтанской, Тоіонъ Холюли, ясачныхъ Корякъ	4	5	9
17)	Русаковъ, Тоіонъ Куму - -	2	21	23
18)	Острожекъ на усть-губы, Тоіонъ Камакъ ячачныхъ - - -	2	28	30

	Соболи.	Лисицы.	Число ясак.
19) Юмгинъ, Тоіонъ Умьеучкинъ, ясачныхъ - - - - -		25	25
20) Карагинской, Тоіонъ Кумлю, ясачныхъ - - - - -		20	20
21) На Карагинскомъ морскомъ острову Тоіонъ Тáта, ясачныхъ - -		30	30
итого	176	636	812
По бéрегу Пенжинскаго мóря,			
22) Тигильской, Тоіонъ Пейвевъ, ясачныхъ	31	61	92
23) Напанской, Тоіонъ Хоткамакъ, ясачныхъ - - - - -	8	26	34
24) Аманинской, Тоіонъ Ляля, ясачныхъ	1	18	19
25) Упколотской, Тоіонъ Ляля Камаковъ, ясачныхъ - - - - -	5	22	27
26) Ваемпальской, Тоіонъ Унепоха, ясачныхъ - - - - -	21	59	80
27) Кахтанской, Тоіонъ Кулу Нимгыитъ, ясачныхъ - - - - -	4	30	34
28) Верхней Палланской, Тоіонъ Амгаль, ясачныхъ - - - - -	1	16	17
29) Средней Паланской, Тоіонъ Амриль, ясачныхъ - - - - -	7	15	22
30) Нижней Палланской, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ - - - - -	4	30	34
31) Лéсной, Тоіонъ Келляхъ, ясачныхъ	1	37	38
32) Подкагирной, Тоіонъ Томгиргинъ, ясачныхъ - - - - -	2	33	35
Всего нижняго Камчатскаго остр6га въ 32 подсудныхъ острожкахъ -	254	983	1237

За ясакомъ въ помянутые острожки посылаются по трое зборщиковъ, одинъ на Тигиль, другой на Уку, третей на Карагинской островъ: а живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ, яко подгородные, сами съ ясакомъ въ острогъ пріѣзжаютъ, которой отъ Комисара принимается.

Всѣхъ Камчатскихъ остроговъ ясашной зборъ съ 2716 душъ состоитъ изъ 34 бобровъ и кошлоковъ, изъ 17 сороковъ 26 соболей, и изъ 1962 лисицъ, къ которому надлежитъ еще присовокупить до 100 нприказъ бобровъ съ островныхъ и живущихъ на Лопаткѣ Курильцовъ, котораго збору по тамошней цѣнѣ можно положить на 10000 рублевъ, нѣмъ наипаче: что иногда вмѣсто красныхъ лисицъ приносятся въ ясакъ соболи, сиводушки, чернобурыя, крестовки, а гдѣ бобры ловятся, тамъ и бобры или кошлоки; а по Иркутской цѣнѣ вдвое или и свыше.

По ясачномъ зборѣ главной казенной тамошней доходъ отъ винной продажи, котораго будетъ до трехъ или 4000. Подушнаго збору, съ казачьихъ дѣтей малое число, а другихъ казенныхъ доходовъ никакихъ при мнѣ не было, ибо съ купечества десятая выдѣляется въ Охотскомъ острогѣ. Но можетъ быть нынѣ казенные оные доходы умножились отдачею на откупъ Берингова и другихъ острововъ, гдѣ бобры промышляются.

ГЛАВА

ГЛАВА 8.

о купечествѣ.

Каково было на Камчаткѣ купечество *съ начала ея покоренїя, коимъ образомъ оно состояло за одними прикащиками и за служивыми, которые изъ Якутска присылались за ясачнымъ зборомъ, и какъ у служивыхъ торгъ бывалъ съ Камчадалами, оное уже изъ вышеписаннаго явствуетъ, а здѣсь должно объявить особливо отомъ, съ котораго времени начали пріѣжжать купцы настоящїе, какїе товары въ тѣхъ мѣстахъ похожи, и какова прибыль отъ тамошняго торгу.

Хотя мѣлочники ѣжжали на Камчатку при зборщикахъ и съ самаго покоренїя Камчатки, однако ихъ за купцовъ почитать нельзя, для того что они не столько пеклись о купечествѣ, сколько о службѣ, которую и наряду съ Казаками служили, а часто и команду получали надъ ними отъ прикащиковъ; особливо же что никто почти изъ нихъ не желалъ казакомъ не быть, которое однакожъ щастїе случалось

*Нѣкоторые объявляютъ, якобы купечество было и у Камчадаловъ съ Японцами еще ста за полшора лѣтъ, и будто Японцы мѣняли имъ на мяхкую рухлядь всякїе желѣзные и мѣдные инструменты, особливо ножи и иглы. Но хотя бы то была и правда, однако купечества ихъ купечествомъ почесть не можно: ибо при томъ сказываютъ, что Японцы токмо тогда съ ними торговали, когда ихъ заносило къ тѣмъ мѣстамъ погодою. Напротивъ того иные объявляютъ, якобы Японскїя бусы два раза приходили съ торгомъ въ Большерѣцкое устье, однако все сїе требуетъ подтвержденїя. Сїе можно сказать за истинну, что у Камчадаловъ ни между собою, ни съ сосѣдьми торгу не было. Что жъ до Японцовъ касается, то оные пріѣжживали на острова Курильскїе, и на разныя вещи вымѣнивали у нихъ мяхкую рухлядь и орлиное перье, какъ выше о Курилахъ показано.

не всякому ; ибо большая часть невзирая на военную службу остались подъ именемъ посадскихъ, и при первой ревизіи въ подушной окладъ положены , какъ тамошніе настоящіе жители. Уповательно , что тогда изтоль отдаленнаго , новаго и малолюднаго мѣста никого вывозить невѣлено было.

Настоящихъ купцовъ прикащики съ довольнымъ числомъ товаровъ начали пріѣжжать съ перьва въ Охоцкъ , а потомъ и на Камчатку, въ то время , какъ вторая Камчатская Експедиція въ оныя мѣста переѣхала , при которой, въ разсужденіи многолюдства, былъ великой росходъ товарамъ , и столь съ великою ихъ прибылью , что нѣкоторыя мѣлочники , которые изъ Россіи пришли на судахъ въ рабопіѣ , въ шесть или семь лѣтъ здѣлались такими купцами , у которыхъ торгу до 15000 и болѣе. Напротивъ того нѣкоторые отъ чрезвычайнной оной прибыли и свое потеряли , не хотя скоро выѣхать , и желая больше обогатиться. Между тѣмъ вдавшись въ роскоши , и несмѣя своимъ хозяевамъ явиться , тамъ было и посѣлились , уповая что и ихъ , такъ какъ вышепоказанныхъ защитить отъ вывоза въ свои мѣста дальнее разстояніе и малолюдство Камчатскихъ обывателей : однако въ томъ ошиблись къ немалой пользѣ купцовъ , которые посылаютъ въ тѣ мѣста прикащиковъ.

Но съ Камчатскою Експедиціею былъ у купечества весьма другой торгъ въ разсужденіи Камчатскаго: ибо всѣ бывшіе при оной , жалованные люди , покупали товары на наличныя деньги , а Камчатскимъ обывателямъ принуждены они все отдавать въ долгъ,

и ждать

и ждать, пока они зимою изъ Орды возвратятся. Тогда берутъ у нихъ за товары свои мягкою рухлядью по тамошней цѣнѣ съ преизрядною прибылью, такъ что хотя почти всѣ купцы выѣжжаютъ съ Камчатки оставя по нѣскольку сотъ долгу безнадежнаго, однако барыша вывозятъ по самой малой мѣрѣ въ двое или въ трое. Ежели же взять въ разсужденіе мѣну Камчатскихъ товаровъ на Китайскіе, то за всѣми проторьми, которымъ по дальности разстоянія, по трудности проѣздовъ, по дороговизнѣ найму подводъ и своего содержанія весьма знатнымъ быть должно, безъ ошибки можно получить по четыре тысячи на тысячу, какъ изъ нижеписаннаго можно будетъ яснѣя видѣть. Но такую прибыль отъ большой части получаютъ купцы, которые не свыше года живутъ въ Камчаткѣ; въ противномъ случаѣ не малой ущербъ претерпѣваютъ. Причина тому: 1) что они съ пріѣзду распродаютъ, какъ можно, всѣ свои товары и вещи, не жалѣя и платья, льстясь на дороговизну; а сами остаются ни съ чемъ, уповая на скорой выѣздъ. А когда осѣкаются за какимъ препятствіемъ въ другой годъ, тогда нужные себѣ товары принуждены перекупать между собою двойною цѣною; 2) что мягкая рухлядь чемъ болѣе лежитъ, тѣмъ болѣе оцвѣтаетъ, а слѣдовательно теряетъ свою доброту и цѣну; 3) что лежачіе товары никакой имъ не приносятъ прибыли; а о скукѣ необыкновенному къ тамошнимъ мѣстамъ, о бѣдномъ, но дорогомъ пропитаніи, о найму квартиръ и кладовыхъ анбаровъ, и о другихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ и упоми-

нать нечего ; что все въ случаѣ скораго выѣзду избѣгается.

Похожіе на Камчаткѣ товары отчасти россійскіе или вообще Европейскіе , отчасти Сибирскіе , бухарскіе и Калмыцкіе , а отчасти Коряшскіе изъ Анадырска. Изъ Европы идутъ туда сукна цвѣтныя недорогой цѣны , холстъ , пестредь , стамедъ , Усольскіе ножи , всякая обувь , которая въ Казанѣ или въ Тобольскѣ закупается , платки шелковые и бумажные , вино красное , токмо помалу , сахаръ леденецъ и бѣлой , табакъ листовой , всякія серебреныя мѣлочи и нѣсколько позументу , также зеркала , гребни , пронизки и бисеръ. Изъ Сибири желѣзная и мѣдная посуда , желѣзо полосное и дѣланное въ разные инструменты , какъ напримѣръ : ножи , топоры , клепешные зубки и огнива. Оттуду жъ возятъ воскъ , соль , пеньку и пряжу на сѣти , пріятнѣйшіе тамошніе товары ; а стерьхъ того лосину дѣланую , хрящь и сермяжныя сукна. Изъ Бухаріи и Калмыцкой земли выбойки , чалдары , зедени и другіе Еркецкіе товары. Изъ Китая голи , полуголи и другія симъ подобныя матеріи , фанзы , лензы , китайка , шелкъ , Китайской табакъ , Китайскіе корольки , иглы , которыя россійскимъ предпочитаются , и другія мѣлочи. Изъ Корякъ гарно , то есть всякія дѣланыя и недѣланыя оленьи кожи , которыя лучшей тамошней товаръ составляютъ , и которымъ много росходу : ибо другихъ товаровъ надобно привозить смотря по тамошнему мѣсту умѣренно , ежели кто ихъ желаетъ продать хорошею цѣною. Въ противномъ случаѣ не смотря на дешевизну товаровъ залежатся могутъ ,

могутъ, для того что купить будетъ нѣкому: ибо тамошніе посадскіе о торгу не спараются, и при отъѣздахъ купцовъ остальныхъ товаровъ не скупаютъ, чтобъ со временемъ съ барышомъ продать, хотя могли бы отъ того получать и не мало прибыли. Для того что Камчатскіе жители, будто бы послѣдуя Камчадаламъ, по большой части такъ поступаютъ, что ничего себѣ не покупаютъ, въ чемъ не имѣютъ нужды, какою бы дешевою цѣною товаръ отдаванъ ни былъ; а буде тотже товаръ понадобится послѣ, то у своей братьи или покупаютъ, или вымѣниваютъ четверною или пятерною цѣною.

По какой цѣнѣ привозные товары продаются, онаго для вышепоказанной причины точно объявить нельзя. Токмо можно вообще сказать что товаръ осенью, всякой когда купцы пріѣжжаютъ, и когда бываетъ какъ бы ярманка, продается дешевле; а къ веснѣ, когда товары разходятся, дороже. Но чтобъ прибыль, которую купцы получаютъ, изъяснить нѣкоторымъ образомъ, то сообщу я здѣсь роспись нѣкоторымъ товарамъ по цѣнѣ посредственной, какъ покупной, такъ и продажной:

	цѣна покупная		цѣна продажная на Камчаткѣ	
	рубли	копейки	рубли	копейки
Заморскова полотна аршинъ - - -	1	-	2- 3	-
Сермяжнаго сукна аршинъ - - - -	-	12	-	50-60
Чулки шерстяные синіе	-	25	1	-
- - - - - - - бѣлые	-	20	1	-

Рускова

	цѢна покупная		цѢна продажная	
	рубли	копейки	рубли	копейки
Рускова холста аршинъ - - -	-	4- 5	-	25-30
Китайки конецъ -	-	40-50	1½- 2	-
Голи косякъ - -	10	-	20-25	-
Полуголи - - -	5	-	10-12	-
Семиланной камки -	3	-	5- 6	-
Шелку гинъ - -	3- 4	-	10-12	-
Стамеду Китайскова конецъ - - -	-	50	- 2	-
Фанзы конецъ - -	3- 4	-	8	-
Сапоги - - - -	-	60-80	3- 4	-
бухарской выбойки конецъ - - - -	3-	-	- 7- 8	-
Калмыцкой выбойки	-	40	1- 1½	-
Олова въ дѢлѢ фунтъ	-	25	1	80
МѢдь въ котлахъ -	-	35	1	20
ЖелѢзная сковорода	-	15	1	-
Топоръ - - - -	-	15-20	1	-
Усольской ножъ -	-	12-15	1	-
Якутской ножъ -	-	5	-	20 30
Огниво - - - -	-	5	-	25
МѢлкова бисеру на -	-	15	1	-
Корольковъ сто -	-	25	1	-
Табаку Черкаскаго фун.	-	10	1-	80
Муки ржаной пудъ	-	25	4- 8	-
Сала топленаго пудъ	1-	80	4- 5	-
Масла коровья пудъ	1-	20	6- 8	-
Воску пудъ - - -			20-60	-
Ровдуги у Корякъ -	-	50	1- 1-	50
Пыжики - - - -	1	-	2	-

А вся-

А всякаго товару разходится на Камчаткѣ по привозной цѣнѣ тысячь на десять, по продажной тысячь на тритцать или на сорокъ; а на Кяхтѣ получается по малой мѣрѣ двойная прибыль. И ежели которому купцу случится въ годъ на Камчаткѣ и на Кяхтѣ, когда позволяется, или въ Иркутскѣ исторговаться, то сей торгъ не можно почесть неприбыточнымъ для купечества.

Вывозные съ Камчатки товары состоятъ въ одной мяхкой рухляди, а имянно: въ морскихъ бобрахъ, соболяхъ, лисицахъ и маломъ числѣ выдръ. И понеже прежде сего денегъ на Камчаткѣ не бывало, но все покупали на мягкую рухлядь, а деньги вступили не весьма давно; того ради тамошніе жители обыкновенно торгуютъ товары на лисицы, которыя у нихъ за рубль почитались: однако отдаютъ деньгами или и лисицами, токмо уже не по рублю лисицу, но почему когда цѣна состоитъ. Съ вывозныхъ товаровъ въ Охотскѣ берется десятая пошлина, да за провозъ по одному соболю съ сорока, и того по пяти звѣрей съ сорока.

ГЛАВА 9.

О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку ѣздятъ.

Хотя о разныхъ дорогахъ на Камчатку писать и нѣтъ нужды, для того что иныя нынѣ почти вовсе отставлены; но довольно объявить о прѣжнихъ дорогахъ, которыми обыкновенно ѣздятъ: однако

ко любопытной читатель и того не почтетъ за излишество, когда о всѣхъ порознь объявлено будетъ, тѣмъ наипаче, что такое описаніе имѣетъ служить къ изъясненію, какіе въ тѣхъ мѣстахъ россійскія поселенія, сколько къ которому зимовью или остроґу приписано ясачныхъ, и какого народу: сколько съ нихъ ясаку и аманатовъ биралось, и по скольку человѣкъ посылалось изъ Якутска служивыхъ: особливо же съ какою трудностію, и съ какимъ продолженіемъ времени ясачнымъ зборщикамъ на Камчатку ходить должно было, хотя бы и отъ непріятельскихъ людей не было имъ тогда въ дорогѣ опасности: ибо они и безъ того неизбѣжныхъ имѣли непріятелей голодъ и холодъ, которые ихъ часто губили. А что сіе правда, оное всякому легко разсудить можно, что казаки хаживали тѣмъ путемъ токмо въ зимнее время. Скарбъ, аммуницію и потребное къ пропитанію важивали на нартахъ чрезъ знатное разстояніе самыми дикими, пустыми, и многимъ ужаснымъ выогамъ подверженными мѣстами, отъ которыхъ по нѣскольку времени обыкновенно стоятъ на одномъ мѣстѣ; въ такомъ случаѣ не можно не изойти съѣстнымъ припасамъ прежде времени. Тогда сыромятнымъ сумамъ, ремнямъ, обуви, особливо же подошвамъ разходъ бываетъ, которыя они пожаря на огнѣ употребляютъ въ пищу. Повѣрить почти неможно, чтобъ человѣкъ дорожной могъ снести голодъ чрезъ 10 или 11 дней, однако въ тѣхъ мѣстахъ никто тому не удивляется; ибо рѣдкой бывалой въ той сторонѣ путь свой безъ оной нужды оканчивалъ.

Изъ

Изъ Якутска на Камчатку ѣжжали 1) по рѣкѣ Ленѣ внизъ до ея устья, гдѣ она пала въ Ледяное море: отъ устья по Ледяному морю до усть Индигирки и Ковымы рѣкъ, съ Ковымы сухимъ путемъ чрезъ Анадырскъ до Пенжинскаго или до Олюторскаго моря, а оттуду или байдарами по онымъ морямъ, или и сухимъ же путемъ. Токмо сія дорога была весьма продолжительна: ибо въ благополучную погоду, когда на морѣ льдовъ не бывало, и при способныхъ вѣтрахъ требовалось цѣлое лѣто: въ противномъ случаѣ кочи, на которыхъ они плавали, часто разбивало, и отъ того бывали они въ пути года по два и по три. Разстоянія отъ Якутска до усть-Яны 1960 верстъ, а имянно отъ Якутска до усть- Вилюйскаго зимовья 351, оттуду до Жиганскаго 465, отъ Жиганскаго до Сикитацкаго 224½, отъ Сикитацкаго зимовья до устья Лены рѣки 500½, отъ устья Лены до Успьянскаго зимовья 419 верстъ. Симъ путемъ отправлялись прежде сего изъ Якутска ясачные зборщики въ три зимовья Индигирскія, въ Алазейское и въ три зимовья Ковымскія: токмо сей путь нынѣ во все отставленъ; а сколько съ Ковымы рѣки до Камчатки разстоянія, сколько въ помянутыя зимовья посылалось служивыхъ, сколько къ нимъ ясачныхъ людей приписано было, о томъ ниже сего будетъ объявлено.

Другая дорога все сухимъ путемъ: отъ Якутска ѣздятъ на Алданскую заставу, съ Алданской заставы въ Верхоянское зимовье, оттуда чрезъ Зашиверское, Уяндинское, Алазейское, среднее и нижнее Ковымскія

зимовья до Анадырскаго остро́гу, изъ Анадырска въ нижней Камчатской, а изъ нижняго Камчатскаго чрезъ Верхней въ большерѣцкой остро́гъ.

Верхоянское зимовье отъ го́рода Якутска въ 554 верстахъ, стоитъ надъ рѣкою Яною впадающею въ Ледяное море, отъ устья въ 310 верстахъ, а конной ѣзды до оной со вьюками пять недѣль. Въ сіе зимовье отправлялось изъ Якутска по 6 человѣкъ служивыхъ. Ясачныхъ приписныхъ къ зимовью Якутовъ 195 человѣкъ, а ясаку съ нихъ збиралось по 10 со́роковъ и по 22 соболя, да по 50 лисицъ красныхъ.

Зашиверское зимовье отъ Верхоянскаго въ 360 верстахъ, стоитъ по правую сторону рѣки Индигирки, которая впадаетъ въ Ледяное же море; а конной ѣзды отъ Верхоянска до сего зимовья скорою ѣздою двѣ, а тихою четыре недѣли. Юкагирей приписано къ нему 86 человѣкъ, а ясаку збиралось по 11 со́роковъ соболей и по соболю.

Подшиверное или среднее Индигирское зимо́вье, которое во описаніи геодезистовъ не упоминается, стоитъ надъ Индигиркою же рѣкою, въ двухъ дняхъ нартянаго ходу отъ Зашиверска. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 32 человѣка, а ясаку збиралось по шести со́роковъ по 34 соболя.

Уядинское или нижнее Индигирское зимовье стои́тъ на устьѣ впадающей въ рѣку Индигирку съ лѣвой стороны Ундины рѣки, отъ Зашиверска въ 220 верстахъ; а нартянаго до него ходу пять дней. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 57 человѣкъ, а ясаку збирается 8 со́роковъ 28 соболей.

Во

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ съ 15 человѣками служивыхъ, которые должны были хранить до нихъ Аманатовъ человѣкъ съ сорокъ.

Алазенское зимовье стоитъ при впадающей въ ледяное море рѣкѣ Алазеѣ, въ знатномъ отъ устья разстояніи. Мѣрныхъ до онаго верстъ отъ Уяндинска 509, а нартянаго ходу три недѣли. Ясаку собиралось тамъ съ Юкагирей по 8 сороковъ и по 1 соболю, да по 20 пластинъ собольихъ. Аманатовъ брано съ нихъ по 6 человѣкъ, а служивыхъ присылалось по 10 человѣкъ за зборомъ.

Среднее Ковымское зимовье, стоитъ по лѣвую сторону Ковымы рѣки, которая впадаетъ въ Ледяное море. Мѣрныхъ верстъ отъ Алазейска до сего зимовья 103 версты, а ясаку тамъ збиралось съ 25 человѣкъ Юкагирей пять сороковъ и четыре соболя.

Нижнее Ковымское зимовье стоитъ по правую сторону тойже рѣки, въ 442 верстахъ отъ средняго, а нартами доходятъ до него въ три недѣли. Ясаку збиралось тамъ съ 32 человѣкъ Юкагирей по 8 сороковъ по 17 соболей.

Есть еще и верхнее Ковымское зимовье, токмо въ сторонѣ отъ Камчатской дороги. Оно стоитъ выше средняго зимовья въ 4 недѣляхъ нартянаго ходу, а ясаку въ немъ собиралось съ 43 человѣкъ Юкагирей по 5 сороковъ по 38 соболей.

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ въ 20 человѣкахъ служивыхъ, которые должны были содержать подъ охраненіемъ 25 человѣкъ аманатовъ.

Анадырской острогъ стоитъ по лѣвую сторону впадающей въ помянутоежъ море рѣки Анадыря, въ 963 верстахъ отъ нижняго Ковымскаго зимовья, а нартами доходятъ въ шесть недѣль. Ясаку збиралось тамъ съ 31 человѣка Юкагирей 78 соболей да 19 пласшинъ собольихъ. А сколько Корякъ оленныхъ и сидячихъ ему подсудно, про то извѣстія получить не могъ, токмо можно думать, что число немалое. Ибо платятъ во оной не токмо Якутскіе и Катырскіе Коряки, но и живущіе по Олюпорскому и Пенжинскому морю до самаго Охотскаго уѣзда.

Отъ Анадырскаго остроґу до Нижняго Камчатскаго 1144 версты, а ѣзды на оленяхъ съ кладью, до Пенжины недѣли съ двѣ, а оттуду по берегу Пенжинскаго моря, и отъ Тигиля черезъ хребетъ на Еловку, и по Еловкѣ до Нижняго Камчатскаго остроґу недѣли съ двѣ же, или не много больше.

Сею дорогою и понынѣ ѣздятъ во всѣ объявленные остроги и зимовья до Анадырска, выключая Камчатку, куда оною, кромѣ курiеровъ съ нужными и время нетерпящими дѣлами, никого не посылаютъ.

Третья дорога отъ большей части водянымъ путемъ. Отъ Якутска внизъ по Ленѣ до устья рѣки Алдана, которая впадаетъ въ Лену съ правой стороны по теченiю. Алданомъ вверхъ до устья текущей во оной съ правой же стороны рѣки Маи, Маею вверхъ же до впадающей во оную съ тойже стороны рѣки Юдомы, Юдомою вверхъ же до такъ называемаго Юдомскаго креста, отъ креста сухимъ путемъ до Охотска, или токмо до Урацкаго плодбища, а съ

плодбища

плодбища внизъ по Ураку до Ламскаго мо́ря, моремъ до Охотскаго порта. Изъ Охотска на морскихъ судахъ моремъ до бо́льшей рѣки, или сухимъ путемъ вкругъ губы Пенжинской; которая однако доро́га не давно проложена, и ради немирныхъ Коряк̀ъ опасна, какъ уже въ первой части упомянуто. Но отъ Якутска до Юдомскаго креста, и по Ураку водою не ѣздятъ тамошніе обыватели, для того что путь оной труденъ и весьма продолжителенъ. За частіе почитается, есть ли суда однимъ лѣтомъ до Креста дойдутъ: и для того помянутыми рѣками почти одна только Камчатская экспедиція перевозила на судахъ провіантъ и тяжести. А по Ураку никтожъ судами не плавалъ кромѣ объявленной экспедиціи, для великихъ можетъ быть и опасныхъ пороговъ.

Четвертая, и какъ бы прямѣйшая доро́га, которою въ лѣтнее время всякъ ѣздитъ, лежитъ чрезъ го́ры; и понеже мнѣ самому оною ѣхать случилось, то я сообщу описаніе моего пути, которое въ разсужденіи пополненія нашихъ ландкартъ не безполезно быть имѣетъ, тѣмъ наипаче, что въ нашихъ картахъ не токмо малыя рѣчки, но почти всѣ знатныя рѣки по той дорогѣ опущены, каковы напримѣръ Амга, Бѣлая, Юна, Юнаканъ и прочая.

Отъ го́рода Якутска плаваютъ судами до урочища называемаго Ярманка, которое отъ го́рода въ 10 верстахъ, противъ лежащаго на Ленѣ острова Медвѣжья, а по Якутски Еселя́ла. Ярмонкою она можетъ быть для того называется, что лѣтнимъ временемъ случается тамъ не мало людей отправляющихся въ Охотскъ,

Охотскъ, которые тамъ стоятъ по нѣскольку дней, и въ дорогу отправляются, то есть вывязываютъ лошадей, готовятъ вьюки, и разравниваютъ побочни, чтобъ каждой былъ въ полтретья пуда: ибо вьюшная лошадь болѣе пяти пудъ глухой клади рѣдко возитъ, выключая что наверхъ нѣсколько запасу или другой мѣлочи кладется, что называется прикладкою. Впрочемъ помянутая Ярманка пустое мѣсто.

Отъ Ярманки первое знатное урочище Кумахтай Хортыга, то есть Песчаной взвозъ или взъемъ, на верху котораго по деревьямъ навѣшено отъ Якутовъ множество волосовъ лошадиныхъ въ подарокъ мѣсту оному, чтобъ имъ и подъиматься и опускаться безопасно было, а разстоянія отъ Ярманки до сего мѣста версты съ три. Между Взъемомъ и Ярмонкою по лѣвую сторону дороги есть озеро по Якутски Нампага, которое въ округъ версты на двѣ.

Потомъ слѣдуетъ булгунняхтахъ пригорокъ, Олюнгъ озерко, Букулугъ, Есѣ-Елюютъ, Усунъ-Ергя и Сюбтюръ Долгота пустоши, между которыми урочищами не больше какъ по верстѣ разстоянія. На послѣдней пустоши имѣли мы первой свой наслѣгъ поѣхавъ отъ Ярманки.

Слѣдующаго дня переѣжжали рѣку Солу, которая въ верстѣ была отъ нашего стану. Вершины ея верстахъ во 100 изъ хребта, а устье, гдѣ пала въ Лену, верстахъ въ 6 отъ переѣзду. Лошадей кормили при Купчугуй Тылгыяхпакъ озеркѣ, между которымъ и рѣчкою Солою нижеслѣдующія урочища: Купердякъ и Урасагагъ пустоши, Олбутъ озеро, Мі-

огу-

огурте пустошь, Кайгарамарѣ и Улахáнѣ Тылгыяхтакѣ озéра. Всѣ помянутыя урочища почти вѣ равномѣ между собою разспоянiи, а всего отѣ Солы до кормовища верстѣ сѣ 11.

Тогоже дня проѣхали мы барынiяктáкѣ, Сыгынáхѣ, Коромóкѣ и Конморорѣ пустоши, а ночевали при озерѣ Урюнѣ-хамусѣ (бѣлой камышѣ) называемомѣ, которое отѣ кормовища верстахѣ вѣ 13. близѣ помянутаго бзера по лѣвую сторону дорóги живутѣ Якуты, которые посѐлены тамѣ вѣ 1735 году для содержанiя ямской станцiи.

На другой день проѣхавѣ Хатыли и Чупчулáгѣ озéра кормили лошадей при Арылакѣ (островистомѣ) озерѣ, которое вѣ длину отѣ запада кѣ востоку версты на три простирается, а вѣ ширину отѣ одной версты до полуторы, а третей наслѣгѣ имѣли при озеркѣ Талбà, гдѣ Якуты содержатѣ станцiю. Между кормовищемѣ и наслѣгомѣ были урочища Кордюгенѣ и Кутчугуй Наарыгана̀ озéра, первое по правую а другое по лѣвую сторону дорóги, одно противѣ другаго, потóмѣ Улахáнѣ Носрагана̀ немалое озеро, вѣ котораго верхней конецѣ пала рѣчка Тангага̀ текущая изѣ хребта верстѣ за 40. Мы вверхѣ по сей рѣчкѣ слѣдуя переѣжжали рѣчку Кулулджу, которая впала сѣ сѣверной стороны вѣ Тангагу близѣ переѣзду, онѣ устья ея вѣ 4 верстахѣ, а проѣхали Кыштагай, Сынгасалáкѣ и бишпагай озéра, изѣ которыхѣ первое отѣ рѣчки Кулулджу верстахѣ вѣ 4, второе отѣ перваго вѣ 5, а третiе отѣ втораго верстахѣ вѣ 4. За версту до бишпагая бзера переѣха-

ли мы на другую сторону Тангагй рѣчки, а Талба озерко, гдѣ ночевали, отъ переѣзду въ полуторѣ, а отъ Биштига озера въ одной верстѣ. Всего объявленнаго дня переѣхали мы верстъ съ 30.

Отъ озерка Талбы слѣдуютъ озеркижъ Кылъ-Сарынна́къ въ 7 верстахъ, Кучугуй бахалджима въ 3, Улханъ бахалджима въ 2 верстахъ, и всѣ остаются вправѣ. Отъ послѣдняго озерка верстъ въ полуторѣ подымаются на хребетъ, а по другую его сторону проѣжжаютъ пустоши Кубала̀гъ, Кейнду, Намчага̀нъ, Курдюгѐнь да Сапага̀й озерко, при которомъ лошадей кормятъ. Всего отъ озерка Талбы до Сапагая верстъ съ 20. По полудни проѣхали мы Чабычай, три Бысыкта́ка, Ханчалу и Ала̀-атбага (пѣгой лошади голова) озерка, изъ которыхъ надъ послѣднимъ учрежденъ ямской станокъ, которой Якуты содержатъ. Тутъ мы наслѣгъ имѣли. Всѣ помянутыя озерки были по правую сторону доро́ги, а разстоянія отъ кормовища до сего станка съ 13 верстъ.

Отъ Ала-отъ-баги верстахъ въ 2 слѣдуютъ два озерка Буерда́ты одно близъ другаго, отъ нихъ въ верстѣ Егдегась озерко, а верстѣ въ полуторѣ Ко́кора рѣчка, которая отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней пріѣхали въ 22 верстахъ въ рѣчку Таттy впала по теченію съ лѣвой стороны. Мы въ низъ по ней ѣхали до ея устья, а на ономъ разстояніи нижеслѣдующія урочища; Огу̀съ баса̀ (бычья голова озеро) Кызычма̀ пустошь, Купчугуй и Улханъ Кыллагы́ озе́ра, Улу̀съ Исы и Куранні̀къ-алѝсъ пустоши, детчимѣй, Ламларыкы, Урасалѝкъ, Куагалы и Чиранчи озера.

озера. За версту не доѣжжая до послѣдняго о́зера при помянутой Ко́корѣ рѣчкѣ есть Татская станція, гдѣ обыкновенно лошадей берутъ, и отправляютъ на бѣловскую переправу для перемѣны пѣхъ, которые везли отъ Якутска, да закупаютъ скотъ на пропитаніе въ пустыхъ мѣстахъ, которой съ собою гоняютъ, и когда нужда потребуетъ, то убиваютъ оной дорожные поочередно, дѣлятъ на всю свиту по равнымъ частямъ, и запекши довольствуются, пока изойдетъ. Впрочемъ стараются, чтобъ скотъ былъ небольшей, чтобъ мясо доставалось не помногу на человѣка; въ противномъ случаѣ и на жареное нападаютъ черьви. На помянутую станцію посылается изъ Якутска служивой, а разстояніемъ она отъ того мѣста, гдѣ мы къ Кокорѣ пріѣхали верстахъ въ 15.

Переночевавъ на объявленной станціи,ославъ въ передъ подводы на перемѣну Якутскимъ къ рѣкѣ Алдану, и исправя все потребное, отправились мы въ путь нашъ, и ѣхали мимо озеръ Имиттѐ и Талбака́на, отъ котораго устье рѣчки Кокоры, гдѣ въ Таитту пала, было въ виду, напримѣръ верстъ въ полутретьѣ по правую сторону дороги: мимо озерка Менга̀-аласа̀ и чрезъ пустоши Карака̀къ, Типикта̀къ, Туара̀-сысъ Булгунняктакъ, до пустоши Титтяка, на которой при озеркѣ и ночевали, всего разстоянія переѣхали того дня съ 15 верстъ, а доро́га отъ самаго Талбакана о́зера была въ низъ по рѣкѣ Таттѣ не подалеку отъ оной.

За Титтякомъ слѣдуютъ Чоараитта, Меннѐ, Куроштокъ, Табала̀къ и Сусу̀нъ-сысъ пустоши, потомъ

томъ Тоуля рѣчка, которая верстахъ въ 4 отъ переѣзду въ Таипту пала, а разстоянія отъ наслѣгу до переѣзду сей рѣчки съ 12 верстъ.

Въ 13 верстахъ отъ Тіоули впала въ Таипту съ лѣвой же стороны по теченію отъ переѣзду верстахъ въ 5 Намгара рѣчка, которая вершинами вышла изъ горъ верстахъ въ 60 отъ устья, между помянутыми рѣчками знатныя урочища Кунгай озеро, да три пустоши, изъ которыхъ первыя Саадахтакъ, а двѣ ближайшія къ Намгарѣ однимъ именемъ Бипигиптѣ называются.

Отъ Намгары слѣдуютъ Нирга озерко да пустоши Тюулюгуптѣ Каялаху, Булгуннякта къ и Таалджиранъ, при которой не доѣжжая до рѣки Таипты за двѣ версты есть Джоксогонская станція, на которую служивые изъ Якутска присылаются; помянутая станція отъ Намгары верстахъ въ 14. Здѣсь мы ночевали. А лошадей въ полдни кормили на Кунгаѣ озерѣ, которое отъ Тіоули верстахъ въ 4½.

Отъѣхавъ отъ станціи вышеписанное разстояніе переправлялись мы за рѣчку Таипту, которой устье, гдѣ въ рѣку Алданъ пала, пообъявленію тамошнихъ обывателей, около 160, а вершина около 150 верстъ отъ переправы. Близъ переправы есть два озерка называемыя Куллу, одно по правую, а другое по лѣвую сторону дороги.

Верстахъ въ 4 отъ переправы переѣжжали мы Лесбаганю рѣчку, которая пала въ Таипту съ правой стороны отъ перѣзду около 4 же верстъ, не доѣжжая

жая до ней за версту есть Елѣгнiокъ озерко по правую сторону дорóги.

Въ полуверстѣ отъ переѣзду Леебаганю переѣжжали мы бесъ Урѫкъ (Сосновку рѣчку) которая впала во оную съ правой стороны не подалеку отъ переѣзду, а верстахъ въ 5 отъ Сосновки Бадараннáкъ, которой близъ переѣзду палъ съ правой же стороны въ Сосновку рѣчку, отъѣхавъ отъ него версты съ 2 пріѣхали къ вершинѣ бесъ Уряка, оттуду переправясь за хребетъ на вершину рѣчки Тюгуптте, которая оттуду верстахъ въ 30 пала въ Амгу рѣку по теченiю съ лѣвой стороны, а хребтомъ ѣзды было версты съ 3.

Слѣдуя внизъ по рѣчкѣ Тюгуптте по лѣвому ея бéрегу проѣхали въ началѣ озерко Утѫ, потóмъ переѣжжали впадающiя въ Тюгуптте рѣчки Кыртáкъ, которая отъ вершины Тюгуптте верстахъ въ 8 и Быелтыны, до которой отъ Кыртака съ полтретьи версты. Ночевали у озерка Бысыштаки въ 3 верстахъ отъ Быелтылы рѣчки, а лошадей въ полдни кормили при озеркѣ Умя, которое между вершиною Тюгуптѐ и Кыртакомъ рѣчкою на половинѣ.

Отъ Бысыштаку въ двухъ верстахъ переѣжжали мы небольшую рѣчку бесъ Урáкъ, которая пала въ Тюгуптте съ лѣвой стороны, а въ двухъ же верстахъ отъ бесъ Тряку проѣхали Майчарылакъ озерко, отъ котораго верстахъ въ 5 переѣхавъ рѣчку Тюгуптте въ сторону отъ ней поворотили.

Отъ повороту въ верстѣ слѣдуетъ немалое озеро Тегуптте, потóмъ Тарагà, Маралáкъ, Тыгыштыѣ,

другой Маралакъ и Мелкей, изъ которыхъ Тыгыпты въ длину отъ S. къ N. верстъ на 5, а шириною мѣстами на полторы версты, а прочія озе́рка небольшія. Въ полуверстѣ отъ Мелкея слѣдуетъ переправа Амгинская, а всего разстоянія отъ Бысыппаку до Амгинской переправы съ 18 верстъ; въ прочемъ Тыгыпты озеро отъ рѣки Амги не больше вёрсты разстояніемъ, ибо мы отъ него до переправы вверхъ по Амгѣ ѣхали версты съ четыре.

Амга рѣка шириною отъ 40 до 50 саженъ, пала въ Алданъ верстахъ во ста отъ переправы. Между устьемъ ея и вышеписанной Таты рѣки считаютъ тамошніе Якуты верстъ со сто, а по журналу морскихъ служителей, которые по Алдану на судахъ ходили, 119 верстъ. Сія рѣка особливаго примѣчанія достойна потому, что около шѣхъ мѣстъ издавна поселены пашенные крестьяне, токмо о успѣхѣ пахатнаго дѣла ничего нынѣ не извѣстно; для того что потомки поселенныхъ крестьянъ не токмо пашню но и россійской языкъ позабыли, а напротивъ того и обычай и языкъ отъ Якутовъ приняли, такъ что ихъ отъ Якутовъ ни почему распознать нельзя, кромѣ того, что они Христіане. Здѣсь мы за проводниками и за переправою ночевать принуждены были.

Переправясь за Амгу ѣхали вверхъ по ней версты съ двѣ до впадающей во оную небольшей рѣчки Оулбута, въ которую верстахъ въ двухъ же отъ устья пала съ правой стороны Аиспытъ рѣчка. Оулбутомъ ѣхали мы вверхъ до самой ея вершины, а съ вершины выѣхали на вершинныхъ Чюопчуню рѣчки, и слѣдо-

вали

вали внизъ по ней до рѣчки Ноху, въ которую она устьемъ впадаетъ съ лѣвой стороны, разстоянія отъ устья Оулбута до вершины верстъ съ 10, отъ вершины ея до вершиныжъ Чїопчуню верста, а отъ вершины Чїопчунъ до устья, гдѣ въ рѣчку Ноху течетъ, верстъ съ 15.

По рѣчкѣ Чїопчуню слѣдующїя знатныя урочища: Даркы озерко, сквозь которое она течетъ, Оюнъ озерко по лѣвую ея сторону, Хатъ рѣчка текущая въ нея съ лѣвой же стороны, Табхалакъ и Куталакъ озерка. Хатъ рѣчка пала въ Чїопчуню версты за три до ея устья.

Ноху рѣчка вышла изъ хребта, и пала въ Алданъ рѣку. До вершины ея со 120, а до устья верстъ съ 40 полагается.

Отъ Ноху дорога лежитъ черезъ хребетъ на 12 верстъ до рѣчки Сонрданака (вороньей), которая течетъ въ Ноху съ правой стороны; а устье ея ниже переѣзду чрезъ Ноху въ 8 верстахъ.

Верстахъ въ 2 отъ Соарданака течетъ рѣчка Елгей, которая верстахъ въ 10 отъ переѣзду въ помянутуюжъ рѣчку Ноху впадаетъ, а до вершины ея считается 20 верстъ. Здѣсь мы наслѣгъ имѣли, а лошадей кормили у вышеписаннаго Даркы озерка, сквозь которое рѣчка Чїопчуню течетъ.

Въ верстѣ отъ наслѣгу пала въ Елгей съ правой стороны Актахачи рѣчка, по которой мы верстъ съ 3 вверхъ ѣхали, послѣ поворотили къ рѣчкѣ Чипандѣ, которая верстахъ въ 4 отъ повороту, Чипандою ѣхали до рѣки Алдана, въ которой она устьемъ впадаетъ

впадаетъ съ лѣвой стороны по теченію, а ѣзды Чипандою до Алдана было 16 верстъ, на которомъ разстояніи три озера Билиръ, Дрюкъ и Чипанда потому знатны, что сквозь нихъ течетъ Чипанда рѣчка.

Алданъ велікая и судовая рѣка пала въ рѣку Лену съ правой стороны отъ бѣльской переправы верстахъ въ 800, а ниже города Якутска верстахъ въ 200 или болѣе.

Перевозятся за Алданъ рѣку судами, и переправа оная называется бѣльскою, потому что въ 24 верстахъ выше того мѣста пала въ Алданъ съ правой стороны рѣка бѣлая, а устье помянутой Чипанды рѣчки ниже переправы въ 8 верстахъ: ибо дорога отъ ея устья до переправы лежитъ вверхъ по Алдану на объявленное разстояніе.

Отъ Ярманки до бѣльской переправы ѣхали мы больше лѣсами, а лѣсъ лиственякъ и березникъ, сосняку рѣдко попадается по весь уряку и Амгѣ рѣкѣ, а осинникъ примѣченъ токмо по рѣчкѣ Егею.

Переправясь за Алданъ и слѣдуя къ рѣкѣ бѣлой, проѣхали слѣдующія урочища: Чичимыкъ озеро длиною версты на двѣ а шириною на версту, Керѣашмъ рѣчку, которая пала близъ переѣзду въ протоку рѣки Алдана, Оулбутъ рѣчку, которая въ туже протоку Алдана пала, которою ѣхали вверхъ мимо Тубуляги озерка до ея вершины, а отъ вершины выѣхали на бѣлую рѣку, которая по Якутски Тайдага называется. Она течетъ изъ хребта, въ Алданъ пала отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней пріѣхали, верстахъ въ 20. Отъ переправы до сего мѣста всего разстоянія

нія верстъ съ 30, а порознь отъ переправы до Чичимыка озера 15, отъ озера до рѣчки Керé-атмъ 5, отъ Керé-атма до Оулбута 1, Оулбутомъ вверхъ до Тюбыляги озера 4, отъ озера до вершины Оулбута верста, а отъ вершины черезъ хребетъ до рѣки бѣлой двѣ версты. Здѣсь ночевали, а лошадей кормили у Чичимыка озера.

Отъ наслѣгу путь нашъ былъ вверхъ по рѣкѣ бѣлой, чрезъ впадающія во оную съ правой стороны по теченію Сасы́лъ, Улакъ и Лебини рѣчки, у которой мы и ночевали: а лошадей кормили не доѣжжая версты за 3 до рѣки Улака. Разстоянія отъ наслѣгу до рѣчки Сасыла 6, отъ Сасыла до Улака 17, а отъ Улака до Лебини 3 версты.

Слѣдующаго дня переѣхали мы впадающую въ бѣлую съ тойже стороны Аргаджики рѣчку, которая отъ Лебини около 7 верстъ, а лошадей кормили у горы Тыллáй-хая, то есть вѣтреной камень, которой такъ названъ отъ безпрестанно вѣющаго вкругъ его вѣтру, а разстоянія до него отъ Аргаджики верстъ съ девять.

Верстахъ въ 5 отъ вѣтренаго камня начинается Черной лѣсъ, которой верстъ на 10 простирается. Проѣхавъ имъ версты съ три ночевали.

На другой день изъѣхавъ помянутой лѣсъ ночевали, для того что за сильнымъ дожжемъ до 4 часовъ по полудни съ наслѣгу ѣхать не можно было.

Ходячая рѣчка отъ конца Чернаго лѣсу верстахъ въ 5, пала въ бѣлую по теченію съ лѣвой стороны.

Въ 20 верстахъ отъ Хаджалы течетъ въ бѣлую съ тойже стороны Чагдала рѣчка, по которой мы въ сторону отъ бѣлой поѣхали.

Ѣдучи вверьхъ по бѣлой переѣжжали ея три раза: въ первой между рѣчками Улакомъ и Лебини, въ другой не доѣхавъ за двѣ версты до Аргаджики рѣчки, а въ третей близъ вѣтренаго камня. И понеже тогда лѣто было не весьма дождьливое, то переѣзды были благополучны, для того что вода токмо по черево была лошади, въ противномъ случаѣ по нѣскольку дней бываетъ тамъ простою: ибо за чрезмѣрною быстриною рѣки въ малолюдствѣ и на плотахъ перебиратьсѧ опасно; для того что стремленіемъ воды нѣсколько верстъ на низъ плоты уноситъ. Между тѣмъ можетъ посадить плоты на каржу, или на камень, гдѣ и плотъ разнесетъ, и люди потонутъ, какія несчастія и при переборѣ на лошадяхъ не однократно случались.

По бѣлой рѣкѣ лѣсу весьма довольно, а лѣсъ еловой, сосновой, лиственичной и березовой. Много же по ней ерынику, тальнику и смородины, а мѣстами и можжевельнику, особливо ревеня черенковаго такое изобиліе, будто бы оной нарочно былъ сѣянъ.

Слѣдуя вверхъ по Чагдалѣ 23 версты на 16 верстахъ надлежало намъ переправляться чрезъ рѣку семь разъ, и для того онаго дня ночевали мы у четвертаго переѣзду въ 8½ верстахъ отъ устья Чагдалы рѣчки, а лошадей въ полдни кормили не доѣхавъ за 5 верстъ до Чагдалы рѣчки.

Отъ

Отъ седьмаго переѣзду въ 15 верстахъ течетъ Юнаканъ рѣка, которая шириною около 30 саженъ, а устьемъ пала въ Алданъ рѣку. По сей рѣкѣ ѣхали мы до самой вершины.

Въ 10 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ мы къ рѣкѣ Юнакану пріѣхали, течетъ въ Юнаканъ съ лѣвой стороны небольшая рѣчка, которой Якуты имени не знали, а по ней въ полуверстѣ отъ устья есть Накипной ледъ бусь кіоль (льдяное озеро) называемой, которой ни въ какіе лѣтніе жары не таетъ. Оной ледъ находится между высокими каменными горами, которыя по тамошнему Аранцы называются: въ длину простирается оной саженъ на полтораста, въ ширину на 80, толщиною четверти на три, а видомъ со всѣмъ походитъ на вешней ледъ, таковъ же синь, таковъ на поверхности шероховатъ и таковъ тропореховатъ отъ солнечнаго зною. Въ проѣздѣ мимо устья объявленной рѣчки въ самые жары бываетъ холодъ.

На объявленныхъ десяти верстахъ надлежитъ переѣжжать чрезъ Юнаканъ рѣку 8 разъ. Выше послѣдняго переѣзду въ верстѣ раздѣлилась она на двѣ россошины, изъ которыхъ одна съ южно-восточной стороны въ сѣверо-западную, а другая съ востоку на западъ простирается. У соединенія россошинъ перебравшись за Юнаканъ въ девятой разъ поѣхали мы по россошинѣ, которая къ западу имѣетъ теченіе, а до вершины ея только было восемь верстъ, однако и на ономъ разспоянїи надлежало переѣжжать чрезъ нея три раза.

Между устьями сей рѣки и бѣлой, гдѣ онѣ въ Алданъ впадаютъ, по описанію морской команды, токмо тридцать одна верста разстоянія.

На вершинахъ объявленной рѣки накормя лошадей, и ѣхавъ чрезъ горы верстъ съ 20 увидѣли паки выше-писанную рѣку бѣлую, чрезъ которую въ верстѣ отъ пріѣзду и переправлялись: а по переправѣ до ѣхавъ до рѣчки букакáна, которая отъ переправы въ 3 верстахъ течетъ въ бѣлую съ правой стороны, ночевали.

Слѣдующаго дня отъѣхавъ вверьхъ по букакану верстъ съ 6, въ сторону отъ ней поворотили, и выѣхали на вершину Акыру рѣчки, которая устьемъ впадаетъ въ рѣку Юну верстахъ въ 15, а отъ букакану до вершины ея верстъ съ 8. Отъѣхавши внизъ по ней верстъ съ 7 поѣхали въ сторону, и въ 3 верстахъ лошадей кормили: потóмъ слѣдуя вверхъ по Юнѣ не въ дальнемъ отъ нея разстоянїи къ переправѣ пріѣхали, и стояли тамъ для отдыху лошадямъ цѣлыя сутки, а переправа чрезъ Юну въ 18 верстахъ отъ Акыры. Устьемъ она пала въ Алданъ рѣку.

Тумусакпáкъ кїоль (мысовое озеро) по правую сторону дорóги отъ Юнской переправы въ 3, а отъ бéрегу ея верстѣ въ полуторѣ. Потóмъ слѣдуетъ рѣка Анчà почти не меньше Юны, однако въ Юну впадаетъ, отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней пріѣхали верстахъ въ 5, а отъ Тумусакпакъ-кїоль 7 верстъ до ней положить можно.

Отъ-

Отъѣхавши вверьхъ по ней верстъ съ 8 ночевали. А на другой день, въ 13 верстахъ отъ стану, переѣхавъ Анчуръ противъ устья впадающей въ оную съ лѣвой стороны рѣчки Темѣнь Ю̂льбюнїя (верблюжье падалище) называемой, слѣдовали вверхъ по Верблюжьей рѣчкѣ, и отъѣхавъ верстъ съ 10 лошадей кормили, а ночевали на Кучугуй Тарынѣ, то есть малой наледи, которая поперегъ шади саженъ на 200, а въ доль саженъ на 50 простирается, толщина льда въ поларшина, видъ таковъ же какъ у бусь Кїоля, а разстоянїя до ней отъ рѣчки Верблюжьей верстъ съ 10.

Въ 5 верстахъ отъ Кучугуй тарына по тойже Верблюжьей рѣчкѣ есть другая наледь длиною 7, шириною трехъ саженъ, а въ 10 верстахъ отъ оной третья наледь по тойже рѣчкѣ, отъ которой въ 5 верстахъ находятся вершины впадающей въ Юдому рѣки Акачана.

Въ 18 верстахъ отъ вершины рѣки Акачана по лѣвую ея сторону рѣки есть наледь Капитанъ Тарынъ называемая, которая въ длину версты на три, а въ ширину на версту простирается. Здѣсь мы стояли цѣлыя сутки.

Отъ Капитанъ Тарына въ 50 верстахъ слѣдуетъ наледь же Кемь Тарынъ, которая и въ длину и въ ширину по одной верстѣ. Недоѣжжая за 20 верстъ до сей наледи ночевали а надругой день при наледи лошадей кормили, ночевали же верстахъ въ 8 отъ оной при озерѣ.

Попомъ слѣдуютъ такъ называемыя большїя и малыя гари, а по Якутски Кемъ-оръ, и Кучугуй-

орть. Большія гари продолжаются верстъ на 5, а малыя верстъ черезъ 15: разстоянія отъ озера до начала большихъ гарей 12 верстъ, а малыя по окончаніи большихъ начинаются. Между гарями лошадей кормили, а ночевали изъѣхавъ малыя гари.

Въ 15 верстахъ отъ малыхъ гарей течетъ рѣка Юдома, которая устьемъ въ Маю рѣку впадаетъ. У переправы чрезъ оную рѣку поставленъ крестъ, по которому мѣсто сіе подъ именемъ Юдомскаго креста извѣстно. Строенія по лѣвую сторону рѣки Юдомы двѣ горницы, въ которыхъ живали морскіе Офицеры, для пріему и отправленія привозимаго изъ Якутска провіанта и для караулу; двѣ юрты, и одна казарма для служителей, 5 анбаровъ, въ которыхъ Экспедичной провіантъ складывался; да въ верстѣ ниже креста одна горница, зимовье да одинъ анбаръ для поклажи провіанта Охотской команды.

Выше Юдомскаго креста въ полуверстѣ течетъ въ Юдому съ лѣвой стороны Ала-агусъ рѣчка, покоторой мы верстъ съ 10 отъѣхавъ ночевали, а у Юдомскаго креста въ близости корму лошадямъ не было.

Слѣдующаго дня поднялись со стану послѣ полудни, и проѣхавъ озеро Сасъ, которое отъ стану было верстахъ въ 10, оставили Ала-агусъ рѣчку, и верстахъ въ 3 отъ Сасъ озера при маленькомъ озеркѣ ночевали.

На другой день пріѣхали мы къ знатной рѣкѣ Ураку, которая устьемъ пала въ Ламское море, въ 20 верстахъ отъ устья Охоты, какъ въ первой части

ии объявлено, и слѣдовали внизъ по ней, а ѣзды до ней отъ стану было съ 22 версты.

Въ 5 верстахъ отъ пріѣзду къ Ураку пала въ оную съ лѣвой стороны Коршуновка рѣчка, противъ устья которой учреждена отъ Охотска застава, гдѣ осматриваютъ всѣхъ въ Охотскъ и изъ Охотска проѣжжающихъ. Здѣсь ночевали.

Отъ заставы въ 16 верстахъ на лѣвой сторонѣ Урака есть урочище Шангина гарь называемое, и зимовье погожъ имени, откуду верстахъ въ 14 Урацкое плодбище, гдѣ живали морскіе служители для строенія судовъ плоскодонныхъ, на которыхъ по рѣкѣ Ураку сплавливаютъ провіантъ Экспедичной до Охотска. Того дня проѣхавъ плодбище ночевали мы на Урочищѣ Коновъ столбъ именуемомъ, отъ плодбища въ 5 верстахъ, а лошадей кормили въ 4 верстахъ отъ Шангиной гари.

Потомъ слѣдуетъ Таланкино зимовье, которое стоитъ на лѣвомъ берегу Урака и поперешная рѣчка, которая пала въ Уракъ съ лѣвой же стороны, а разстоянія отъ Кононова столба до зимовья 23, а отъ зимовья до поперешной рѣчки 16 верстъ. Здѣсь мы ночевали.

Въ 3 верстахъ ниже поперешной есть на рѣкѣ Уракѣ порогъ, а въ 2 верстахъ ниже порогу поворачиваютъ отъ рѣки Ураку въ сторону.

Ѣдучи по сей рѣкѣ пять разъ чрезъ оную переѣжжали. Первой бродъ у самаго пріѣзду къ ней, другой верстахъ въ 6 ниже Коршуновской заставы, третей въ 4 верстахъ ниже Шангиной гари, четвертой не до-

не доѣжжая версты за три до Таланкина зимовья, а пятой въ верстѣ ниже порогу.

Отъѣхавши горами отъ Ураку рѣки верстъ съ 15 пріѣхали къ рѣкѣ блудной, которая верстахъ въ 30 отъ того мѣста въ Уракъ пала по теченію съ правой стороны. Здѣсь ночевали.

Луктуръ рѣчка отъ стану верстахъ въ 16, пала въ блудную близъ переѣзду съ правой стороны по теченію.

Боброво поле отъ рѣчки Луктура верстахъ въ 9, а отъ устья блудной рѣчки, гдѣ Уракъ пала, верстахъ въ 2, длиною версты на двѣ, которое проѣхавъ паки прибыли къ рѣкѣ Ураку, и въ пятой разъ чрезъ оную перебирались, отъ боброва поля въ 5 верстахъ: на конецъ въ 3 верстахъ отъ броду прочь отъ ней поворотили, и на поворотѣ наслѣгъ имѣли.

Въ 12 верстахъ отъ повороту слѣдуетъ рѣчка Поперешная, которая верстахъ въ 30 отъ переѣзду въ Джолоконъ пала.

Ночевавъ на Поперешной слѣдующаго дня переѣжжали рѣчку Мету, которая близъ переѣзду въ рѣку Охоту пала, по теченію съ правой стороны. Оттуду ѣхали мы внизъ по Охотѣ до стараго Охотскаго остро́гу чрезъ Джолоконъ и Амунку рѣчку. Ночевали въ старомъ остро́гѣ, а лошадей кормили близъ рѣчки Ме́ты. Разстоянія отъ Поперешной до Меты 10, отъ Меты до Джолокону 15, отъ Джолокону до Амунки столько же, а отъ Амунки до стараго остро́га одна верста.

Въ старомъ остро́гѣ было въ то время строенія

только

только три избы, а стоялъ онъ надъ протокою Амунки рѣчки, чрезъ которую тамъ слѣдуя къ порту и перебираться надобно, а оная протока верстахъ въ 3 ниже остроґа впадаетъ въ рѣку Охоту.

На другой день пріѣхали мы въ Охотской портъ по утру рано, ибо оной отъ стараго остроґа не болѣе какъ въ 6 верстахъ. Строенія тогда въ немъ было, часовня во имя Спаса Всемилостиваго, канцелярія, управителевъ домъ, и 5 избъ тамошнихъ обывателей; да морской команды строенія, четыре дома, 6 избъ и двѣ казармы. Впрочемъ много строенія вновь заводилось.

Отъ Ярманки поѣхали мы 9 числа Іюля 1737 года, а въ Охотскъ пріѣхали Августа 19. Простою на дорогѣ было у насъ на бѣльской переправѣ три дни, на урочищѣ Хора-масъ день, на Капитанъ Тарынѣ два дни, да на малыхъ гаряхъ день, всего простою было 7, а ѣзды 34 дня.

Вообще о сей дорогѣ объявить можно, что она отъ Якутска до бѣльской переправы гораздо сносна, а отпуду до Охотска столь безпокойна, что труднѣе проѣжжей дороґи представить не льзя: ибо она лежитъ или по берегамъ рѣкъ, или по горамъ лѣсистымъ. берега обломками камней или круглымъ сѣровикомъ такъ усыпаны, что тамошнимъ лошадямъ довольно надивиться не льзя, какъ онѣ съ камня на камень лепятся. Впрочемъ однакожъ ни одна съ цѣлыми копытами не приходятъ до мѣста. Горы чѣмъ выше, тѣмъ грязняе: на самыхъ верхахъ ужасныя болота и зыбуны, въ которыя ежели вью-

шная лошадь проломится, то свободить ея нѣтъ никакой надежды. Съ превеликимъ страхомъ смотрѣть должно, коимъ образомъ земля въ переди саженъ за 10 валами колеблется.

Лучшая ѣзда онымъ путемъ изъ Якутска съ весны до Іюля мѣсяца, а ежели подняться въ Августѣ, то надлежитъ опасаться, чтобъ снѣги не захватили, которые весьма рано на горахъ выпадаютъ.

Въ Охотскѣ жили мы Октября по 4 число того жъ 1737 году, пока прибывшее съ Камчатки Августа 23 числа перевозное судно Фортуна сгружена, и починкою была исправлена.

Около Охотска живетъ пѣшихъ Ламутокъ, которые во оной острогъ ясакъ платятъ, пять родовъ: Ивьянской, Адганской, Шолганской, Уякрской, и Нюичинской.

Въ Ивьянскомъ роду Князецъ Чалыкъ, ясашныхъ Ламутокъ 4 человѣка. Въ Адгинскомъ Князецъ Унды-Дедяновичь, ясашныхъ у него 12 человѣкъ.

Въ Шолганскомъ Князецъ Курука ясашныхъ 4 человѣка, въ Уяирскомъ Князецъ Шарыганъ, ясашныхъ три человѣка.

Въ Нюньчинскомъ Князецъ Джолдоикуръ, буйнаковъ, ясашныхъ девять человѣкъ.

Всѣ помянутые роды живутъ не подалеку отъ Охотска по рѣкамъ Охотѣ, Кухтую и подлѣ моря, питаются рыбою, а ясаку платятъ по соболю и по лисицѣ съ человѣка.

Олен-

Оленныхъ Ламутокъ, которые съ ясакомъ въ Охотскъ пріѣжжаютъ, семь родовъ, Уяганской, Горбиканской, Келарской, Еджанской, Долганской и Кукуирской, а кто имены въ цѣхъ родахъ Князцы, и сколько въ каждомъ роду ясашныхъ, о томъ узнать было не черезъ кого, потому что оленныхъ Ламутокъ близъ Охотска не было.

Какъ судно перевозное со всѣмъ было исправлено, то Сентября 30 дня отъ Охотскаго коммандира отданъ приказъ, чтобъ грузиться на судно, а Октября 4 числа послѣдовало и отправленіе онаго.

Изъ устья рѣки Охоты вышли мы часу во второмъ по полудни благополучно, и къ вечеру изъ виду отъ береговъ отбѣжали. А въ 11 часу оказалась въ нашемъ суднѣ такая течь, что люди въ инпріомѣ по колѣно въ водѣ ходили. И хотя въ двѣ помпы, въ котлы, и что кому попало, вода выливана была, однако не убывала. Судно наше такъ уже грузло, что вода заливалась въ Шпигаты. Другаго спасенія не было, какъ облехчить его изверженіемъ клади: ибо тогда случилась на морѣ совершенная тишина, (что немало къ спасенію нашему способствовало) а въ Охотскъ воротиться не можно было. Чего ради все что на верху ни лежало, и что около судна навѣшено ни было, побросано въ море, но какъ и отъ того не послѣдовало пользы, то изъ внутрь судна до четырехъ сотъ пудовъ выброшено въ море безъ всякаго разбору. Нещастливы были, которыхъ кладь на верху лежала. На конецъ вода начала убавляться, а послѣ и вся вылилла, однако помпы изъ рукъ выпускать неможно было,

ибо въ полумильную стклянку по два дюйма воды прибывало въ суднѣ. Всѣ бывшіе на суднѣ, выключая больныхъ, должны были смѣняться одинъ за другимъ и качать сто разъ насосомъ.

Такимъ образомъ бѣжали мы до 14 числа Октября, претерпѣвая сверхъ объявленнаго неспокойства стужу и слякоть ежедневную, а помянутаго числа около 9 часу поутру пришли къ большерѣцкому устью, и пустились въ оное. Но и входъ нашъ неблагополучнѣе былъ пути нашего. Мореходы не узнали, убываетъ ли вода или прибываетъ: чего ради почитая отливъ за приливъ едва только вбѣжали въ бѣлые валы, которые въ началѣ прилива и отлива и въ самую тихую погоду на устьѣ ходятъ, а тогда отъ великаго сѣвернаго вѣтра были весьма велики, тотъ часъ пришли въ отчаяніе: ибо валы ходили чрезъ судно. Утлое судно вездѣ трещало; и никакой надежды не оставалось войти судномъ въ устье, отъ части для боковаго вѣтра, а отчасти для стремленія отлива. Многіе совѣтовали отойти въ море и ожидать приливу, и ежели бы посему было поступлено, то бы судно наше совершенно погибло; для того что сѣверной прежестокой вѣтръ продолжался больше недѣли, которымъ бы насъ отнесло въ открытое море, а чрезъ такое время не спастись бы было отъ разбитія нашему судну: однако другимъ безопаснѣе показалось пустить судно на берегъ, что и воспослѣдовало, и судно наше выкинуло саженяхъ въ 100 къ югу отъ устья большей рѣки, которое тотже часъ и на сушѣ стало, ибо отливъ еще продолжался.

Къ ве-

Къ вечеру въ слѣдующей приливъ выставило изъ него мачту, а на другой день находили мы токмо обломки нашего судна, а прочее все унесло въ море, тогда могли мы видѣть, сколь фортуна наша была ненадежна, ибо доски внутри были всѣ черны и гнилы, и можно было ихъ ломать руками безъ трудности.

У моря жили мы по 21 число того мѣсяца ожидая лодокъ изъ острогу въ балаганахъ и барабарахъ, а въ то время происходило безпрестанное почти земли трясенїе: но понеже оно тамъ легко было, то мы шатаясь ходя, причитали трясенїе нашей слабости, что отъ морскаго качанїя ходить не можемъ: однако вскорѣ узнали, что мы ошибались въ мнѣнїи: ибо прибывшїе изъ Курилъ, которые застали насъ у моря, сказали, коимъ образомъ было въ тѣхъ мѣстахъ и ужасное трясенїе и странное наводненїе, о чемъ сообщено во второй части сего описанїя.

Отъ моря поднялись мы Октября 21 числа, а въ большерѣцкой острогъ пріѣхали на другой день подъ вечеръ.

Сколь труденъ и продолжителенъ путь отъ Якутска до Кумчатки, столь напротивъ того способенъ и скоро съ Камчатки обратно: 1) что судно всегда зимовало на Камчаткѣ, оттуду отправлялось въ Охотскъ въ такое время, въ которое больше пріятности, нежели опасности на морѣ: ибо тогда и дни ясные и погоды умѣренныя, одна скука, что часто не бываетъ вѣтру, 2) что изъ Охотска можно плыть понизною водою до самой бѣльской переправы, или и до Алдана, кто пожелаетъ, а оттуда до Якутска верхами, одна трудность переѣхать до Юдомскаго креста.

Мы отъ Охотска къ помянутому кресту пріѣхали въ седьмой день, по Юдомѣ съ проспоемъ выплыли на Маю въ пятой день, а плыли токмо днемъ: на успь Маю пріѣхали на другой день, въ Якутскъ оттуду въ пятой, всего и съ простоемъ въ двацатой день. А вверхъ по объявленной Юдомѣ, которою мы плыли, не считая проспою, меньше трехъ дней. Судами ходятъ по 5 и по шести недѣль, изъ котораго одного примѣру о быстринѣ тамошнихъ рѣкъ, и о трудности ходу по нихъ разсуждать можно.

КРАТКОЕ

КРАТКОЕ ИЗЪЯВЛЕНІЕ ВЕЩЕЙ

на

КНИГУ ВТОРАГО ТОМА

ОПИСАНІЯ КАМЧАТКИ

собранныхъ

по

АЛФАВИТУ

скораго ради пріисканія.

А

Аангичь, пѣсня сложенная на ноту по голосу морской птички, страница 116.

Авачинской острогъ, 242.

Авачинскихъ Камчадаловъ покореніе и усмиреніе 216.

Августъ мѣсяцъ по Камчатски какъ называется, 20.

Агду-Коачь, Мартъ мѣсяцъ, 21.

Аглышъ, стрѣла съ костянымъ широкимъ копейцомъ, 67.

Адмаль, лѣто называется, 20.

Адганской Князецъ съ своимъ ясакомъ, 290.

Адской богъ называемый, 72.

Ажаба, мѣсяцъ называемый бѣлой рыбы, 19.

Ажулуначь, Идолъ домовый, 27.

Ажушакъ, Идолъ поставляемый въ юртахъ въ какой знакъ, 26.

Азкедъ, міра начало, 20.

Айспытъ, рѣчка, 278.

Акачана, рѣчка, 285.

Акшахачи, рѣчка, 279.

Аххалалалай, рѣчь восклицанія радостнаго при торжествѣ праздника о очищеніи грѣховъ, 105.

Акыру, рѣчка, 284.

Ала-агусъ, рѣчка, 286.

Ала-атбага, озерко, 274.

Алазейское зимовье, 269.

Алаки, лямки или шлеи собачьи, 56.

Алдана, рѣка, 275, 276, 278, 279.

Алданская застава, 267.
Алулулу, рѣчь восклицанія веселаго, при отправленіи праздника очищенія грѣховъ, 105.
Амга, рѣка, 277.
Амгинская переправа, 278.
Амплея, внукъ бога Кутху, 72.
Амунка рѣчка, 288.
Анадырской остроґъ, 270.
Андровы, двѣ палочки, которыми Камчадалы изъ юртъ головни выбрасываютъ, 28.
Анцыфера бунтовщика смерть, 210.
Анча, рѣчка, 284.
Анчуръ, рѣка, 285.
Апрѣль мѣсяцъ, Масталъ-коачъ называется, 21.
Аранцы, горы такъ называемыя, 283.
Аргаджижи, рѣка, 281.
Архимандритъ Мартіанъ, проповѣдникъ слова божіяго на Камчаткѣ, 208.
Арылакъ, озеро островистое, 273.
Атласовъ Володимеръ, первый обрѣтатель Камчатки, 192.
—— Услуга ево показанная въ службѣ, 193.
—— Честь свою какъ потерялъ, 194.
—— Поручена ему опять команда, 198.
—— Доносъ на него учинившійся, 201.
—— Посаженъ въ тюрьму, 202.
Атынумъ, жилище или селбище Камчадаловъ, 25.

Б

бабы Камчадалки умныя мущинъ, 15.
—— Всѣ ворожейки, 82.
—— Сочинители пѣсней, 114.
—— Парики травяные носятъ, 15.
—— Вшивы, и вши свои ядятъ, 15.
бадаранакъ рѣка, 277.
бачь, богъ мертвыхъ или подземнаго свѣта, 76.
бажабажъ, шалашъ травяной, 29.
байдара, судно морское, 36.
—— Дѣлается изъ какова лѣсу, 32.
балаганы, лѣтніе покои и запасные анбары подобны круглымъ шатрамъ, 28.
балатулъ, мѣсяцъ начинатель тепла, 19.
барабанъ, смотри бажабажъ.
барынякгакъ пустошъ, 273.
баталіа россійскихъ казаковъ съ Камчадалами, 208.
баталіи двѣ великія, бывшія въ 1710 и 1713 годахъ, 66.
баты, лотки такъ называемыя, 36, 37.
баюнъ и ганика, рѣчи припѣваемыя въ пѣсняхъ, 114.
безъименная рѣчка, 283.
безчестіе въ ѣздѣ какое имѣютъ, 57, 58.
безчестное дѣло у Камчадаловъ мущинамъ за женское дѣло приняться, 40.
березову корку ядятъ съ икрою, 50.

бесъ-урякъ рѣчка сосновка , 277.
бетежъ , вѣтръ сѣверной , 22.
билюкай , богъ облаковъ , дождя и грома , 75.
—— Жена ево , 76.
битигитте , двѣ пустоши , 276.
биттагай бзеро , 273.
блудная рѣка , 288.
бобровое поле урочище , 288.
богатымъ на томъ свѣтѣ хуже быть здѣшняго [вѣрятъ] 87.
богъ , имя обще называемое , 74.
—— Невѣдомый въ почтеніи у Камчадаловъ , 74.
—— На ихъ языкѣ Кутху называется , 71.
—— Въ великомъ у нихъ почтеніи имѣется , 73.
—— Носитъ онъ платье какое , 72.
богъ облаковъ, грома и дождя, 75.
—— Имѣетъ жену себѣ , 76.
—— Морской на подобіе рыбы , 75.
—— Трясеніе земли , 76.
—— Подземной или мертвыхъ , 76.
—— Адскій , 72.
—— Мухаморъ или пьянства, 109.
бога въ какомъ почтеніи имѣютъ Камчадалы , 18.
—— Почитаютъ его развращенно, 16.
—— Разсуждаютъ о немъ причину ни къ добру , ни къ злу , 77.
боги горные , называемые враги , 74.
—— благодѣнія отъ нихъ себѣ ни какова не надѣются , 75.
богиня зари называемая Фалла ; 107.
богопочитаніе отдаютъ многимъ животнымъ , 80.
божба ихъ въ правдѣ , и какъ клянутся , 161.
большерѣцкой острогъ называемый, 236.
—— Изобиліе и недостатокъ его , 237.
—— Въ присудѣ къ нему другіе остроги , 249.
большой посадъ острогъ , 216.
болѣзни на Камчаткѣ какія больше обходятся , 130.
—— Лѣкарства на оныя , 132.
—— Новыя на Камчатку нанесенныя , 131.
болѣзней на отгнаніе нѣкія дѣйства производятъ во время праздника ихъ, 100, 103.
брань безчестная у Коряковъ, 163.
драки и войны частыя бываютъ , а больше для добычи женскаго полу , 62.
брачное сочетаніе до которой степени берется , 124.
—— Женидьба ихъ на вдовахъ , 124.
брачные ихъ обряды , 122.
бродильщики , смотри каюры.
буердашы бзеро , 274.
букана рѣка , 284.
букулугъ урочище , 272.
булгунняхтахъ , пригорокъ , 272.
булгунняктакъ пустошь , 275 , 276.
бунтовщикъ Кыргызовъ , 212.

бунтъ Камчатскихъ казаковъ, 200.
—— Повинная ихъ, 207.
бунтъ Камчадаловъ, 197, 227.
—— Отъ чего больше происходилъ, 220.
—— Главной ихъ бунтъ, 215.
бусь-кіоль, ледяное озеро, 283.
быельшыныг рѣчка, 277.
быкымыгъ, западный вѣтръ, 22.
бысыктака, озерко, 274, 276.
бѣдственное претерпѣніе россіанъ въ пути морскомъ, 291.
бѣлая рѣка, 280.
бѣлилъ вмѣсто, женщины чѣмъ бѣлятся, 84.
бѣлякъ, смотри чащина.
бѣлыская переправа, 280, 289.
бѣса Камчадалы признаваютъ за обманщика, 76.
бѣсами населенныя мѣста, причитаютъ за опасныя, 74.

В

Варварство учиненное надъ Японцами, 223.
Василей Колесовъ покорилъ Курильскую землю, 196.
Великановъ на Камчаткѣ нѣтъ, 15.
Верблюжья рѣка, 285.
Верстъ въ пути счисленія Камчадалы не знаютъ, 24.
—— Считаютъ разстояніе днями ѣзды, 160.
Верьхней Камчатской острогъ, 238.
—— Присудны къ нему другіе остроги, 252.
Верхоятское зимовье, 268.
Весна по Камчатски какъ называется, 20.
Вешняя работа Камчадаловъ, 39.
Вещи домовыя дѣлать искусны, 11.
Вино изъ ягодъ и сладкой травы высиживаютъ, 38, 245.
—— Цѣна ему, 247.
—— Доходу съ него сколько въ годъ приходитъ въ казну, 258.
Вина Камчадалы пить охотники, 53.
Владѣльцовъ надъ ними прежде сего не бывало, 161.
Владѣніе мѣстъ или жилищъ и острововъ почитаютъ за природное уроженіе, 30.
Властелинъ надъ вѣтрами, 76.
Властолюбіе у сихъ народовъ находится, 68.
Вода Камчадаламъ всегдашнее питье, и оной чрезмѣрно много пьютъ, 53.
—— Освященная, которая бываетъ въ праздникъ очищенія грѣховъ, 101.
Воду припадкою кто пьетъ, за великой грѣхъ ставится, 21.
Воздаяніе будущей надежды по смерти, кое есть, 78.
Возмущеніе казаковъ, 219.
Войны междоусобныя бываютъ въ нихъ за что, и за какія причины, 16, 62.
—— Въ сраженіи хитры, но робки, и больше обманомъ,

иемъ , нежели храбростію побѣждаютъ , 63.
Вольность прежняя Камчатскаго народа , 14.
Володимеръ смот. и Атласовъ.
Воровство въ похвалу себѣ причитаютъ , 161.
—— дѣвка , ежели въ воровствѣ не обличена , жениха себѣ не получитъ , 162.
Воровъ невѣдомыхъ чѣмъ обличаютъ , 23.
—— Казни какія воздаютъ ворамъ , 23.
Воспа болѣзнь , 131.
Востаніе мертвыхъ вѣрятъ , купно притомъ и животнымъ, 77.
Враги , бѣсы которые вселяются въ баб , онымъ жертву приносятъ , 96.
Время года дѣлятъ на 4 времени, 60.
—— Лѣта щитаютъ не по годамъ, но по случаю причинъ , 22.
Вѣра у Камчадаловъ содержится на преданіяхъ ихъ древнихъ . 77.
—— Коряцкая , 157.
Вѣра христіанская на Камчаткѣ нынѣ насаждается, 18, 235.
Вѣтреной камень, урочище, 281.
Вѣтры знакомы Камчадаламъ только четыре , 16.
—— Имена онымъ , 22.
—— Властелинъ надъ ними, 76.
Вяски , на которые собакъ привязываютъ , 57.

Г

Гаечь , обладатель надъ мертвыми и подземными , 78.
Ганика и баюнъ , рѣчи припѣваемыя въ пѣсняхъ , 114.
Гари , большія и малыя , два урочища , 285 , 289.
Генварь мѣсяцъ называется Зизакоачь , 21.
Годъ лѣтній начинается съ котораго мѣсяца , 20.
—— раздѣляется на сколько частей , 20 , 21 , 60, 160.
Головную болѣзнь лѣчатъ мерзлою брусницею , 133.
Голодъ несносной претерпѣваютъ въ ѣздѣ зборщики ясаковъ, 266.
Горы и домы отъ чего здѣлались, мнятъ , 72 , 73.
—— чѣмъ оныя тамъ выше, тѣмъ болотнѣе и грязние , 289.
Гостей подчиваютъ впредь для знакомства , 117.
—— Во время пирушки , 118.
—— Подчиваютъ столько , сколько онъ хочетъ , 162.
—— Приходящихъ принимаютъ гордо , 161.
—— Дарятся межъ собою , 117 , 119
Государыню Императрицу , Самодержицу нашу , какъ называютъ , 4.
Граматы Камчадалы своей не имѣютъ , 22.
Границъ и предѣловъ межъ собою не полагаютъ , и спору объ нихъ

нихъ не имѣютъ , 23.
Громъ и молнію отъ чего быть составляютъ , 22.
Грѣхъ главной у Камчадаловъ почитается какой , 16.
—— Великой ставятъ погашеніе огня во время варенія кушанья , въ праздникъ жертвеннаго приношенія , 99.
Грѣхи ихъ самые тяжкіе и смертные , 79.
—— И прочіе иные , 80.
Грѣховъ снятие со вдовъ , которыя идутъ за мужъ, 124.
Грѣхосыматель помянутыхъ грѣховъ , 124.
Губы и уста Курильцы чернятъ , 180.

Д

Даркы озерко , 279.
Дары гостямъ приходящимъ 117 , 119.
Дежичь , планета Плеада , 22.
Декабрь мѣсяцъ называютъ зябымъ , 21.
Деньги на Камчаткѣ когда вступили въ торгъ , 265.
Джелоконъ рѣка , 288.
Джоксогонская станція , 276.
Дзилетъ , смотри згаенутъ.
Дичины или живности въ нижнемъ острогѣ довольно , 241.
Дней числа въ году и въ мѣсяцѣ Камчадалы не знаютъ , и на недѣли не раздѣляютъ , 22.
Долговъ прежнихъ на Камчадалахъ не спрашивать , 235.
Домовой скарбъ и посуда какая у нихъ находится , 31.
Дороги на Камчатку описаніе отъ Якутска , 265.
—— Трудность превеликая въ ѣздѣ , 289.
Въ дорогахъ на Камчаткѣ какимъ образомъ ходятъ , 67.
—— Отъ снѣговъ великая опасность , 60 , 290.
Древнее состояніе Камчатскаго народа , 14.
Дружба и соединеніе Камчадаловъ межъ собою , 117.
Дрюкъ озеро , 280.
Духа призванія не имѣютъ , 73.
Душа какъ называется , 74.
—— О ней попеченія не имѣютъ , 11.
—— разсуждаютъ быть безсмертну , и съ тѣломъ опять вѣчно жить будетъ , 77.
Дѣвичей уборъ головной , 47.
Дѣвка , ежели красть не умѣетъ , жениха себѣ не получитъ , 162.
Дѣвки тамошнія сочинители пѣсенъ , 114.
Дѣвство въ бракахъ не въ почтеніи , 125.
Дѣла сумнительныя чѣмъ рѣшатъ , 161.
Дѣти бога Кутху , 71.
Дѣти Камчадаловъ обучаются россійской грамотѣ , 235.
—— Возрастные , ежели онѣ жениться похотятъ , или за мужъ

мужъ итти , 130.
Дѣтей рожденіе и воспитаніе , 125.
—— Какое надъ ними иногда въ родахъ и во утробѣ носимымъ , злодѣйство чинятъ, 127.
—— Ежели двойни родятся , изъ нихъ одново убиваютъ , 127 , 184.
—— Качаютъ какъ , 128.
—— Питаютъ чѣмъ , 129.
—— Любятъ ихъ , и къ трудамъ пріучаютъ , 162 , 165.
—— При осадѣ непріятелю живьемъ въ руки не даютъ , но рѣжутъ , 63.
—— Для обученія въ рускія школы охотно отдаютъ , 25, 81.
—— Почтеніе и повиновеніе къ родителямъ негодное, 129.
Дѣтямъ своимъ имена даютъ отъ сродства своего , 127.
—— Званія имянъ даемыхъ обоего пола , 128.

Е

Еранъ, опушка около платья, 44.
Егдегась озеро , 274.
Емшихтъ , западной вѣтръ , 23.
Елгей рѣчка , 279.
Елѣгніокъ озерко , 276.
Еловскіе жители славные воѣны , 9.
Ельчичь, начало міра значитъ, 20.
Есе-елботъ урочище , 272.
Етемета-коачь, Іюль мѣсяцъ , 20.

Ж

Желтуху болѣзнь лѣчатъ лѣсными фіалками , 134.
Желѣзо куютъ студеное камнемъ вмѣсто молота , 33.
Желѣза кусокъ у кого есть, оное за великое богатство почитается , 33.
Желѣзныхъ орудій , ножей , топоровъ и протчаго не имѣютъ , 31.
—— И всего онаго продавать не позволяется , 33.
Жена Кутха бога , 71.
Жены Камчадаловъ къ рожденію дѣтей легки , 126.
—— Для сего способу что употребляютъ , 133.
—— родятъ дѣтей стоя на колѣнкахъ публично , 126.
—— Для желанія дѣторожденія ядятъ пауковъ , 127.
—— Чтобъ опять скоряѣ очреватить , ядятъ пупки съ кипрейною травою , 127.
—— Трудолюбивы въ домашнихъ вещахъ , 38.
—— Всякую работу дѣлаютъ въ рукавицахъ , 48.
—— Лицъ прежде сего умывать не знали , 48.
—— А нынѣ бѣлятся и румянятся , 48.
—— Для постороняго человѣка убираются во весь нарядъ, 48.
—— Примѣтливы въ разобраніи скота , 163.

Жёны Оленныхъ Коряковъ ревности ради ходятъ гнусно, 148.
—— Сидячихъ Коряковъ ходятъ чисто, 148.
—— у Чукчей очень щеголливы 148.
—— Нестыдливы, при сторонникъ людяхъ ходятъ и нагія, 149.
—— у Курильцовъ жёны губы чернятъ, а руки вышиваютъ, 108.
Жемъ Камчадалы достаютъ дорого, 17.
—— Полонятъ при праздничныхъ торжествахъ одинъ у другова какимъ образомъ, 106.
—— По сколько имѣютъ ихъ, 24, 124, 163.
—— Наложницъ не имѣютъ, 163.
—— За прелюбодѣяніе убиваютъ и съ прелюбодѣемъ, 148.
—— При осадѣ непріятелямъ живыхъ въ руки не даютъ, 65.
—— Пѣніе ихъ при веселіяхъ, 111.
—— Стыдливы отъ мущинъ, 125.
—— Казаки откуду доставали, 244.
Женитва Чукчей и Коряковъ, 163
Женской полъ весь упражняется въ портномъ, сапожномъ и кожевномъ дѣлѣ, 40.
—— Въ наложницы берутъ войною, 62.
Женскаго полу головной уборъ, 47.
—— Танцы ихъ, 112.
—— Странное ихъ позорище при отправленіи праздника очищенія грѣховъ, 88.
—— гдѣ скудно прежде бывало, 244.
Женское веселіе при банкетахъ, разговоры, плясаніе и пѣніе пѣсней, 110.
Жертвы приношеніе различнымъ духамъ, 18, 157.
Животныхъ и протчихъ тварей почитаютъ за боговъ, 80.
Жировой вѣтръ смотри Сѣверной.
Жители тамошніе кто гдѣ живетъ, тѣмъ мѣстомъ и слыветъ, 9.
Житіемъ Камчадалы глупы и гнусны, 24.
—— беззаботны, 16.
Жупанъ, дверь или творило въ юрту, 27.

З

Забавы праздничныя отправляемыя, 105.
Затмѣнія солнца и луны не знаютъ, 22.
Зашиверское зимовье, 268.
Зіорщики ясаковъ, 251, 255, 258.
Звалъ, смотри юкола.
Звѣрей земныхъ кто сотворитель, 73.
—— Имена имъ, 188.

Згоейнутъ,

Злоѣйнутъ, обувь холостымъ носить подозрительная, 47.
Зелень изъ травъ, кои употребляется на пищу, ѣсть охотники, 40.
Земля сотворена изъ чего, 71.
—— И гориста, 72.
Зима-коачь, мѣсяцъ Генварь, значитъ не трогай меня, 21.
Зима называется Кошхеиль Коеглиль, 20.
—— На Камчаткѣ она долга 6 мѣсяцовъ, 20.
—— А лѣто коротко, 11.
Зиму числятъ за годъ, а лѣто за другой, 20.
Зимняя работа Камчадаловъ, 39.
Злословители бога, 18.
Злоумышленіе на прикащиковъ, 205.

И

Ивы дерева корка, употребляется въ пищу съ икрою, 50.
Ивьянской Князецъ съ своимъ ясакомъ, 290.
Иглы для шитья платья, употребляютъ костяныя, 32, 42.
—— Желѣзныя въ великомъ почтеніи имѣютъ, 33.
—— У которыхъ ушки отломятся, другія здѣлать искусные мастера, 33.
Игошежидъ, смотри потягъ.
Идунгъ, Идольцы новые, 87.
Ижичь, планета Плеада, 22.
Измѣна Камчадаловъ, 225.
Икра рыбья сушеная любимое кушанье, 50.
—— Квашеная за пріятное почитаютъ, 51.
Илькхумъ, жена Кутха бога, 71.
Имена Камчатскихъ народовъ, 5.
—— Даютъ младенцамъ, 184.
—— Народовъ тамошнихъ неправильное званіе, 5.
Имянъ перемѣна чужимъ народамъ по своему свойству, 4, 9, 116.
Имитше озеро, 175.
Индигирское зимовье, 268.
Иркипа, пляска веселая, 111.
Исповѣдь грѣха тяжкаго, 90.
Исыг пустошь, 274.
Ишкуохъ, міра начало такъ называютъ, 20.
Ишки, голосъ кричанія въ шамайствѣ, 82.

І

Іванъ Енисейской смиритель Камчадаловъ, 215.
Идолы домовые поставляемые въ юртахъ, 26.
—— До женскаго полу надлежащіе, 91.
Идольцы новые, 87.
Идоловъ утощеніе, 91.
—— Пріуготовленія имъ, 92.
Инструменты желѣзные въ великомъ почтеніи имѣютъ, 33.
—— Которые прежде получали отъ Японцовъ, 34.
—— Нужда требуетъ о нихъ разсуждать, 11.

Іюнь и Іюль мѣсяцы на ихъ языкѣ, 20.

К

Кабычма пустошь, 274.
Казаки Камчатскіе житьемъ не разнятся отъ Камчадаловъ, 243.
— Живутъ они какъ дворяне, 245.
— Женъ себѣ откуду получали, 244.
Казаковъ прибытки и доходы прежніе, 247.
— Возмущеніе ихъ, 206, 219.
Казнь смертная бунтовщикамъ, 234.
Казни ворамъ каковыя чинятъ, 23.
Кайгарамаръ озеро, 273.
Камасы, обувь, 46.
Камплеи, платье верхнее особливаго манира, 43.
Камуды, Идолы до женскаго полу надлежащіе, 91.
Камули, боги горные, 74.
Канною, бѣсъ, 76.
Камчадалъ отъ чего названъ, 5, 8, 18.
— Какъ они себя называютъ, 3.
Камчадалы неплодородны къ произведенію дѣтей, 125.
— Житьемъ глупы и гнусны, 15, 16.
— Къ учтивости шапокъ не снимаютъ, 17.
— Въ пищѣ прожорливы, 32.
— Подобны скотамъ, 11.
Камчадалы житьемъ своимъ мнятъ себя быть отъ протчихъ народовъ лучшими, 24.
— Историческую древность о себѣ сказываютъ только на словахъ, 10.
— Кромѣ себя другихъ народовъ не знаютъ, 10.
— Природою народъ сей Мунгальской, 10, 11.
— Прежде сего живалъ за Амуромъ рѣкою въ Мунгаліи, 13.
— раздѣляется на три націи, 2.
— Въ языкѣ между собою разнятся, 13.
— Какіе народы имѣютъ около себя въ сосѣдствѣ, 2.
— За границы своихъ земель съ сосѣдами ссоръ не имѣютъ, 63.
— Ружьемъ огненнымъ владѣть не умѣютъ, 33.
— Политика ихъ въ обманахъ состоитъ, 64.
— богатства и славы себѣ не ищутъ, 16.
— Искусны въ знаніи натуральныхъ вещей, 11.
— Пересмѣхать и передражнивать другихъ горазди, 24.
— Тщательны переклатать всѣ вещи на свой языкъ, 8, 17.
— Умѣютъ удавать чужія рѣчи и дѣйства, такъ какъ бы кого передражнивать, 116.
— Любопытны, 76.
— Склонны къ музыкѣ, 114.
— Терпѣливы къ стужѣ, 6.

Камчадалы во время вьюги въ пути крѣпко подъ снѣгомъ лежатъ, 60.
—— Смертной казни и жестокихъ пытокъ не боятся, 234
—— При осадѣ непріятелямъ живьемъ себя не даютъ, 65.
—— бога не знаютъ, и грамматы не имѣютъ, 2.
—— Нынѣ же почти всѣ приведены въ Христіанскую вѣру, 135.
—— дѣтей своихъ охотно въ школы отдаютъ, 25, 81.
Камчадаловъ природа тѣла и обычай, 14.
—— мнѣніе ихъ о своей природѣ, 10.
—— Прародитель ихъ и жилище кто, 10.
—— Природа ихъ, 2.
—— Умноженіе и упадокъ, 11.
—— Измѣна ихъ, 225.
—— Замыслъ ихъ о полученіи прежней своей вольности, 225.
—— Злый ихъ къ тому умыслъ, 226.
—— Общей бунтъ, 232.
—— Кабалить и въ рабство ихъ брать непозволено, 234.
Камчатка земля какова и народы ея, 1.
—— рѣка тогожъ имени, 8.
Камчатки наименованіе, 8.
—— Населитель ея кто, 72.
—— Обрѣтатель оной сперьва, 190, 192.
—— О покореніи оной въ россійскую державу, 189.
—— Приведеніе ея во усмиреніе, 234.
Камчатской языкъ много сходенъ съ Мунгалами и Китайцами, 13, 14.
—— Произношеніе онаго, 7.
—— разность его, 6.
—— Народъ сей прежде жилъ въ вольности своей, 14.
Камчатскаго народа происхожденіе, 11.
—— Доказать о томъ прямо не льзя, 10.
Камчатскихъ народовъ нравы, 1.
—— Нынѣшнее ихъ состояніе, 236.
Капитанъ Тарынъ, наледь такъ называется, 289.
Каракакъ пустошь, 275.
Картежная игра казакамъ увеселеніе, 245.
Кауглачь, стрѣла съ костянымъ копейцомъ, 67.
Кахпитачь, верхнее платье, 47.
Кахтанъ, мѣсяцъ настовой, 19.
Каю мѣсяцъ, въ которомъ дикіе олени тѣлятся, 19.
Каюры, прокладчики дорогъ для проходу ловцамъ соболинымъ, 59.
Кейнду пустошь, 274.
Келуооль-кулечь, мѣсяцъ рѣкоставъ, 19.
Кемь-ортъ, малые гари урочище, 285.
Кемь-тарынъ, наледь называется, 285.
Кереатынъ рѣчка, 280.

Кипрей трава, изъ которой плетутъ ковры и епанчи, 38.
Китовой и тюленей жиръ Камчадалы ядятъ, 52.
Кихзуа-коачь Августъ мѣсяцъ, 20.
Кихнеру, мѣсяцъ листопадъ, 19.
Кича-коачь, мѣсяцъ Февраль, 21.
Клей дѣлаютъ изъ китовыкъ кожъ, 42.
Книги ясашные для збору, зачаты кѣмъ, 196.
Князцы Ламутокъ, 290.
—— Оленные, 291.
Коависъ, платье верхнее, 43.
Коазухта-коачь, мѣсяцъ Сентябрь, 21.
Коаспель, вѣтръ жировой, съ. веровосточной, 22.
Коачь, луна и солнце называютъ, 20.
Ковымское зимовье, 269.
Коекчучеи, женщины, которые съ мущинами обхожденія неимѣютъ, 24, 40, 125.
—— Сіе поносное слово и мущинѣ, 26.
Кожа мѣсяцъ, когда бѣжалые олени тѣлятся, 19.
Кожевное дѣло женщины работаютъ, 40.
Козей, собака называется, 79.
Кокодъ, столбы стоячіе въ юртѣ, 28.
Кокора рѣчка, 274.
Комъ, стрѣла томарова съ костяною головкою, 67.
Конмороръ пустошь, 273.
Коновъ столбъ урочище, 287.
Кончатъ, славной воинъ былъ и житель тамошняго мѣста, 9.
—— Отъ его имени рѣка Камчатка названа, 8.
Коочь-ай, воины называемые, 9.
Кордюгенъ урочище, 273.
Коромакъ пустошь, 273.
Короста болѣзнь, 130.
Коршуновка рѣка, и при ней застава, 287.
Коряки народы съ кѣмъ смежны, 2.
—— Имѣютъ въ языкѣ своемъ два нарѣчія, 6.
—— Себя поставляютъ лучшими всего свѣта житіемъ, 149.
—— Изъ довольства скота скупы на пищу, 153.
—— Природа ихъ, 147.
—— Къ женамъ своимъ ревнивы, 148
—— Называютъ другихъ народовъ какимъ нибудь именемъ, 5.
Коряки сидячіе вмѣсто женъ нѣкія камни или куклы почитаютъ, 146.
—— Женами своими посужаются, 148.
—— Вѣру Христіанскую принимаютъ, 235.
Коряковъ наименованіе, 5.
—— Два ихъ рода, 3.
—— Оленные и сидячіе, 146.
—— Жилища ихъ, 151.
—— И пища, 152.

Коряцкаго народа разность въ языкѣ , 168.
—— Произношеніе его , 7.
Котловъ вмѣсто, пищу варятъ въ деревянныхъ сосудахъ, 31 , 32.
Кошпедъ , толстыя бревна внутрь юрты , 28.
Коятахтымъ, лотка, 36.
Кранхль, планета медвѣдь, 22.
Крови пусканіе употребляютъ , 135.
Кропива , козаань называется, 21.
Куагалы озеро , 274.
Куа-коачь мѣсяцъ Іюнь , 20.
Кубалагъ пустошь , 274.
Кужни вмѣсто стакановъ употребляютъ , 31.
Кузучь , юрта сѣверныхъ Камчадаловъ , 28.
Кузькинга , танецъ такъ называется , 113.
Куйгулы , смотри узла.
Куйлькожалилачъ , мѣсяцъ рыболовной , 20.
Куйше, мѣсяцъ красной рыбы логля , 19.
Кукамлилиначъ кулечь , мѣсяцъ студеной , 19.
Куклянка , платье верхнее , 43.
Кулечь , гужичь , затмѣніе солнца и луны , 22.
Куллу , два озерка одного имени, 276.
Кулульджу , рѣчка , 273.
Куль тюрюкъ головной ушубы, 43.
Кумахтай хотьга урочище пещаного мѣста , или взъемъ, 272.
Кунгай , озеро , 276.
Кунеушхтъ , восточный вѣтръ , 23.
Купечества начало произведеніе на Камчатке древняго 259.
—— Нынѣшнее состояніе онаго и прибыль ихъ , 260.
—— И ущербъ , 261.
Куранакъ-галасъ, пустошъ , 224.
Курдюгель , пустошъ , 274.
Курильцы учтивѣе другихъ тамошнихъ народовъ , 182.
—— Съ женами и дѣтьми какъ обходятся , 283.
—— Они богатѣе Камчадаловъ, 48.
—— Съ кѣмъ смежны , 2.
—— Посторонніхъ народовъ какими именами называютъ, 5.
Куриловъ два рода , 3.
—— богопочитаніе ихъ и жертвы , 181.
—— Промыслы ихъ , 182.
Кирильской народъ добронравенъ , 7.
—— Природа ихъ , 179.
—— Покоренъ оной чрезъ В. Колесова , 196.
Куроптакъ , пустошь , 275.
Куталакъ , озеро , 279.
Кутчугуй-тылгыяхтакъ, озерко , 272 , 273 , 274.
Кутчугуй-орпъ, гари урочище , 285.
Кутъ , богъ Камчадаловъ , прародитель ихъ и населитель , 30.
—— Жена его и дѣти , 71.
—— Сестра, сынъ и внукъ, 71, 72.

Кууль, мѣсяцъ, въ которомъ тюлени щенятся, 19.
Кучугуй бахаджимъ, озеро, 274.
Кучугуй тарынь, малая наледь, 285.
Кушанье лучшее у Коряковъ и Чукчей, 162.
—— Самое деликатное, рыба гноеная въ ямахъ, 52.
—— Изготовленное про праздникъ, 53.
—— Варятъ въ деревянной посудѣ горячими каменьями, 32.
Куякъ, латы костяные и моржовые, 35.
Кыдышкуннычь, мѣсяцъ, въ которомъ долгіе дни бываютъ, 19.
Кыжатпъ, мѣсяцъ удобной къ ловлѣ звѣрей, 19.
Кыжу, мѣсяцъ ловля бѣлой рыбы, 19.
Кылъ сарынакъ, озеро, 274.
Кыргызовъ бунтовщикъ, 212.
—— Казнь ему, 214.
Кыртакъ рѣчка, 277.
Кытпагай озеро, 273.

Л

Ламарыки озеро, 274.
Ламутки ясашные около Охотска, 290.
—— Оленные, 291.
Лапки, лыжи, которыми прокладываютъ по снѣгу дороги, 59.
Лебини рѣка, 280.
Ледъ накипной, 283.
Леебагана рѣчка, 276.
Лена рѣка, 280.
Леткуль, начало мѣра, 20.
Лисицы кожи, въ торгу вмѣсто денегъ по цѣнѣ ходятъ, 265.
Листопадъ мѣсяцъ, 19.
Личь, нижнее окно у юрты, 28.
Лошка одна дѣлается въ три года, 32.
—— Называется она какъ, 36.
Лошокъ морскихъ первый вымыселъ, 72.
Луктурь рѣчка, 288.
Луна и солнце на ихъ языкѣ коачь, 20.
—— Затмѣнія ихъ, 22.
Лунная теченія счисленіе, 20.
Лѣкарства на разныя болѣзни, 132.
Лѣсу на Камчаткѣ въ которыхъ мѣстахъ довольно и скудно, 238, 239, 240.
Лѣто на Камчаткѣ коротко, а зима долга, 11.
Лѣто почитаютъ за годъ, а зиму за другой, 20.
Лѣта счисляютъ не по годамъ; но по случаю причинъ, 22.
Лѣтъ продолженія житія своего щитать не знаютъ, 18.
Лѣтописи о случаяхъ не имѣютъ, 22.
Лѣтняя ихъ работа, 37.

М

Майчарылакъ озеро, 277.
Мандарной рѣмень, 44.

Маралакъ , два озера , 277.
Матмая города пріѣздъ торговыхъ людей на Курильскіе острова , 214.
Махва , поясъ ременной мужеской, 45.
Мача, рѣчь, которая выше счета или числа превосходитъ, 18.
Маю рѣка , 286.
Медвѣдь планету называютъ кранхль , 22.
Мелкей озеро , 278.
Менга-аласъ озерко , 275.
Менне пустошь , 275.
Мерлинъ и Павлуцкой , слѣдователи Камчатскаго бунта, 233.
Мертвые когда во снѣ имъ видятся , что примѣчаютъ, 65.
Мертвыхъ людей тѣла , вмѣсто погребенія собакамъ бросаютъ , 135.
—— Платья послѣ умершаго надѣвать гнушаются , 136.
—— Очищеніе дому послѣ умершаго творятъ , 135.
—— Сидячіе Коряки тѣла мертвыхъ зжигаютъ , 166.
—— Курилы лѣтомъ въ землю , а зимою въ снѣгъ зарываютъ , 284.
Мету рѣчка , 288.
Митгъ , богъ морской , 73.
Міхайла Зиновьевъ первый зборщикъ ясака , 196.
Міогурте пустошь , 272.
Міра начало какъ полагаютъ , 20.
—— Мнятъ оной быть вѣчный, 77.
Младенцевъ въ небытность священника , дьячекъ креститъ , 244.
Молнію блистающую отъ чего быть разумѣваютъ , 22.
Море кто сотворилъ , 71.
Мужескъ полъ трудится о домашнемъ , 38.
Музыка у Камчадаловъ однѣ дудки , 114.
Мухоморъ богъ , владѣтель ядовитаго зелія , 109.
Мухоморы грибы ядятъ для трезвѣрнаго пьянства , 108 , 109 , 110.
Мѣста плодородныя въ нижнемъ остроѣ , 241.
Мѣсяцовъ въ году числятъ только десять , 18.
—— Имъ имена , 20 , 21.
Мѣсяцы временъ или случаевъ называемые тако :
1. Грѣховъ очищеніе , 18, 19.
2. Листопадъ , 19.
3. рѣкоставъ , 19.
4. Звѣрей слѣдить удобный 19.
5. Жестокихъ морозовъ, 19.
6. Настовой , 19.
7. Трясогускинъ , 21.
8. Тепла начало , 19.
9. Долгой день , 19.
10. Промышлять рыбу начинаютъ , 20.
11. бѣлой рыбы , 19.
12. Красной рыбы , 19.
13. Тюлени щенятся , 18.
14 Бѣжалые олени телятся 19.
15. Когда лакшаки щенятся, 19.

Мѣсяцъ продолжаемый чрезъ три мѣсяца , 19.
Мясное кушанье какъ варятъ и ядятъ , 52.

Н

Нангара рѣчка , 276.
Намтата озеро , 272.
Намчатанъ пустошь , 274.
Напитки пьяные изъ чего дѣлаются , 108.
Народа Камчатскаго сходство съ другими народами Сибирскими , 14.
Нарѣчія разныя Камчадал въ , 137
Наслѣдство въ пожиткахъ послѣ отца отдается первому сыну , 130.
Нарта , санки четырьмя собаками возимы , 54.
—— Цукъ собакъ по чему покупается , 58.
Начатки трудовъ приносятъ богу на жертву , 85.
Небо кто сотворилъ, не знаютъ , 71.
Невоздержанѣе во всемъ имѣютъ , 16.
Ни ни , знакъ привѣтственной рѣчи невѣсты къ жениху , 122.
Нижней Камчатской острогъ , 240.
—— Камчадалами взятъ былъ , 227.
—— Торжествуютъ о благополучии своемъ , 228.
Нижняго Камчатскаго острога построеніе , 233.
Чижношиталской острогъ , 240.
—— Присуды къ нему подчиненные остроги , 255.
Ниткокъ вмѣсто употребляютъ оленьи становыя жилы , 42.
Новый морской путь изъ Охотска на Камчатку сысканъ , 218.
Ножи дѣлаютъ изъ камня хрусталя и кости , 32.
—— Оные въ великомъ почтеніи имѣются , 33.
Нокко-основиль , мѣсяцъ Декабрь , 21.
Ноху рѣчка , 279.
Нравы Камчадаловъ грубы, и житье ихъ гнусно , какъ скотское , 11 , 17.
Нюйчинской Князецъ съ своими подчиненными , 290.

О

Обиды Камчадаловъ важныя въ чемъ состоятъ , 62.
Обычаевъ старыхъ перемѣна въ Камчадалахъ , 24.
Огонь выѣкаютъ вмѣсто огнива изъ дерева , 32.
—— Жертвенный въ почтеніи какъ у древнихъ Евреевъ , 107.
Огусь-баси , бычья голова озеро . 274.
Одежда на Камчаткѣ дорога , 248.
Одежды изъ кожъ кто первый у нихъ вымыслитель , 73.
Обутъ озеро , 272.
Олени лучшіе у сидячихъ Коряковъ , 166.

Оленей

Оленей кладутъ какимъ образомъ, 156.
—— Пастухи какъ ихъ раздѣляютъ стадо отъ стада, 156.
Оленные Коряки прелюбодѣевъ убиваютъ, 143.
Оленныхъ кожъ дѣло, 41.
Олѣонъ озеро, 272.
Омегъ, кушанье употребляемое при очищенїи грѣховъ 107.
Оночь, верхнее творило, или окно у юрты, 28.
Опанга, похлебка собачья, 52, 108.
Орѣонъ планета знаема Камчадаламъ, 22.
Оружїе ихъ военное, 66.
Осенняя работа Камчадаловъ, 39.
Острогъ имя что значитъ, 25.
Остроговъ на Камчаткѣ россїйскихъ пять, 236.
—— Приписныхъ сколько къ нимъ, 242, 253.
Отака употребляемая въ нападенїи остр6га или юрты, 63.
Отче нашъ молитва Господня, на Камчатскомъ языкѣ, 145.
Оулбута рѣка, 278.
Охота рѣка, 288.
Охотской портъ, 289.
Опатъ, такъ называются копылья у саней, 57.
Ошейники собачьи для впряганїя въ сани вмѣсто хомутовъ конскихъ, 56.
Ошталъ, палка кривая или шестикъ, которымъ вмѣсто вожжей собакъ въ ѣздѣ правятъ, 57.
Оюнь озеро, 279.

П

Павлуцкаго партїя для описанїя Камчатки отправленная, 222.
—— Слѣдователь съ Мерлиномъ Камчатскаго бунта, 233.
Парики женщины носятъ травяные, 47.
Парка, платье лучшее у Камчадаловъ, 44.
Парма, судно для перевозу кладей большихъ, 37.
Партїа россїйская отправленная для свобожденїя остр6га, 229.
Пастухъ надъ звѣрьми первый уставленный, 73.
Пашенные крестьяне живущїе при Алданѣ рѣкѣ, 278.
Петрильской грабитель ненасытный, 219.
Петръ Чириковъ прикащикъ на мѣсто Атласова удостоенъ, 203.
Пейшъ, стрѣла съ костянымъ тонкимъ копейцомъ, 67.
Пирожное кушанье дѣлаютъ изъ рыбьяго пѣльнова, 243.
Пиршествы бываемыя у Камчадаловъ, 108.
Письма тамошнїй народъ не знаетъ, 22.

Питье

Питье ординарное у Камчадаловъ всегда вода , 53.
—— А самое пьяное изъ мухомору дѣлается , 53.
Пи́ща у Камчадаловъ изъ какихъ качествъ строится , 49.
Пи́щу варятъ въ корытахъ каленными камнями , 87 , 97.
Платье Камчадалы дѣлаютъ изъ разныхъ кожъ , 42.
—— Лучшее ихъ , 44.
—— На Камчаткѣ дорого продаютъ , 48.
—— Разсамачье въ великомъ у нихъ почтеніи , 73.
—— Курильцы носятъ коженое ежъ но притомъ любятъ сукна и камки , 180.
Планета медвѣдь знакома Камчадаламъ , 22.
Плѣниковъ какъ мучатъ , 63.
Плодородная земля только въ нижнемъ острогѣ , 248.
Пляску мущины при веселіяхъ употребляютъ , 110.
—— И женщины , 111 , 112.
Побѣжникъ , вмѣсто дышла у саней , 56.
Погребеніе мертвыхъ , 135.
—— Младенцовъ , 135.
—— Поминки по нихъ , 137 , 166.
Подводчики , смотри бродильщики.
Подзоръ, опушка около платья въ какой знакъ , 44.
Подушной зборъ на Камчаткѣ збирается только съ казачьихъ дѣтей , 258.
Подчиненіе Камчатскихъ и Коряцкихъ остроговъ къ россійскимъ каждому по скольку , 142.
Пома Идолъ въ подобіе богини Сирской фалла , 107.
—— дѣлается изъ соломы для сожженія на огнѣ въ праздникъ очищенія грѣховъ, 104.
Поминовеніе по умершимъ, 137 , 166.
Поперешная рѣчка , 288.
Попъ поганый , 229.
Пороху и свинцу тамъ достать трудно , 249.
Порса , мука изъ сушеной рыбы , 51.
Пословица Камчатская , 210.
Посуда домовая какая у нихъ обходится , 31.
—— дѣлаютъ оную искусно , 11.
—— Желѣзная и мѣдная у нихъ въ чести , 34.
Поступки сего народа грубыя , 17.
Потяги , ремни у собачьей шлеи вмѣсто постромокъ шорныхъ , 67.
Въ походы ѣздятъ не чемъ , 56.
Пересмѣхать кого Камчадалы искусны , 24.
Пошлина съ вывозныхъ товаровъ Камчатскихъ , 265.
Праздникъ годовой очищеніе грѣховъ , 18 , 19 , 84 , 96 , 97 , 100.
—— Празднуютъ въ новомѣсячіи , 107.
—— Празднества онаго обрядъ , 95.
—— дѣйства отправляемыя , 102.

Праздники у Камчадаловъ въ злоупотребленіи , 107.
—— у сидячихъ Коряковъ , 160.
Праотцы ихъ, или народопроизводители , 72.
Преимуществовалъ въ Камчатскомъ народѣ тотъ , кто старъ и удалъ , 14.
Прелюбодѣи какъ бьются съ мужьями тѣхъ женъ , съ коими блудствовалъ , 183.
Прелюбодѣевъ и прелюбодѣйницъ убиваютъ , 148.
Прикащики бывшіе на Камчаткѣ до главнаго бунта , 215.
Припѣвъ стишка нѣкотораго въ плясаніи , 112.
Присягать въ вѣрности Камчадаловъ къ чему приводятъ , 161.
Птицамъ тамошнимъ званія , 188.
Пѣніе женщинъ при веселіяхъ , 111.
—— Подобіе разныхъ голосовъ звѣрей и птицъ , 113.
Пѣсня сочиненная Камчадалами на Подполковника Мерлина , и Маеора Павлуцкаго , и Студента Крашенинникова , 114.
Пѣсней сочинители тамошніе бабы и дѣвки , 64.

Р

Работа разная Камчадаловъ къ пріуготовленію годовыхъ припасовъ , 38.
Радуга , кожа замшеная , 41.
Разводъ мужа съ женою , 124.
Разореніе нижняго Камчатскаго острога , 215.
Разстоянія мѣстъ въ пути числятъ не верстами , но станціями отъ мѣста до мѣста , 14.
Раны отъ стрѣлъ ядовитыхъ чѣмъ излѣчиваютъ , 67.
Ревность къ женамъ своимъ имѣютъ , 125.
Римзегъ , смотри танецъ.
Рогожа , смотри чирела.
Родильницы послѣ родовъ изъ юртъ вонъ не выходятъ , 166.
—— Оправляются чемъ , 127.
—— Ядятъ пауковъ , чтобъ опять очреватѣть . 127.
Родословія о себѣ Камчадалы не знаютъ , 10.
Россіанъ . Камчадалы называютъ огнедышущими людьми , 4.
Ружья огненнаго тамъ достать въ великой цѣнѣ , 249.
Ружьемъ огненнымъ владѣть Камчадалы не умѣютъ , 31.
Румяна для красоты лицъ изъ чего дѣлаютъ , 48.
Рыбу ловить первый начинатель Тылжилъ Кутху , 72.
Рыбы въ нижнемъ остроѣ довольно , 240.
—— Тожъ и въ большерѣцкомъ , 238.
—— А въ верхнемъ скудно , 239.
рѣка Камчатка отъ Кончапта воина названа , 8.

рѣки мѣлкія произведены отъ бога Кутху , 73.
рѣчь позволительная невѣстина отца къ жениху , 120.
—— Къ Идоламъ, во время празднованія очищенія грѣховъ , 88.

С

Сладактанъ пустошь , 276.
Савина , богиня зари , 76.
Санки Камчадальскія , 55 , 57.
—— Какъ дѣлаются , 36.
Сасылъ рѣка , 281.
Сасъ озеро , 286.
Сатагай , озеро , 274.
Сахаръ у Камчадаловъ въ великомъ удивленіи , 154.
Свадьба и сватовство , 120.
Свадьба , родины и крестины у казаковъ нужды ради священниковъ отправляется за одинъ разъ , 244.
Свѣта сотвореніе вѣрятъ какъ , 20.
—— Систему его какову быть разумѣютъ , 77.
Сентябрь мѣсяцъ называется блеклой , 21.
Сидуку , дочь бога Кутху , 72.
Сидукамшичь , внука бога Кутху , 22.
Сидячіе Коряки женами своими пришельцамъ посуждаются , 148.
Сипангъ , рѣчь знака бѣды , 80.
Скота закупаютъ дорожные люди на пищу въ дорогу на проѣздъ пустыхъ мѣстъ , 275.
Сладкая трава употребляется на пищу и сидѣніе вина , 38.
Слѣдствіе о причинѣ бунта , 233.
Смертное убивство опасно только въ родствѣ своемъ , а въ протчемъ ничего , 162.
Сновидѣній истолкователи , 83.
Снѣгу Камчадалы охотники ѣсть , 53.
—— А лѣтомъ съ трудомъ оной достаютъ , 54.
Соарданакъ , рѣчка воронья , 279.
Собакъ нарта по какой цѣнѣ покупается , 249.
—— Оныя вмѣсто лошадей къ ѣздѣ употребляютъ , 54.
—— По скольку на нихъ верстъ въ дорогѣ ѣздятъ , 59.
Собачьихъ кожъ дѣло , 41.
Соболи лучшіе гдѣ водятся , 241.
Соли въ нижнемъ острогѣ довольно , 241.
Солнце , коачь называется , 20.
Солнечнаго года раздѣленіе , 2.
Сосновка рѣчка , 277.
Ссоръ о имѣніи и о кортахъ межъ собой не имѣютъ , 23.
—— бываютъ же болѣе за какія причины , 17 , 68.
Строеніе , избы , горницы , Камчадалы строятъ по россійскому обычаю , 24.
Стрѣлы дѣлаютъ костяныя и каменныя , 32.
—— Ядомъ для вреда наполяютъ , 67.
Суда конопатятъ мохомъ и травою , 36.

Судъ и расправа Камчадаловъ поручена Тоіонамъ ихъ , 23, 24 , 235.
Суевѣріе ихъ , 18.
Сусунъ-сысы , пустошь , 275.
Сцаки пьянаго человѣка отъ мухомору , пьютъ , 110.
Сытынахъ пустошь , 273.
Сымекалинъ , сынъ бога Кутху , 71.
Сѣверной вѣтръ называютъ жировой , 22 , 23.
Сѣшей вымыслитель первый кто, 72.
Сеѣтюръ , долгота пустыни , 272.

Т

Та , рѣчь подчиванїе гостя , кушай или ѣшь , на , возми , 106 , 119.
Таалджиранъ , пустошь , 276.
Табалакъ , пустошь , 275.
Таблица товарамъ покупной и продажной цѣны на Камчаткѣ , 263.
Табхалакъ , озерко , 279.
Тава , мѣсяцъ Маій , 20.
Тайнага , смотр. бѣлая рѣка.
Тайныя дѣйствія отправляемыя въ праздникъ очищенія грѣховъ , 102.
Талангано , зимовье урочище , 287 , 288.
Талба озеро , 273.
Талбакана , озеро , 275.
Тангага рѣчка 273.
Танцы , смотр. пляска.
Тарага , озеро , 277.
Тапская станція , 275.
Таппу рѣчка , 274.
Тгомкегсчичь , юрта южныхъ Камчадаловъ , 28.
Темена юль бенія рѣчка верблюжье падалище , 285.
Тигильской острогъ , 242.
Тимусчичь , сѣверныхъ Камчадаловъ юрта , 28
Тингекъ , лучшее платье Камчатское , 44.
Тираиство учиненное въ поступкахъ съ плѣнными , 63.
Тишиктякъ , пустошь , 275.
Товары похожіе на Камчаткѣ, 262.
—— Цѣна имъ тамошняя , 263.
—— Вывозные изъ Камчатки , 265.
Тогъ , сѣверозападный вѣтръ , 23.
Тоіонъ , начальникъ надъ Камчадалами , 22.
—— богаты аленми , 151.
—— Ѳетка Хорчинъ начальникъ бунта , 227.
Тоіоны бывшіе въ Камчатскихъ острожкахъ , 250 , 253 , 255.
Толкуша кушанье , 53.
Томаръ стрѣла , 67.
Тоншичь трава мятая вмѣсто труда употребляется къ высѣканію огня , 33.
Топоры каменные и костяные употребляютъ , 32.
—— Желѣзные у нихъ въ великомъ почтеніи , 33.
Торбасы , обувь изъ оленьихъ кожъ, 46.

Торгъ Японцовъ прежде сего бывалъ ли когда съ Камчадалами, 259.
Торгъ Камчадаловъ съ Корякими мѣною обходится, 17, 39.
—— Козаковъ, 248.
—— Вмѣсто денегъ лисицами торгуютъ, 265.
Торжество Камчадаловъ о благополучіи взятья россійскаго остр6га, 228.
Тоула, рѣчка, 276.
Трудъ для присѣканія огня изъ чего употребляютъ, 33.
Трясеніе земли учинившееся въ пути, 293.
Туара - сюлы пустошъ, 275.
Тубуляга, озеро, 280.
Туйла, богъ трясенія земли, 76.
Тумусяктакъ Кюль, мысовое озеро, 284.
Ту, ту, ту, рѣчь повторительная, которую говорятъ при празднованіи очищенія грѣховъ, 103.
Тыгытгы, озеро, 277.
Тыжиль Кутху, вторый сынъ бога Кутху, 72.
Тылгыяктакъ озеро, 273.
Тылланхая, гора, 281.
Тынгышхтъ, сѣверный вѣтръ, 23.
Тюгутте, рѣка, 277.
Тюленей жиръ ядятъ, 52, 53.
—— Кожи ихъ дѣлаютъ, 41, 42.
Тюлюгутте Кялахъ пустошъ, 276.

У

Убивства при женскомъ полѣ не чинятъ, 65.
Увѣчье получаемое при свѣтовстѣ невѣсты, въ хватаніи ея, 122.
Уга, знакъ рѣчи собакъ во ѣздѣ поворотить на лѣво, 57.
Уголь, весна называется, 2.
Узда на собакъ надѣваемая для ѣзды 56.
Укалтежидъ, планета оріонъ, 22.
Улажанъ, озеро, 273, 274.
Улакъ рѣка, 281.
Улусъ, пустошъ, 274.
Умершихъ тѣла Курильцы лѣтомъ въ землю хоронятъ, а зимою въ снѣгъ зарываютъ, 184.
Умя, озерко, 277.
Уракъ, рѣка, 288.
Урасалакъ, озеро, 274.
Урацкое плодбище, 287.
Урасягагъ, пустошъ, 272.
Урилыдачь, болванчики съ обтесанными головками дѣлаемыя для церемоніи праздника, 87, 97, 106.
—— Какъ подчиваютъ ихъ при празднованіи, 100.
Урюнъ-хамусъ, озеро, 273.
Усунъ-ерга, урочище, 272.
Утлейгынъ, богъ морской, 71.
Уфай, рѣчь приговора въ сожженіи Идола Пома, 104.

Учини-

Учтивства въ поступкахъ Камчадалы неимѣютъ, 17, 161.
Ушахчу, боги лѣсные, которые людей съ ума сводятъ, 75.
Уярской Князецъ съ подчиненными, 290.

Ф

Фалла, богиня древняя Сирская, 107.

Х

Хай, идолъ новой здѣланной изъ березоваго кряжа, 87.
Хантай идолъ домовой поставляемой въ юртѣ, 26, 97.
Ханчало, озерко, 274.
Харчинъ Ѳедька начальникъ бунта, 227.
—— Казакамъ здался на договоръ, и взятъ подъ караулъ, 231.
Хатыли, озеро, 273.
Хатъ рѣчка, 279.
Хаутеля, танецъ такъ называемый, 113.
Хаюшкукиигъ, слово значитъ плясание, 111.
Хиромантію Камчадалы искусно знаютъ, 84.
Хна, хна, хна, знакъ голоса въ ѣздѣ поворотить собакъ на право, 57.
Ходжала, рѣчка, 281.
Холостаго человѣка подозрѣніе, 47
Хомяга сосудъ, съ чемъ по воду ходятъ, 101.
Хомякъ, чашка большая, тожъ и лотка, 32.
Хоньбы, женское платье, 45.
Хоромасъ, урочище, 289.
Храбрость тамошнихъ народовъ, 71.
Хуйгулъ, проквашенная рыба, или згноеная въ ямахъ, деликатное ихъ кушанье, 52.
Хутлыжичъ, сестра бога Кутху, 71.

Ц

Цепь костяная искусной работы, здѣланная костянымъ ножемъ, 35.
Церковь святаго Николая въ большерѣцкомъ остроґѣ, 236.
—— Тогожъ имени въ верхнемъ остроґѣ, 238.
—— Успенія пресвятыя богородицы, въ нижнемъ Камчатскомъ остроґѣ, 240.
—— въ Авачинскомъ остроґѣ, 242.
Цынгу лѣтомъ чѣмъ лѣчатъ, 131.

Ч

Чагдала, рѣчка, 282.
Чажи, чулки оленьи, 47.
Часовня при Охотскомъ портѣ всемилостиваго Спаса, 289.
Часовни молитвенныя у Камчадаловъ крещеныхъ размножаются, 25.
Чаши большія дѣлаются чрезъ годъ, 22.
Чащина, званіе поборовъ излишнихъ сверхъ ясака, 248.

Чекуша, смотр. Уа-карель,
Чекуши костяныя вместо копей употребляются, 35.
Челюгымгъ, южной вѣтръ, 23.
Черной лѣсъ, урочище, 281.
Чипанда, рѣчка и озеро, 279, 280.
Чиранчи, озеро, 274.
Чирела, рогожа изъ травы сплетенная, 26, 102.
Чирьи, болѣзнь злая на Камчаткѣ, 131.
Чириковъ прикащикъ, 205.
Числа счету Камчадалы кромѣ десяти не знаютъ, 18.
Чисту, опушка уплатья вкругъ, 44.
Чичимыкъ, озеро, 280.
Чопчуча, рѣчка, 278.
Чоарайтипа, пустошь, 275.
Чужлингачь-кулечь мѣсяцъ. грѣховъ очищеніе, 18, 19.
Чукчи народъ по чему называются, 5.
—— Дѣтей своихъ къ трудамъ пріучаютъ, 162.
—— Приходящимъ гостямъ женами своими посужаются, 148.
Чукчей дружба въчемъ состоитъ. 248.
Чукоцкой народъ какъ обиленъ живьемъ, 147.
Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ жениха получить, ежели въ воровствѣ не окажется, 162.
Чулки дѣлаютъ изъ собачьихъ кожъ, 47.
Чумана, куженка берестеная, 31.
Чуприки, рыба вместо жареной, 51.
Чупчуларъ, озеро, 273.

Ш

Шаманы или волхвы, 82, 158.
—— Онижъ и лѣкари, 166.
Шамановъ начальникъ, 69.
Шаманства главное отправленіе, 82.
—— Во время праздниковъ, 83.
Шангина гарь, и зимовье, 287.
Шангышъ, вѣтръ восточный, 22.
Шапки носятъ Камчадалы на подобіе треуховъ, 47.
Шапокъ Камчадалы ни предъ кѣмъ не снимаютъ, и не кланяются, 17.
Шежедъ. санки для ѣзды на собакахъ, 55, 57.
Шишо, мѣсяцъ, въ которомъ лактаки щенятся, 19.
Шишь, игла, 34.
Школьное ученіе на Камчаткѣ для Камчадалскихъ дѣтей имѣется, 25, 81.
Шолканской Князецъ съ своимъ ясакомъ, 290.
Шопаначь, закрышка дверей у юрты, 28.
Шпаны лѣтніе и зимніе, 45.

Ъ

Ѣзда въ дорогѣ, гдѣ и въ какое время, 60.
—— Опасная въ какихъ мѣстахъ 61.
—— Коряцкая на оленяхъ, 154.
—— И на собакахъ, 54.

Ѣздить

Ѣздить на собакахъ быть осторожну , 58.
—— По скольку верстъ на нихъ переѣжаютъ , 59.
—— Въ сей ѣздѣ какое у нихъ состоитъ безчестіе , 57.
—— Зборщики ясаковъ въ пищи великую нужду претерпѣваютъ , 266.

Ю

Юдома рѣка , 286.
Юдомской крестъ урочище , 286.
Южной вѣтръ , Челюгинкъ называется , 23.
Юкагирскаго народа наименованіе, 5.
Юкола, сушеная рыба вмѣсто хлѣба , 49.
Юна рѣка , 284.
Юнаканъ рѣка , 283.
Юрта , жилище Камчатское какъ дѣлается , 25.
—— Сѣверныхъ и южныхъ Камчадаловъ , 28.
—— Корякіе и Чукоцкіе , 146.

Я

Ягодъ морошки , гдѣ довольно , 241.
Языкъ Камчатской имѣетъ сходство съ Мунгалскимъ , 13.
—— Произношеніе его , 7.
Якуты хвалятся тѣмъ , что онъ ѣдалъ жирную кобылятину, 161.
Якуцкой народъ отъ Китайцовъ отпадшій , 12.
Японская буса занесенная на Камчатку , 222.
Японцовъ прежде сего бывалъ ли какой портъ съ Камчадалами , 259.
—— бывшихъ прежде сего въ Россіи дву человѣкъ , обстоятельное о нихъ описаніе , 222.
Японскихъ острововъ провѣдываніе , 214.
Ярманка урочище, 271, 280, 289.
Ясаку плата отъ Камчадаловъ на годъ , 234.
Ясаковъ зборы , 252.
—— До какой суммы оной превосходитъ , 258.

Ѳ

Ѳедотъ Алексѣевъ изобрѣтатель Камчатки , 190.

КОНЕЦЪ ВСЕЯ КНИГИ

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

КАМЧАТСКАГО ОПИСАНІЯ

ТОМЪ ВТОРЫЙ

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О КАМЧАТСКИХЪ НАРОДАХЪ.

		стран.
Глава 1.	О Камчатскихъ народахъ вообще,	1
— 2.	О Камчадалахъ и отъ чего имя Камчадалъ происходитъ,	8
— 3.	О прежнемъ состоянiи Камчатскаго народа, о внѣшнемъ видѣ и поступкахъ ихъ,	14
— 4.	О Камчатскихъ острожкахъ,	29
— 5.	О домовой посудѣ и другихъ потребностяхъ,	31
— 6.	О мужскихъ и женскихъ трудахъ,	38
— 7.	О платьѣ,	42
— 8.	О пищѣ и питiи Камчатскаго народа и о пригото-вленiи оныя,	49
— 9.	О ѣздѣ на собакахъ,	54
— 10.	О военномъ ополченiи Камчадаловъ,	62
— 11.	О богѣ и о сотворенiи земли по ихъ мнѣнiю,	71
— 12.	О шаманахъ,	81
— 13.	О праздникахъ и церемонiяхъ,	84
— 14.	О пирахъ и забавахъ,	108
— 15.	О сведенiи дружества,	117
— 16.	О сватаньѣ и свадьбахъ,	120
— 17.	О плодородiи Камчадаловъ, о родахъ женъ ихъ и именахъ мужескихъ и женскихъ,	125
— 18.	О болѣзняхъ и лѣченiи,	130
— 19.	О погребенiи умершихъ,	135
— 20.	О разныхъ нарѣчiяхъ Камчатскаго народа,	137
— 21.	О Коряцкомъ народѣ,	145
— 22.	О Курилахъ,	179

ЧАСТЬ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О ПОКОРЕНІИ КАМЧАТКИ, О БЫВШИХЪ ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА БУНТАХЪ, ИЗМѢНАХЪ, И О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ТАМОШНИХЪ РОССІЙСКИХЪ ОСТРОГОВЪ.

		стран.
Глава 1.	О перьвомъ покоренІи Камчатки, - -	189
— 2.	О бунтѣ тамошнихъ казаковъ, о убійствѣ трехъ прикащиковъ и о слѣдствіи того убійства, -	209
— 3.	О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта, что при которомъ досписйнаго примѣчанія здѣлалось; о приключеніи при вывозѣ ясашной казны съ Камчатки; и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море, - - -	215
— 4.	О измѣнѣ Камчадаловъ, и о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ, -	225
— 5.	О Камчатскихъ остроГахъ, о ихъ преимуществѣ и недостаткахъ и о нынѣшнемъ ихъ состояніи, -	236
— 6.	О тамошнихъ жителяхъ и о ихъ содержаніи,	243
— 7.	О подчиненныхъ каждому остроГу Камчатскихъ и Корякскихъ острожкахъ, о ясачномъ зборѣ съ нихъ и о казенныхъ доходахъ, - - -	249
— 8.	О купечествѣ, - - - -	259
— 9.	О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку переѣжать можно, - -	265

Digitized by Google

Österreichische Nationalbibliothek
+Z155522508

Digitized by Google